

Восточный архив

№ 1 (27), 2013

Восточный архив

Издается с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
В.С. Мясников
Р.Г. Пихоя
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова
А.Н. Хохлов
Т.Л. Шаумян

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
И.В. Зайцев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
М.Т. Кожекина

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Верстка

Г.М. Абишева

Журнал издается Институтом востоковедения РАН

Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать _____

Объем 12,0 п. л.

Отпечатано в типографии Максимова
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы

© Институт востоковедения РАН.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Кункова В.И. Сведения о халифе Ал-Мансуре в рукописи сочинения «Мухтасар ад-дувал» Бар Гебрея	4
Васильев А.Д. Паломники из России у шиитских святынь Ирака. Конец XIX века	9
Горячкин Г.В. Египетские принцы в России	18
Зайцев И.В., Кизилев М.Б. Путешествие Серая Шапшала по Турции в 1911 году	25
Малевинская М.Е. Корея и российско-корейские отношения в документах Российского государственного архива Военно-Морского Флота. Конец XIX – начало XX века	35
Антошин А.В. «Тайная дипломатия» СССР в Эфиопии и Эритрее 1920 – начала 1930-х годов глазами русского эмигранта	43
Марахонина С.И. Деятельность востоковеда Сергея Елисеева в Гарварде. 1932–1957 годы	50
Бухерт В.Г. «Тема моей диссертации не является случайной...» К истории кризиса в советско-турецких отношениях в 1945–1947 годах	62
Беляков В.В. Русская православная церковь в Египте	72
Хазанов А.М. «Поколение Кабрала»: путь в революцию ...	76
Виноградов В.М. Тегеран. 27 декабря 1979 года. Из воспоминаний советского посла. Послесловие В.Г. Коргуна	87
Наши авторы	96

Oriental Archive

No. 1 (27), 2013

CONTENTS

Editor's notes	3
Kunkova, Veronika. Data on Khalif Al-Mansour in the manuscript "Muhtasar ad-douval" by Barhebreus	4
Vassilyev, Alexander. Pilgrims from Russia's visits to the Shia Moslems' sacred places in Iraq. Late XIX century	9
Goryachkin, Gennadiy. Egyptian princes in Russia	18
Zaytsev, Ilya, and Kizilov, Mikhail. Travel of Seray Szapszal in Turkey in 1911	25
Malevinskaya, Marina. Information on Korea and Russian-Korean relations contained in documents kept by the Russian Navy State Archive. Late XIX – early XX century	35
Antoshin, Alexey. So called "secret diplomacy" of the Soviet Union in Ethiopia and Eritrea during 1920s – beginning of 1930s according to a Russian emigrant	43
Marakhonova, Svetlana. Activities of the Russian orientalist Sergey Elisseev in Harvard University. 1932–1957.....	50
Buhert, Vladimir. On history of crisis in Soviet-Turkish relations between 1945 and 1947	62
Beliakov, Vladimir. Russian Orthodox Church in Egypt	72
Khazanov, Anatoliy. Generation of Amilcar Cabral: the road to revolution	76
Vinogradov, Vladimir. Tehran, December 27th, 1979. Memoirs of the Soviet Ambassador. Epilogue by Victor Korgun	87
Contributors	96

СЛОВО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели!

Нынешний номер «Восточного архива» впервые подготовлен без участия неизменного главного редактора журнала, профессора В.И. Шеремета (05.12.1940 – 05.10.2012). Впрочем, добрую половину публикуемых статей Виталий Иванович в свое время просмотрел и утвердил к печати. Соратники покойного главного редактора по редколлегии журнала старались сделать нынешний номер таким же разнообразным по тематике и насыщенным – как интересными, впервые публикуемыми документами, так и основанными на архивных материалах статьями. Надеюсь, что у нас это получилось.

28 ноября 2012 г. Ученый совет Института востоковедения РАН назначил меня главным редактором «Восточного архива». В состав редколлегии включена супруга покойного В.И. Шеремета – историк и опытный редактор Людмила Владимировна Зеленина. Мы оба много лет работали рука об руку с Виталием Ивановичем и при поддержке других членов редколлегии намерены и дальше содействовать стабильному выпуску нашего журнала.

Теперь несколько слов о содержании номера. Пожалуй, главная его особенность в том, что большинство материалов посвящено отношениям России со странами Востока. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Наши коллеги по хорошо известной причине редко получают возможность работать в зарубежных архивах и потому направляют свои усилия на исследование архивов отечественных. А в них как раз и доминируют документы по теме «Россия и Восток». Да и сама эта тема – одна из приоритетных в современном российском востоковедении. Но есть и исключения. Так, статьи А.В. Антошина, С.И. Марахоновой и А.М. Хазанова основаны на зарубежных архивах.

Другая особенность нынешнего номера в том, что четыре его материала посвящены странам Африки. Публикуя их, мы исходили из того, что Восток – это не только страны, находящиеся в Азии. Африканские страны роднит с ними общность колониальной судьбы и порожденных ею проблем, а нередко и общность религии. Да и история отношений России со странами Африки зачастую похожа на историю ее контактов с азиатскими странами.

Мне приятно отметить, что почти половина авторов номера – не москвичи. Солидно представлена родина В.И. Шеремета – Санкт-Петербург (В.И. Кункова, М.Е. Малевинская, С.И. Марахонова). Очередной интересный материал прислал энтузиаст архивного поиска из Екатеринбурга А.В. Антошин. А член редколлегии журнала И.В. Зайцев привлек в качестве соавтора стипендиата Университета Тюбингена (Германия) М.Б. Кизилова. Это еще раз подтверждает: «Восточный архив» давно уже превратился из внутриинститутского издания, каковым он был в первые годы своего существования, в журнал для всех востоковедов, у кого нет аллергии на архивную пыль.

В.В. Беляков

В.И. Кункова

СВЕДЕНИЯ О ХАЛИФЕ АЛ-МАНСУРЕ В РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЯ «МУХТАСАР АД-ДУВАЛ» БАР ГЕБРЕЯ

В собрании Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге хранится арабская рукопись № С-703. Это сочинение «Мухтасар ад-дувал» («Компендий (истории) государств»), автором которого является сириец-христианин, историк, филолог и богослов Йуханна Григурийус Абу-л-Фарадж (Ибн ал-‘Ибри) Бархебреус ал-Малати (1226–1286), известный также как Бар Хебрайя, Бар Гебрей или Barhebraeus¹. В манускрипте содержится весьма информативный отрывок, посвященный правлению одного из наиболее известных и сыгравших большую роль в истории Аббасидского государства правителей – халифа ал-Мансура (754–775). В данном списке рукописи имя автора отсутствует². Дата переписки – 26 августа 1605 г. (13 раби’ второго 1014 г.х.). Текст написан в стиле неровного насха (заголовки – крупного сулса) на европейской бумаге с филигранью в виде якоря в овале с использованием черных чернил; красными чернилами выделены некоторые заголовки, оформление текста и знаки, разделяющие предложения³. Список содержит 115 листов⁴.

Данное сочинение представляет собой краткое изложение мировой истории – библейские сюжеты, историю Древнего Ирана, Греции, Римской империи, Византии, Арабского халифата до монгольского нашествия включительно. Арабской истории посвящена большая часть книги. «Мухтасар ад-дувал» делится на десять частей (по названию страны – даула), которые в свою очередь делятся на главы (фасл).

Глава «Абу Джа’фар ал-Мансур» относительно большая по сравнению с главами, посвященными другим халифам, она занимает два листа рукописи. Приводимый ниже перевод отрывка содержит как общеизвестные факты о времени правления халифа ал-Мансура, так и некоторые интересные для

историков детали, которые помогут в создании более полного представления о халифате Аббасидов.

* * *

Абу Джа’фар ал-Мансур – ‘Абд Аллах ибн Мухаммад ал-Имам ибн ‘Али ибн ‘Абд Аллах ибн ал-‘Аббас, которому присягнули в 139 году. В том же году был убит Абу Муслим ал-Хурасани, убил его ал-Мансур из-за того, что когда они оба вместе совершали паломничество во время правления ас-Саффаха, Абу Муслим [по пути] одевал бедоуинов и приводил в порядок колодцы и дороги, что принесло ему славу; за это Абу Джа’фар возненавидел его. Когда люди покидали место паломничества, Абу Муслим двигался впереди Абу Джа’фара и в пути его настигла новость о кончине ас-Саффаха; он написал Абу Джа’фору о его брате, и не радовался он тому, что тот станет халифом; и не стал его догонять и не вернулся. Абу Джа’фар ал-Мансур устранился от него, обдумал все и замыслил козни; и не мог спать, пока не схватит его. Абу Муслим спросил совета у своих сотоварищей о том, вернуться ли ему к ал-Мансуру. Сказал [один из них]: «Я не считаю, что ты должен идти; я считаю, что ты должен стремиться в Хорасан, потому что не настигает ал-Мансура дремота с тех пор, как сказали ему, как принимается мнение из-за утоления жажды, и ты ушел также». Когда Абу Муслим прибыл к ал-Мансуру, он приказал встретить его с высочайшим почетом и уважением; затем он пришел к ал-Мансуру и поцеловал его руку; приказал он ему удалиться и освежить свою душу этим вечером и пойти в баню, и тот удалился. На следующий день ал-Мансур снарядил четырех своих стражников, поставил их в засаду за балдахин и сказал им: «Если я хлопну рукой, то делайте свое дело». [Потом он] послал за Абу Муслимом,

приглашая к себе, и пришел он к ал-Мансуру, предстал перед ним и упрекал он его, напоминая о его ошибках. Вот некоторое из того, что он ему поставил [в упрек]: «Разве ты не первый писал мне, и ты пришел ко мне и сказал: “Где стражники, пришло ко мне письмо, прочитай его; потом ты сообщал о нем Малику ибн ал-Хайсаму, он читает его, и вы оба насмехаетесь”. Начал Абу Муслим оправдываться перед ним и целовал землю у его ног. Ал-Мансур сказал: “Да убьет меня Аллах, если я тебя не убью!” и хлопнул [рукой]. Вышли стражники и ударили его своими мечами, и кричал он и молил о пощаде, говоря: “Оставь меня [в живых] против своих врагов, о, повелитель правоверных!” Ответил ему ал-Мансур: “Кто же из врагов больший враг для меня, чем ты?”» <...>

В 140 году ал-Мансур отправил ‘Абд ал-Ваххаба, сына его брата Ибн Хаймара ибн Мухаммада имама, с 70 тысячами воинов в Малтийу, они прибыли туда и восстановили там все, что разрушили византийцы, это заняло у них шесть месяцев. Поселил там ал-Мансур более четырех тысяч воинов с оружием и боеприпасами и построил крепость Фалаузийа. В том же году выступили *равандийа*, один из народов Хорасана, против ал-Мансура в городе ал-Хашимийа. Они говорили о переселении душ и утверждали, что их господь, который их кормит и поит, — это ал-Мансур, и начали совершать обход вокруг его дворца, говоря, что это дворец нашего господа. Ал-Мансур не одобрил подобное, вышел к ним пешком, словно не было во дворце ни одного верхового животного, и отвел их на рынок, где они все собрались. Там на *равандийа* напали и всех убили, а было их шестьсот человек.

В 144 году ал-Мансур схватил двенадцать потомков ал-Хасана ибн ‘Али (мир ему) и отправил их из Медины в Куфу, где их заперли в маленьком доме, <...> где они все умерли. Затем выступил [против ал-Мансура] Мухаммад ибн ‘Абд Аллах ибн ал-Хасан ибн ал-Хусайн ибн ‘Али ибн Абу Талиб (мир ему) в Медине и собрал народ, который провозгласил его *махди*. Выступил

также его брат Ибн Хаймар в Басре с тридцатью тысячами [воинов], оба они сражались, но проиграли.

В 145 году ал-Мансур начал строительство города Багдада, причиной этого было то, что он уже построил ал-Хашимийу в окрестностях Куфы. Из-за того, что в ней (в ал-Хашимийе — *В.К.*) восстали против него *равандийа*, он возненавидел ее жителей, а также из-за ее близкого расположения к Куфе. Он не доверял ее жителям, [боялся] за себя (а они уже начали сеять раздор в его войске) и ушел оттуда в поисках места, где сможет поселиться вместе с его войском. Сказали ему знающие люди: «Ты знаешь, о эмир верующих, что [это место] должно быть на пересечении [путей] и между реками так, чтобы твой враг не смог добраться до тебя по самому высокому мосту. Ты перегородишь [этот мост], и они не приблизятся к тебе. Ты [будешь находиться] посередине между Басрой, Куфой, Васитом, Мосулом, Савадом, Тигром и Евфратом. Это [положение в качестве] связующего звена [будет] подобно рвам вокруг твоего города. Продукты для тебя в него будут поставляться по суше и по морю». И охватило ал-Мансура желание поселиться в таком месте. Когда он решил строить Багдад, то приказал разобрать ал-Мада’ин и дворец Хосрова, отправил куски от Белого дворца в Багдад и осмотрел их; а количество, необходимое ему, превышало стоимость железа, и он отказался от обломков. Вечером он заложил Круглый город, некоторые люди в нем располагались ближе к государю, чем другие. Он возвел два ряда стен, построил в центре [города] себе дворец, рядом с ним построил соборную мечеть, в которой неправильная *кибла*, поэтому молящийся должен поворачиваться в сторону ворот Басры. Рынки города поразили посланника правителя Византии, он провел всю весну, обходя город. И сказал [ал-Мансур]: «Что ты думаешь [о городе]?». Тот ответил: «Я видел прекрасные здания, однако также я видел твоих врагов рядом с тобой, то есть чернь». Когда посланник уехал, [ал-Мансур] приказал удалить [чернь] в район ал-Карх, а также прика-

зал, чтобы в каждом районе его города бакалейщики продавали овощи и уксус, согласно потребностям.

В 150 году умер Абу Ханифа ан-Ну'ман ибн Сабит, имам.

В 158 году ал-Мансур отправился из Багдада в хадж и остановился во дворце 'Абдавайх, во время его нахождения там исчезла звезда в лучах зари, и остался след от нее до восхода Солнца; позвал он ал-Махди, своего сына, а он его сопровождал, чтобы тот вверил и завещал ему имущество и власть. Он (ал-Мансур. – В.К.) сказал ему: «Я вверяю тебе людей твоего дома, чтобы разносились вести об их благородстве. Поистине твое могущество – их могущество. Помни о них. Делай то, что я говорю. Заботься о своих *мавали*, делай им добро, не жалея для них ничего, осыпай их деньгами, чтобы обрести силу. Делай то, что я говорю. Следи за этим городом, ты должен построить его восточную часть, не откладывая ее строительство. Делай то, что я говорю. Живи со своими женами. Делай то, что я говорю. Это мое завещание тебе. Аллах – мой заместитель для тебя». [После этого ал-Мансур] попрощался с ним, и каждый из них присоединился к своим спутникам. Затем он отправился в Куфу, и каждый раз, проходя мимо ее домов, усиливалась его боль о тех, кто умер там. Когда он дошел до Би'р маймуна, на рассвете в зу-л-хиджжу 158 года умер. Отнесли его в Мекку и вырыли для него сто могил, чтобы запутать людей, и похоронили его в другой могиле с непокрытой головой, что было символом *ихрама*. Было ему тогда 63 года. Срок его правления в халифате составил 22 года. По поводу его внешности и характера говорят, что он был смуглым, стройным, с редкой бородой, а по нраву был лучшим из людей; выходил к людям, имея много терпения. Его детской забавой было то, что он надевал свою [парадную] одежду и выходил [в таком виде на улицу], и от этого трепетали перед ним высокие чином, не говоря уже о низких. Не было в его доме никаких игр, забав или развлечений. Сказал Хамад ат-Турки: «Я стоял около ал-Мансура, когда он услышал какой-

то шум и сказал мне: “Иди и посмотри, что это”. Я пошел и вдруг [увидел], что его слуга, вокруг которого сидят невольницы, играет для них на лютне, и они смеются. Я сообщил об этом ему. Он сказал: “А что такое лютня?” Я описал ему ее. Он сказал: “Ты не знаешь, что такое лютня”. Я сказал: “Я ее видел в Хорасане”. После этого он встал и пошел к ним, когда [невольницы] увидели его, испугались. Он подзвал слугу и так ударил его по голове той лютней, что она сломалась, а затем он выгнал его и продал. Когда дошло до него известие о смене моды и удлинении колпаков, под которыми прятали локоны, то он приказал сосчитать дома жителей Куфы, а доля каждого дома была пять дирхемов; когда он узнал их количество, то одарил их сорока дирхемами.

[Новая] глава. В разгар строительства Багдада ал-Мансура поразила желудочная болезнь, которая долго продолжалась. Каждый раз, когда лекари [пытались] его лечить, болезнь только обострялась. Ему сообщили, что лучший лекарь – это Хурхис (Георгий. – В.К.) ибн Лахтишу' ал-Джундишапури, и он поспешил позвать его. Отослал его (лекаря. – В.К.) наместник Джундишапура, который ненавидел его, и он уехал. Он вверил своему сыну Лахтишу' больницу и взял себе в спутники своего ученика 'Ису ибн Сахля. По его прибытии в Багдад [ал-Мансур] приказал ему явиться. Когда тот пришел на аудиенцию, он обратился к нему по-персидски и по-арабски. Ал-Мансур был поражен красотой его речи и внешнего вида, приказал ему сесть, расспросил его о разных вещах, на что тот ответил со спокойствием, и рассказал [халиф] ему о своей болезни. Сказал ему Хурхис: «Истинно, я вылечу тебя, если пожелает Аллах и поможет». И тут же [ал-Мансур] одарил его почетной одеждой, отправил жить в ал-Раби', а это было самое красивое место в его доме; и приказал оказывать ему такие почести, какие подобают благороднейшим из знатнейших. Хурхис усердствовал в лечении, пока [халиф] не выздоровел, что вызвало его огромную радость. Сказал ему как-то [ал-Мансур]: «Кто тебе здесь прислуживает?». Тот ответил:

«Мои ученики». Сказал ему халиф: «Я слышал, что у тебя нет жены». [Лекарь] сказал: «Моя жена старая и слабосильная, не может даже подняться с места», затем удалился с аудиенции и вышел вон. Ал-Мансур приказал своему слуге Салиму привести [лекаря] трех византийских невольниц и [дать] три тысячи динаров. Когда пришел Хурхис в свое жилище, увидел своего ученика 'Ису ибн Сахля, и узнал все, что касается невольниц. Затем сказал, обращаясь к 'Исе: «О, ученик дьявола! Зачем эти [невольницы] пришли в мой дом? Ты хотел, чтобы мне стало плохо? Верни их хозяевам!» Пошел он ('Иса. – В.К.) во дворец халифа и вернул их слуге. Когда весть об этом дошла до ал-Мансура, он приказал [лекаря] прийти. [Халиф] сказал ему: «Почему ты вернул невольниц?». Тот ответил: «Не разрешает нам христианский образ жизни брать в жены больше одной женщины, пока [христианин] жив, не женится ни на ком другом». Халифу понравились его слова, и еще больше увеличилось его уважение к нему из-за его добродетели. В 152 году заболел Хурхис тяжелой болезнью. Когда усилилась его болезнь, ал-Мансур приказал доставить его во дворец и вышел встречать его пешком, спросил о его состоянии, и тот сказал: «О эмир верующих, позволь мне вернуться в мою страну, чтобы повидаться с семьей и сыном, и если я умру, чтобы меня похоронили рядом с моим отцом». [Халиф так и] сделал и сказал ему: «О мудрец, да сохранит тебя Аллах и дарует тебе рай». Сказал [в ответ на это] Хурхис: «Я был бы доволен, если бы оказался рядом с моим отцом, неважно в раю или в аду». Засмеялся ал-Мансур от его слов и потом сказал: «Поистине, с тех пор, как я тебя встретил, я получил спасение от моих хронических болезней». Сказал Хурхис: «Я оставляю своим наследником для тебя, о эмир верующих, своего ученика 'Ису, он очень искусный [лекарь]». [Халиф] приказал [дать] Хурхису десять тысяч динаров, позволил ему уехать и отправил вместе с ним слугу и сказал ему: «Если он умрет в пути, доставь его в его дом, чтобы его там похоронили, как он пожелал». И они вдвоем отправились

в его страну. Затем ал-Мансур приказал явиться 'Исе ибн Сахлю. Когда тот предстал перед ним, он спросил его о некоторых вещах и понял, что он искусен и взял его [себе] лекарем. Ал-Мансур также сделал его своим советником в вопросах, касающихся митрополитов и епископов, их тайных заговоров, невзгод и случаев вымогательства взяток. Когда ал-Мансур отправился в одну из своих поездок и приблизился к Нисибину, ['Иса] сообщил одному митрополиту, грозя ему и запугивая, что откажет ему в том, что он запрашивал из церковной утвари. А 'Иса уже до этого ходатайствовал, чтобы дали ему ценных дорогостоящих предметов церковной утвари; и [написал] в своем письме к этому митрополиту: «Разве ты не знаешь, что халиф в моих руках, если я захочу, то вызову у него болезнь, и если захочу, излечу его?» Когда митрополит получил это письмо, то замыслил хитрость и обратился к своему товарищу, объяснил ему суть дела и дал ему прочитать письмо. После этого его товарищ отправил это письмо халифу и осведомил его об истинном положении дел. После этого ал-Мансур приказал взять все, чем владел 'Иса-лекарь, наказать его и отправить в ссылку. Так и было сделано. А ссылка – самое отвратительное из изгнаний, и это результат злодеяний.

Ал-Мансур сопровождал Бухт, перс-звездочет, и был он достойным, искусным и знатоком небесных светил и планет, их соединений и свойств. Когда он стал не способен сопровождать [халифа], ал-Мансур сказал ему: «Приведи своего сына, чтобы он занял твое место». И тот привел своего сына Абу Сахля. Рассказывал Абу Сахл: «Когда мы вошли к ал-Мансуру и я предстал перед ним, мне было сказано представиться перед эмиром верующих. Я сказал: “Мое имя Хуршазмах Тимазмах Маназа Рахсар Ванхисаз”». И сказал мне ал-Мансур: «Чтобы запомнить твое имя, потребуется вся память». Я сказал: «Да». Ал-Мансур улыбнулся. Затем он сказал: «Твой отец ничего мне не оставил, кроме как выбрать одно из двух решений, либо сократить твое имя до одного, которое я смог запомнить – Тимаз, или при-

думать тебе кунью (прозвище. – *В.К.*), которая бы стала для тебя вместо имени, и эта кунья – Абу Сахл». Абу Сахл сказал: «Мне нравится эта кунья». Так за ним закрепилась кунья, а имя его не звучало⁵.

Примечания

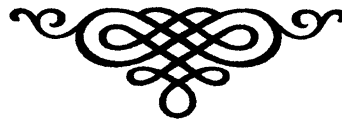
¹ *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.-Л., 1957. Т. IV. С. 826.

² *Михайлова А.И.* Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. М., 1965. Вып. 3. С. 54–55.

³ Там же.

⁴ Арабские рукописи Института востоковедения. Краткий каталог. М., 1986. Ч. 1. С. 423.

⁵ *Абу ал-Фарадж Йуханна Баркиригурийус ибн Харун ал-Мутатаббид ал-Мулати ан-Насрани.* Мухтасар ад-дувал. Арабская рукопись № С-703 из коллекции Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Л. 52-54.

А.Д. Васильев

ПАЛОМНИКИ ИЗ РОССИИ У ШИИТСКИХ СВЯТЫНЬ ИРАКА

Конец XIX века

В Российском государственном военно-историческом архиве хранится докладная записка русского консула в Багдаде П. Панафидина о хадже «русско-подданных мусульман-шиитов с Кавказа в Ирак, к шиитским святыням в Эн-Наджафе, Кербеле и Казмейне»¹. Документ представляет немалый интерес ввиду того, что его автор привел достаточно подробные сведения о данном социальном явлении. Консул сообщал такие интересные и важные сведения, как количество паломников в разные периоды года, зависимость хаджа от сезона, примерные суммы, расходуемые паломником на путешествие, и т.п. Документ содержит интересные сведения о маршрутах хаджа, о составе караванов паломников, о состоянии русско-персидской границы в конце XIX в. и способах ее перехода паломниками.

Публикуемая докладная записка важна еще и потому, что впоследствии, при разработке решений о регулировании хаджа, на нее как на основной аналитический документ о паломничестве российских шиитов ссылались сотрудники Азиатского департамента МИД и Военного министерства Российской империи². К сожалению, подготовка документа к публикации совпала по времени с закрытием на ремонт Архива внешней политики Российской империи и установить биографические данные автора, коллежского советника Панафидина, пока не удалось.

* * *

*Главный штаб, №12533/126.
Получено 12 февраля 1892 г.
Министерство иностранных дел,
Департамент Азиатский
Января 24 дня 1892 г.
№ 393.
Господину военному министру³*

Реляция на полях: «Надо сообщить начальнику Закаспийской области»⁴

Консул наш в Багдаде представил в МИД копию с донесения своего послу нашему в Константинополе вместе с запискою, разбирающей вопрос об упорядочивании паломничества наших подданных мусульман, в значительном количестве отправляющихся ежегодно в Турецкую Аравию для поклонения священным местам шиитов.

Полнота доставленных по сему предмету коллежским советником Панафидиным сведений, в связи с обстоятельной разработкой самого вопроса и ясностью конечных выводов, не могли не обратить на представленную консулом нашим записку внимание Министерства и[ностранных] дел, вследствие сего оно считает долгом препроводить у сего на благоусмотрение Вашего Высокопревосходительства копии с донесения консула нашего в Багдаде послу в Константинополе от 19 ноября минувшего года за № 426 и следующей к оному записки, и присовокупить, что одновременно с сим копии с этих же бумаг препровождены к министру внутренних дел и главноначальствующему гражданской властью на Кавказе.

Товарищ министра (подпись)

Н.П. Шишкин⁵

Директор:

Граф Дмитрий [Алексеевич] Капнист⁶

*Копия с донесения консула в Багдаде
господину Российскому императорскому
послу в Константинополе
от 19 ноября 1890 г. за № 426*

Турецкая Аравия, как известно, является местом поклонения для мусульман шиитского толка. Из 100 000 паломников, прибы-

вающих сюда ежегодно со всех концов мира, около 13.500 падают на долю российско-подданных и преимущественно жителей Кавказского края.

Из всех прибывающих сюда русско-подданных ни один не бывает снабжен не только заграничным, но и каким бы то ни было видом; естественным последствием такого положения дела является то, что в случае смерти кого бы то ни было из них, затем в случае преступлений, убийств, грабежей, увода лошадей (последнее составляет заурядное явление) вверенное мне консульство бывает поставлено в затруднение отправлять свои функции, так как лишено всякой возможности проверить сами личности жертв преступления или потерпевших.

Независимо от того, как персидские, так и в особенности турецкие власти, пользуясь тем, что паломники наши не используют никаких видов, чинят на глазах консульства такие злоупотребления, которые не могут быть допущены без ущерба его авторитету. А между тем, по необходимости, нужно мириться с этим, так как оказывать содействие паломникам при настоящем положении этого вопроса значило бы только увеличить наплыв беспаспортных и этим усугубить тот убыток, который причиняют паломники, унося ежегодно от народного оборота более 2.000.000 рублей, расходуемых ими по караван-сараям Турции и Персии, и нанося прямой ущерб казне в 170.000 рублей ежегодно, из каковой суммы 13.500 рублей золотом падают лишь на долю вверенного мне консульства, канцелярский сбор которого представляет ныне ничтожную цифру в 20 рублей в год.

Это, впрочем, лишь одна сторона вопроса. Правда, важнее по своим последствиям может быть тот неизмеримый вред, который беспаспортные паломники могут нанести всему отечеству в те годы, когда, по санитарным соображениям, паломничество бывает воспрещено и когда, несмотря на то, наши паломники не только являются сюда тысячами, но даже привозят с собой и трупы. Так, в минувшем году с началом периода паломни-

чества в сентябре месяце прибыло 1 037 человек, а в октябре 611. А между тем паломнические караваны, как я имел честь доносить во время эпидемии прошлого года, служат одним из распространителей инфекционных болезней на всей линии их движения, и, принимая во внимание, что следование наших паломников совершается ... (слово не читается. – *А.В.*) различными путями, ведущими из Турецкой Аравии в различные местности Кавказского края, как упомянуто в записке, зараза может быть перенесена ими одновременно в различные пункты империи.

Такое поистине ненормальное положение дела по необходимости должно было быть терпимо первоначально, вследствие неимения в Багдаде русского консульства и затем за недостатком кадров. Ныне обстоятельства изменились. Консульство, получив возможность иметь агентов в различных местностях Турецкой Аравии и, между прочим, в Казмейне, Кербеле и Неджефе, главных местах поклонения, вместе с тем имеет в руках, как показал опыт, предпринятый мной в течение сентября и октября месяцев, и средства контроля над паломниками. Дальнейшая успешность деятельности консульства в этом направлении будет, конечно, зависеть от тех мер, кои будут приняты надлежащими властями для упорядочения настоящего вопроса.

Так как из всех пограничных консульств Персии и Турции только одно багдадское консульство имеет возможность полного ознакомления с вопросом о паломниках, увы, то посему я и почел себя обязанным, для всестороннего освещения этого дела, составить подробную записку, основанную как на личных моих наблюдениях во время пребывания в Персии и последнего путешествия в Кербелу, так и на расспросах паломников, прибывших сюда из разных мест Кавказа. Помянутую записку при сем имею честь представить на благоусмотрение Вашего превосходительства на тот конец, если бы Вы изволили возможным дать ей дальнейший ход.

К сему имею честь присовокупить, что копии с настоящего донесения и приложен-

ной к нему записки представляются на благоусмотрение господина начальника Азиатского департамента и российского посланника в Тегеране.

**Записка о паломничестве
жителей Кавказа
в священные места шиитов,
находящиеся в Турецкой Аравии**

**Места поклонения в Турецкой Аравии
и их значение для шиитов**

В Турецкой Аравии, как известно, находятся священные места шиитов, стекающих ежегодно со всех концов мира на поклонение гробницам Алиа в Неджефе и Хусейна в Кербеле. Сюда же свозятся на погребение и трупы, вследствие установившегося у помянутой мусульманской секты убеждения, получившего с течением времени значение догмата, в том, что погребение в этих священных городах споспешествует достижению рая. Но кроме этих главных центров поклонения, существуют и второстепенные. Казмейн, в 7 верстах от Багдада, с могилами двух братьев Кадмов, Куфа с развалинами мечети, в которой был убит Али, Сулейман-Пак, в пяти часах расстояния от Багдада, где, по преданию, находится могила Сулеймана, брадобрея Магомета, Самарра с могилами имамов Али-Хади, Хасана Аскери, Мехти Сехаби-Земан и другие места.

Все эти места в период паломничества представляют собой пеструю амальгаму различных национальностей, связанных лишь общим религиозным чувством. Наряду с нашими кавказскими жителями здесь можно встретить арабов, суданцев, сирийцев, албанцев, индийцев, белуджей, персиян и даже китайцев.

Наибольший контингент паломников дает Индия, насчитывающая среди своего многоплеменного населения до 5.000.000 мусульман шиитского толка, затем Персия, побережье Персидского и Аравийского заливов и, наконец, наше отечество и преимущественно Кавказ, паломники же из Закавказья и Туркестанского края многочисленны.

**Ежегодное количество паломников
русско-подданных
и периоды паломничества**

Количество паломников, прибывающих с Кавказа, за отсутствием статистических данных, не может быть с точностью определено. По словам же проживающих в Казмейне и Кербеле старожилов, знакомых с положением дела, оно колеблется от 12 до 15 тысяч человек в год, следовательно, за среднюю цифру можно принять 13.500 человек в год.

Вообще же, как кажется, количество паломников находится в прямой зависимости от того, на какие месяцы солнечного года придутся наиболее чтимые мусульманские праздники в течение месяца Мухаррема, — праздники, к которым паломники стараются попасть в Кербелу, а именно первые десять дней Мухаррема, известные под именем «Ашура» и посвященные воспоминанию битвы, в которой погиб Хусейн в 61 году хиджры (680 г. по Р.Х.) на равнине Кербелы; в это время обыкновенно бывает наибольший наплыв паломников. Не попавшие же к Ашуре стараются прибыть в «Арбаин», 40-й день после 10-го мухаррема, посвященный также памяти Хусейна. Если Ашура приходится на осенние и зимние месяцы или же раннюю весну, то паломников больше; если же эти дни приходятся на жаркие месяцы, совпадающие вместе с тем со временем полевых работ, то паломников меньше. Исключение составляют лишь жители Баку и северной части Бакинской губернии, а также Дагестанской области (Петровска, Дербента и др.), прибывающие в Казмейн всегда по окончании навигации, в декабре и январе месяцах. Так как в течение 34 солнечных лет каждый лунный месяц, а следовательно, и два вышеупомянутые периода последовательно обойдут все 12 месяцев солнечного года, то, принимая во внимание вышеупомянутые соображения, можно наперед вычислить периоды наибольшего наплыва паломников.

Затем второстепенными периодами времени паломничества являются 1 и 15 числа месяца Реджеба в память имама Хусейна,

27-е того же месяца в память Алиа, 17-е Раби уль-Эввеля, день рождения Мухаммада, 15 Шабана в память имама Хусейна и, наконец, 21, 22 и 23 дни Рамазана, «Лейлет-эль-Кадри», ночь неизменных определений, в которую, по мнению мусульман, Коран был открыт Мухаммеду; в эту ночь отверзаются врата неба и всякая молитва и просьба бывает услышана. Шииты наверно не знают, когда именно открывается это время. После многих споров между богословами решено было, что ночь эта должна быть 21, 22 или 23 числа Рамазана, а поэтому, чтобы не впасть в заблуждение, празднуются все три помянутые ночи.

Организация паломничества, чауши.
Количество потребных для паломников
расходов

Паломничество на Кавказе имеет свою организацию, довольно прочно поставленную благодаря особому классу людей, известных под именем «чаушей», занимающихся исключительно организацией караванов и служащих проводниками их. Хорошие и опытные чауши пользуются известностью во всем округе и уважением местных жителей. Это занятие является часто наследственным, переходя от отца к сыну, в течение поколений. Во все время данного пути чауши являются тем, чем является капитан на судне. Они одни знают наперед станцию, достоинства или неудобства того или иного пути в данное время; они же разбирают возникающие по дороге недоразумения между членами каравана и вообще пользуются авторитетом. На станциях содержатели караван-сараев не взимают платы с чауша, так что в течение всего пути он ничего не тратит ни на себя, ни на своего коня. Вознаграждение чауш получает от членов каравана добровольное, в несколько приемов: по отправлении, по прибытии в первый пограничный персидский город, затем в Кирманшахе и, наконец, в Казмейне, Кербеле и Неджефе. Обыкновенно он расстилает на земле платок, в который каждый член каравана кладет деньги в количестве, сообразном с его средствами. Сбор палом-

ников обыкновенно совершается следующим образом.

Месяца за два до наступления Мухаррема по деревням кавказского края начинают разъезжать чауши, приглашая желающих отправиться на поклонение священным местам. Затем назначаются сборные пункты, в которые к назначенному сроку и стекаются все пилигримы, выбравшие себе того или иного чауша, который и проводит их через границу, как кажется, без особых затруднений, судя по тому, что паломники проходят иногда партиями в 70 человек или более всадников. Каждый паломник едет на своей лошади, имея за седлом переметную суму (хурджила), в которую складываются запасные пара платья, белье и дорожные припасы. Большинство паломников вооружается охотничьими ружьями, револьверами и кинжалами, некоторые же и скорострельным оружием (карабинами Винчестера, берданками и Пибоди). Люди не достаточные, не имеющие лошади, идут пешком, присоединяясь к караванам. Впрочем, пешие паломники составляют, быть может, 1/20 часть всего количества пилигримов. Минимум расходов на путешествие в оба конца можно определить для конного паломника в 75 кредитных рублей и для пешего в 25.

Шесть главных путей, избираемых
паломниками, жителями Кавказа.

Значение Кирманшаха

Сообразно своему местожительству, наши кавказские паломники избирают при следовании в Турецкую Аравию различные пути, причем жители одной и той же волости стараются, по заранее условленному плану, попасть в первый сборный пункт на персидской территории к одному и тому же времени. Таким сборным пунктом для жителей южной части Эриванской губернии является Тавриз, куда они прибывают по большой караванной дороге через Маранд и Софиан. Через этот же город следуют и жители южной части Елисаветпольской губернии (уездов Шушинского и Джебраильского), направляясь в Тавриз через Худаферин и персидскую провинцию Караджадаг (че-

рез селения Махрузлу, Мелекли-Кенди, Тухумдиль, Мехтарли, Серенда и Хадмие).

Вторым сборным пунктом является Ардебиль, куда направляются жители горной части Бакинской губернии (уездов Пета-ринского, Ленкоранского, Геок-тепинского и Сальянского). Жители же города Баку и северных частей Бакинской и Елисавет-польской губернии, а также жители Даге-станской области (Петровска и Дербента) предпочитают отправляться морем и выса-живаются в персидских портах Энзели или Барфуруш. Высадившиеся в Энзели изби-рают путь через Решт, Зенджан в Хамадан, а из Барфуруша следуют через Амоль в Те-геран. Наконец, для жителей западной час-ти Эриваньской губернии и Карской обла-сти сборным пунктом служит город Хой, ку-да они прибывают через Макинское ханст-во. Из Хоя некоторые направляются на Тавриз, другие, меньшинство, избирают до-рогу через Курдистан, Миандуаб, Сулейма-нию.

Таким образом, сборными пунктами на персидской территории служат Тавриз, Ар-дебиль, Хой, Решт и Барфуруш. Соответст-венно этому и дороги, по которым следуют паломники по Персии, распадаются на сле-дующие 6 групп: 1) Тавриз – через Бинаб – Саин-Кала, в Кирманшах. 2) Ардебиль, Зенджан, Хамадан, Кирманшах. 3) Хой – Тавриз, Бинаб, Раин-Кала, Кирманшах. 4) Хой – через Курдистан. Впрочем, ныне до-рога эта вследствие грабежей, чинимых ту-рецкими и персидскими курдами, почти ос-тавлена. 5) Решт – Зенджан – Хамадан – Кирманшах. 6) Барфуруш – Тегеран – Кум – Кирманшах. Из изложенного усматривается, какое важное значение не только для палом-ников, но и вообще имеет Кирманшах как узел пересечения всех важнейших дорог, ве-дущих из пределов Империи в Турецкую Аравию.

Из Кирманшаха все паломники следуют одной и той же дорогой, идущей из назван-ного города через Макидешт, Гарун-Абад, Керинд, Серипуль, Касри-Ширин в Хане-кин, находящийся на турецко-персидской границе. Из Ханекина дорога идет через

Шахребан, Бакубу в Багдад или Казмейн, находящийся в 7 верстах от этого города. Из Казмейна паломники уже расходятся в Кер-белу, Неджеф и другие места.

Злоупотребления, чинимые персидскими и в особенности турецкими властями

Таким образом, этими путями из года в год совершается паломничество наших кав-казских жителей, привыкших смотреть на него как на выполнение одной из религио-зных потребностей, как на нечто обязатель-ное. При этом они едва ли сознают обязан-ность подчиняться общим узаконениям им-перии запасаться надлежащим заграничным или даже хотя каким бы то ни было видом. Естественным последствием такого взгляда на дело является то, что немедленно по пе-реходе за пределы империи они отдают себя добровольно произволу сначала персидских, а затем турецких властей.

Впрочем, надо сознаться, что при про-ходе через Персию наши паломники не ис-пытывают особых препятствий, находясь среди своих единоверцев, считающих гре-хом притеснение паломников – «зуввара». Если и встречаются злоупотребления, то они оканчиваются патриархально, миролю-биво, и притом злоупотребления эти возни-кали 3 или 4 года тому назад, когда персид-ское правительство воспретило паломниче-ство своим подданным и вместе с тем дове-ло до сведения Императорской миссии в Те-геране, что вследствие беспорядков на гра-нице, в Курдистане, проезд паломников че-рез Персию воспрещен. Распоряжение это, однако, как и большая часть мероприятий персидского правительства, осталось мерт-вою буквой и послужило лишь к тому, что дало источник лишнего дохода погранич-ным властям, которые в некоторых пунктах, под предлогом этого распоряжения, оста-навливают караваны паломников и после непродолжительного торга довольствуются сбором одного крана с головы и с лошади и пол-крана с пешего. На такие поборы кон-ный странник истрачивает 4–5 кранов в те-чение всего пути по Персии. Случаи особых поборов, каковые некогда имели некоторые

миканские и караджадагские ханы, являются редким исключением.

Но с прибытием в Ханекин на турецкую границу обстоятельства круто меняются. Здесь уже паломники вступают в страну, преобладающим населением которой являются сунниты – исконные враги шиитов. Смотрящие на паломников исключительно с точки зрения дохода. Здесь уже нет той патриархальности, которую они встречали в Персии; здесь злоупотребления оформлены и, так сказать, освящены если не законом, то временными обязательными правилами.

Ханекин представляет собой турецкий пограничный карантинно-таможенный пост. Здесь беспаспортных русско- и персидско-подданных заставляют брать турецкие паспорта (тезкере), в которых прописываются и приметы, хотя турецкие власти лишены, за отсутствием всяких национальных видов, всякой возможности проверить главный вопрос о правильности показаний относительно подданства. Между тем многие персидско-подданные, не желая иметь дело с пребывающим в Багдаде персидским консульством, объясняются русско-подданными; с другой стороны, русско-подданные нередко выдают себя за персидско-подданных и непременно уроженцев Караджадагской провинции. Делается это исключительно потому, что караджадагцы являются храбрыми и арабы избегают нападать на караваны караджадагских жителей. Иногда караван в 100, в 150 человек караджадагцев по ближайшем рассмотрении оказывается в действительности караваном, состоящим из нахичеванских или ордубадских жителей. Вообще разобраться при определении национальности среди паломников возможно лишь при больших навыках и еще большем терпении и настойчивости, турецкие же тезкере могут только ввести в заблуждение. Да и сами турецкие власти установили эти тезкере только с точки зрения дохода, так как за каждое тезкере положено взыскивать $2\frac{1}{2}$ крана и сверх того в пользу карантина 4 крана. Не говоря уже о сомнительности права турецкого правительства выдавать подобные

тезкере, турецкие чиновники взыскивают более, да кроме того требуют уплаты денег не кранами, а турецкою монетой, которой у паломников нет, почему они и вынуждены обращаться к находящемуся тут же меняле (серрафу). Этот последний представляет собой негласного компаньона чиновника, выдающего паспорта, и принимает в обмен персидскую монету по им же самим установленному курсу. В Казмейне злоупотреблений не чинится из боязни заступничества консульства, которое с начала паломничества в нынешнем году стало ежедневно посылать в этот город каввасов. В Кербеле же турецкие тезкере визируются местными властями, причем за визу взимается два гуруша.

Кроме того, в минувшем году здешний генеральный губернатор поставил вверенное мне консульство в известность, что на основании распоряжения военного начальства и МВД, основанного на существующих в Турецкой империи узаконениях, огнестрельное оружие с казенными клеймами (разумеются скорострельные ружья) будут отбираться у паломников при вступлении их в пределы Турции и засим выдаваться владельцам лишь при обратном их следовании через границу.

Так как это мероприятие имело общий характер, касаясь всех многочисленных поклонников-мусульман, прибывающих как из империи, так и из других стран, то посему вверенное мне консульство представило изложенное на благоусмотрение императорского посольства, в видах постановления в известность кого следует для объявления паломникам российского подданства.

Изложенная мера являлась сама по себе вполне понятной, так как нельзя отрицать права турецкого правительства принимать меры к прекращению доступа скорострельного оружия через посредство паломников к арабским кочевым племенам. Однако на самом деле местные власти не остановились на этом и, вопреки заявлению, стали взимать поборы за право иметь гладкоствольные охотничьи ружья, заряжающиеся с дула, а также за револьверы, пистолеты и даже

кинжалы. Именно за право иметь при себе охотничье ружье и револьвер или пистолет взимается 10 курушей и за кинжал 5 курушей; при этом обыкновенно выдается расписка в том, что оружие оплачено сбором. Разумеется, и здесь не обходится без злоупотреблений, и случаи взыскания двойного или тройного сбора составляют обычное явление. Таким образом, мероприятие, вначале вполне допустимое, в очень скором времени послужило источником незаконных поборов. То же самое наблюдается и при сборе установленной в Турции пошлины за проход через мосты: паломники в некоторых местах должны платить вдвое, а иногда и вчетверо больше положенного.

Роль консульства по отношению к паломникам

До учреждения Российского консульства в Багдаде российско-подданные, пребывающие в Турецкую Аравию, находились под покровительством французских консулов, которые не имели возможности ознакомиться с вопросом о паломничестве и часто находились в затруднении оказывать содействие паломникам, не будучи уверены в правильности их показаний о подданстве. Мало-помалу паломники свыкались с неизбежностью такого положения дел и лишь в случае убийства и грабежей обращались в консульство, и то не во время пребывания своего в Багдаде, а по прибытии в Россию, посылая прошения с места своего жительства. Такой крайне ненормальный порядок продолжался до последнего времени, когда Багдадское консульство получило возможность и средства иметь агентов в главных пунктах Турецкой Аравии и, между прочим, в Казмейне, Кербеле и Неджефе.

Таким образом, ныне вверенное мне консульство имело бы возможным оказывать надлежащее содействие нашим паломникам, если бы только они снабжены были установленными видами, так как оказывать им покровительство при настоящем положении дела значило бы лишь увеличивать наплыв беспаспортных российско-подданных и тем усугублять и без того значительный

убыток, наносимый ими как всему Кавказскому краю, так, в частности, и казне*.

Количество ежегодного убытка, наносимого паломниками

Чтобы не быть, однако, голословным, я сделал попытку определить, разумеется, приблизительно, тот убыток, который причиняет паломничество при настоящем его положении как Кавказскому краю, так и казне.

Принимая за среднегодовую цифру 13.500 паломников в год и считая, как выше было указано, минимум расходов на конного паломника 75 рублей в оба конца, оказывается, что ими ежегодно уносится из народного оборота около 1 миллиона рублей, которые и расходуются по караван-сараям Персии и Турции. Правда же, в это число входит и около 675 пеших паломников, издерживающих около 25 рублей на каждого, однако при этом надо иметь в виду, что цифра в 75 рублей является минимальной и что люди эти постоянно издерживаются гораздо более этого.

Затем, следуя без паспорта, паломники наносят уже непосредственный ущерб казне, который выражается в следующих цифрах:

1) Плата за 13.500 полугодовых паспортов, считая по 10 рублей за паспорт, всего 135.000 рублей в год.

2) За гербовые марки в 80 коп., наложенные на прошения к губернатору – 10.800 рублей.

3) То же на объявления в казначейство – 10.800 рублей.

4) Явка паспортов при въезде и выезде из Багдада по 50 коп. за каждую – всего 13.500 рублей.

Таким образом, огромный убыток, непосредственно наносимый казне паломниками, простирается от 170.000 рублей.

Затем нельзя также упускать из виду и тот неизмеримый вред, который может быть

* Разумеется, в крайних случаях, как например, в случае убийства, грабежа или увода лошади, консульство поставлено бывает в необходимость оказывать содействие и беспаспортным.

нанесен паломничеством при настоящем положении всему отечеству. Я разумею здесь те годы, в которые по санитарным соображениям паломничество воспрещается. Так, например, циркуляром от 23 сентября 1889 г. за № 2883 товарищем министра внутренних дел сообщено было, что для предупреждения занесения заразы в империю выдача заграничных паспортов мусульманам, отправляющимся на поклонение священным местам в Турцию и Персию, впредь до нового распоряжения воспрещена.

Между тем по наступлении времени паломничества стали прибывать с Кавказа беспаспортные «зуввары» караванами в сотни человек. Так, в сентябре месяце, как я имел честь доносить, таких паломников прибыло 1 037 человек, затем в октябре 611 человек.

К счастью и совершенно случайно, вопреки ожиданиям и примерам прежних эпидемий, холера в Ираке и Месопотамии не возобновилась ныне с наступлением времени наибольших жаров в августе, а появилась в апреле и мае и притом лишь в трех местах и после скоро кончилась. Если бы эпидемия совпала со временем паломничества, то она наверно занесена была бы опять в Персию и, быть может, проникла бы и в Россию, так как эпидемия прошлого года с удивительной правильностью следовала по дороге паломников, караваны которых при обратном следовании таяли весьма быстро, теряя на каждой станции по несколько человек и таким образом разнося заразу. Позволяю себе сослаться на одно из донесений моих по сему предмету, из которого усматривается, что в минувшую эпидемию караван в 400 человек русско-подданных во время следования из Казмейна в Кербелу и обратно в течение двух недель потерял 60 человек, умерших от холеры, и продолжал таять при обратном следовании в Ханекин, оставляя на каждой станции умерших.

Причины ненормального положения вопроса о паломниках

Причин настоящего нежелательного положения, в котором находится паломничество, несколько. Сами паломники при опросах

все показывают, что не запасаются паспортом вследствие высокой их стоимости, а также и потому, что получение заграничных паспортов сопряжено с довольно сложными формальностями, выполнение коих для людей, незнакомых с ними, является затруднительным. Есть, однако, более веские причины, способствующие ненормальному положению этого вопроса, а именно естественный характер нашей персидско-кавказской границы. Пределы Персии отделяются от Закавказского края с северной своей стороны Араксом, легко переходимым вброд или в мелководье почти на всем его протяжении, затем с восточной стороны граница идет сначала Муганской степью, где охранение ее еще затруднительнее, далее лесистыми горными кряжами Ленкоранского и Петаринского уездов, и наконец... (одно слово неразборчиво. – *А.В.*) горною речкой Петарою, извивающейся так, что, следуя однажды по дороге из Ардебилля в Петару, я должен был несколько раз, не оставляя дороги, переехать из персидских владений в российские и обратно. Такие условия границы, конечно, способствуют тайному переходу ее. Кроме этой главной причины, существует и второстепенная – это неимение до 1885 г. русского консульства в Багдаде, которое только одно может собрать все данные по вопросу о паломниках, а вместе с этим следить за тем, чтобы прибывающие сюда паломники были снабжены установленными паспортами. Опыт, предпринятый вверенным мне консульством в течение наступления периода паломничества в этом году, показал, что с назначением агентов имеется возможность контроля над зувварами. Успешность дальнейшей деятельности консульства в этом направлении будет, конечно, зависеть от принятия соответствующих мер нашими подлежащими властями к тому, чтобы положить конец этому ненормальному положению настоящего вопроса. Обсуждение этих мер выходит из пределов компетенции вверенного мне консульства, однако, при всем том, мне кажется, что я не исполнил бы своей обязанности, если бы обошел молчанием те выводы, к которым привело

меня внимательное изучение настоящего вопроса.

Меры, могущие споспешествовать
упорядочению вопроса о паломничестве

Было бы, кажется, односторонне обусловливать упорядочение вопроса о паломничестве исключительно принятием мер на границе к воспрепятствованию тайного перехода ее. Как сказано было выше, естественные условия нашей персидско-кавказской границы благоприятствуют тайному переходу ее, если только к воспрепятствованию такого перехода не будут приняты какие-либо особые меры, как усиление кордонов и т.п. Но меры эти потребуют и особых расходов, между тем, как кажется, есть возможность достигнуть этой же цели без особых затрат, другим путем, именно: сделать ответственными сельские общества под круговую поруку за каждого члена их, отлучившегося без узаконенного вида, а также обязать чаушей брать самим заграничные паспорта и не принимать, под личною ответственностью, в свои караваны беспаспортные лица. Облегчение формальностей при выдаче паспортов также, быть может, принесло бы свою пользу.

Разумеется, пройдут, быть может, года, прежде чем удастся искоренить нараставшее в течение столь длительного времени среди кавказских жителей убеждение в ненужности запастись паспортами при отправлении в паломничество. Но, как бы то ни было, настает ныне надобность изменить старый порядок, который представляется совершенно аномальным явлением и не может не быть признан отжившим, если не в действительности, то в теории. Обязанность для «зулваров» запастись паспортами имела бы за собою и ту хорошую сторону, что количество паломников сократилось бы значительно, это не преминуло бы в свою очередь отозваться на ослаблении религиозного фанатизма среди мусульманского населения Кавказа и принесло бы свою долю пользы и с точки зрения народного хозяйства.

Коллежский советник (подпись)

Панафидин

* * *

Публикуемый документ свидетельствует о том интересе и внимании, которое правительство уделяло вопросу регулирования и контроля хаджа. Привлекает внимание и тот факт, что целью составителя не являлось запрещение хаджа под предлогом предотвращения развития эпидемий, а акцент был сделан именно на правильную организацию паломничества. Предлагаемые в заключение записки меры, несмотря на несколько подозрительное отношение автора документа к хаджу как к источнику радикальных идей для шиитов Кавказа, можно охарактеризовать все же не как запретительные. Это, скорее, попытка легализовать сложившуюся ситуацию путем как строгого регулирования паспортного режима, так и упрощения визовых процедур Российской империи и сделать тем самым официальную политику в отношении российских мусульман-шиитов более действенной. Документ является одним из немногих свидетельств того малоисследованного внимания, которое российские власти уделяли именно паломникам-шиитам.

Примечания

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 1552. Л. 1–19 об. Дело по вопросу об упорядочивании паломничества наших мусульман в Мекку. О принятии под наше покровительство бухарско-подданных в Турции.

² См., например, РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3494, 3390, 3104 и др.

³ С 1882 по 1897 г. Военным министерством руководил П.С. Ванновский (1822–1904).

⁴ С 1890 по 1898 г. начальником Закаспийской области являлся Н.А. Куропаткин (1848–1925).

⁵ С 1891 по январь 1895 г. Н.П. Шишкин (1827–1902) занимал должность товарища министра иностранных дел. С 1896 г. – министр иностранных дел.

⁶ С 1891 по 1896 г. Д.А. Капнист (1837–1904) являлся директором Азиатского департамента МИД.

Г.В. Горячкин

ЕГИПЕТСКИЕ ПРИНЦЫ В РОССИИ

Контакты между правящими династиями Романовых в России и Мухаммеда Али в Египте в конце XIX – начале XX в. имели большое значение в развитии русско-египетского цивилизационно-культурного диалога. В этот период нормализовались отношения между двумя государствами, получили развитие культурно-политические связи и торгово-экономическое сотрудничество. Результатом и одновременно залогом их дальнейшего укрепления стало сближение правящих фамилий.

Невмешательство России во внутренние дела Египта привлекало внимание его правителей, которые сначала в связи с англо-французским давлением, а позднее только с английским часто опирались на помощь и содействие российских генконсолов. Понимая необходимость иметь хорошие отношения с руководством Египта, российские дипломаты использовали двойственный характер власти в этой стране. С одной стороны, Египет номинально сохранял статус крупнейшего вилайета Османской империи, с другой – являлся с 1882 г. фактической колонией Великобритании. Русские дипломаты старались установить тесные связи с хедивом и принцами. Особенно показательна в этом отношении деятельность дипломатического агента и генерального консула в Египте Александра Ивановича Кояндера¹. Он находился на этом посту в 1887–1902 гг. – дольше других глав российских представительств в этой стране. Именно при нем достигли наибольшего расцвета русско-египетские отношения в сфере политики и культуры. Неударом, заканчивая свою дипломатическую службу в Египте, А.И. Кояндер был удостоен высших почестей и пышного приема хедива Аббаса II Хельми², путешествие которого в Российскую империю он в свое время так тщательно подготовил.

В 1888 г. Россию посетили сыновья хедива Тауфика – 15-летний наследник престола Аббас-бей и его 13-летний брат Мухаммед Али. Их сопровождали церемониймейстер хедивского двора Тонино-паша, директор турецкого бюро хедива Махмуд Шукри-бей, воспитатель принцев, профессор арабского языка Нагиб-эфенди, а также многочисленная свита³. Молодые принцы совершали путешествие по Германии и России «с разрешения отца и турецкого султана, которое испрашивалось согласно вассальному положению хедива и восточному этикету»⁴.

Дипломатические источники подчеркивают, что поездку в Россию братья Аббас и Мухаммед совершили по настоянию своего отца хедива Тауфика. На этот же факт, говоривший о стремлении правителей обеих стран всемерно укреплять межгосударственные отношения, используя личные связи и симпатии, указывал генконсул А.И. Кояндер⁵.

Юный наследник египетского престола родился 14 июля 1874 г. в Александрии. До 1882 гг. Аббас (будущий хедив Египта в 1892–1914 гг.) воспитывался в гареме своей матери Амины. Обучение языкам он начал с турецкого и английского. К арабскому стал приобщаться только в 1882 г. вместе с братом Мухаммедом Али и с 500 сверстниками из именитых семей в пансионате дворца Абдин. Затем по распоряжению отца, Тауфика-паши, он продолжил образование в Лозанне. В 1887 г. тринадцатилетним был определен в академию Марии-Терезии в Вену, где к нему вскоре присоединился брат Мухаммед Али. В этом элитном учебном заведении они «постидали военную культуру, навыки командования и послушания закону». Отсюда братья и совершили поездку в Россию.

Путешествия юного наследника египетского престола за границу начались еще до

достижения им десятилетнего возраста. В своих воспоминаниях Аббас-паша отмечал, что посещал Англию, Францию, Италию, Германию, Швейцарию, Россию, Австрию, Норвегию и другие европейские страны не для развлечений и удовольствия, а ради получения знаний о европейской экономике, культуре и занятиях населения⁶.

Подготовка официального визита сыновей хедива в Российскую империю началась задолго до его осуществления, с большой вероятностью, с появления в Каире в 1887 г. А.И. Кояндера. Именно его следует считать инициатором этой поездки, а также почти параллельного визита членов царской фамилии в Каир в рамках налаживания связей между правящими династиями Российской империи и Египта⁷.

О важности этой подготовки говорит письмо министра иностранных дел России Н.К. Гирса⁸ А.И. Кояндеру: «Из сообщений вверенного мне Министерства Вам уже известно, как благосклонно угодно было Государю Императору к предположению сыновей Хедива посетить Санкт-Петербург и некоторые другие русские города. Согласно Высочайшему повелению, приняты были все меры к тому, чтобы Аббас и Мегмет Али Паши, находящиеся уже здесь, вынесли наиболее выгодное впечатление из своей поездки по России»⁹.

Для путешествия принцев на российско-германской границе был подготовлен специальный вагон. На вокзале в Варшаве гостей встречали комендант города генерал-лейтенант Кузьмин, обер-полицмейстер, флигель-адъютант полковник Клейгельс, директор варшавских дворцов полковник Гриневиц и другие официальные лица. Поговорив некоторое время с ними на французском языке, принцы со свитой прошли через Царские комнаты и направились в назначенный им Лазенковский дворец. На всем протяжении пути «собралось очень много публики, которая горячо приветствовала принцев при их следовании по Варшаве»¹⁰. Польская столица настолько понравилась египтянам, что они вместо одного дня провели в ней трое суток.

В российскую столицу сыновья египетского правителя прибыли 3 августа (здесь и далее даты даны по старому стилю. – Г.Г.) 1888 г. и были размещены на верхнем этаже среднего корпуса «Эрмитаж» Зимнего дворца вместе с сопровождавшими их лицами. В тот же день вечером в Гатчинском дворце гости были приняты императором Александром III, находившимся там в связи с военными маневрами. Они присутствовали на спектакле театра Гатчинского дворца, где артисты Императорских театров давали пьесу «Женитьба» Гоголя и балетный дивертисмент. Гостей представили членам императорской фамилии, а также гостившему в Санкт-Петербурге греческому королю. Во время спектакля на верхней площадке парадной лестницы арсенального караула был устроен буфет с прохладительными напитками, конфетами и шампанским. После спектакля в арсенальной зале был накрыт ужин, во время которого играл духовой оркестр придворного музыкантского хора. После ужина для приглашенных был приготовлен экстренный поезд, на нем в Санкт-Петербург, в свою резиденцию, уехали также и сыновья египетского хедива¹¹.

Поскольку братья учились в Вене в военной академии, в программу было включено не только их присутствие в качестве гостей на военных маневрах, но и осмотр различных военных объектов.

На следующий день, 4 августа, гости из Египта отдыхали. Официальная программа их пребывания в столице началась 5 августа с посещения домика Петра I, арсенала Св. Петра и Св. Павла. Затем они побывали на заводах Бэрда, где их принимал директор судовой верфи Дюбюи. Принцы наблюдали на стапелях строительство броненосца «Император Николай I», посетили другие цеха арсенала¹².

8 августа египетские принцы совершили поездку в Кронштадт, где в присутствии местного высшего начальства осмотрели Константиновский форт и батареи с новыми образцами крепостных орудий на платформах. Осмотр начался с пристрелочной станции, на которой гости «крайне интересовались

действием мин Уайтхед, для более полного с ними знакомства были выпущены две мины: одна с подводного аппарата, другая с надводного»¹³.

Вечером братья были приняты императором во дворце Ропша, а на следующий день вновь присутствовали на маневрах, на сей раз под Царским Селом. После этих маневров состоялся обед под открытым небом с участием командиров и офицеров частей, штабных работников, представителей царской фамилии. 13 августа братья наносили прощальные визиты, обедали в Царском Селе у великого князя Владимира Александровича¹⁴.

Еще до отъезда египетской делегации из Санкт-Петербурга произошло знаменательное событие. Об этом сообщил в российскую миссию в Каире 10 сентября начальник Азиатского департамента МИД А.Н. Щеглов: «Государю Императору благоугодно было Всемилостивейше соизволить в 11 день августа с.г. на пожалование сыновей Хедива Египетского: Аббаса-паши – кавалером ордена Св. Станислава I степени и Мегемета Али-паши – кавалером того же ордена II степени со звездой, и лиц, сопровождавших сыновей Хедива: Тонино-паши – кавалером ордена Св. Анны II степени, Махмуда Шукри-бея – орденом Св. Анны III степени и Неджиба-эфенди – орденом Св. Станислава III степени»¹⁵.

Через год отец братьев, хедив Тауфик, сделал ответный шаг. Он наградил египетскими орденами русских чиновников, в том числе дипломатов, отличившихся при приеме его детей во время их пребывания в пределах Российской империи¹⁶. Забегая вперед, отметим, что в середине 1890 г., принимая российского посланника А.И. Кояндера накануне прибытия в долину Нила цесаревича Николая Александровича, хедив Тауфик сказал: «Я никогда не забуду милостивого внимания Его Величества Государя Императора к моим детям, равно как и приема, оказанного им в России, и, в свою очередь, желал бы встретить Наследника Русского Престола достойным Его Высокого посещения образом»¹⁷.

Сыновья египетского хедива, особенно старший, произвели в Российской империи довольно яркое впечатление: «Все имевшие случай разговаривать или быть близко около египетских принцев удивляются пылкому уму и любознательности Аббаса-бея. Все, что только встречалось интересного или замечательного во время путешествия, – писала газета «Московские ведомости», – принц непременно желал осмотреть. Благодаря этому пребывание в Варшаве вместо одного дня затянулось на трое суток. В Петербурге и его окрестностях принцы также посетили все наиболее замечательные места, присутствовали на больших маневрах, скачках, парадных спектаклях и т.д. В Главном штабе им показывали замечательнейшую в Европе коллекцию карт. Принцы также любят все виды спорта и особенно лошадиного. С окружающими они свободно объясняются на трех европейских языках. Третьего дня они с большим любопытством следили за спуском одного из военных аэростатов, который спускался вблизи Гатчины, и пожелали ознакомиться с его устройством и организацией военной воздухоплавательной команды»¹⁸.

15 августа курьерским поездом сыновья египетского хедива вместе с сопровождавшими их лицами и прислугой прибыли в Москву. На вокзале у царского подъезда их встречал московский полицмейстер генерал-майор Юрковский, который в открытой коляске препроводил гостей в Потешный дворец¹⁹ Кремля, где на все время пребывания в Москве остановились принцы. После завтрака братья нанесли визит командующему войсками графу А.И. Бреверну и московскому губернатору князю В.М. Голицыну. Затем они проследовали на ипподром Московского скакового общества на Ходынском поле, где в ложе царского павильона присутствовали на скачках. В 8 часов августейшие братья вернулись в Потешный дворец, откуда после обеда направились в сад Эрмитаж. Ввиду недомогания старшего из братьев осмотр достопримечательностей Москвы 16 августа не состоялся²⁰.

Зато в последующие два дня пребывания в Москве принцы с лихвой наверстали упущенное.

В среду, 17 августа, они прежде всего посетили Оружейную палату, где с большим интересом осмотрели ее сокровища. Затем, после краткого пребывания в городском манеже, в открытом экипаже объехали весь Кремль, любуясь внешним видом его соборов, колокольной Ивана Великого, Царь-колокол и Царь-пушкой. Затем принцы нанесли визит графу А.В. Орлову-Давыдову, который имел тесные связи с организацией Нижегородской ярмарки, куда хотели после Москвы поехать братья. Затем они направились в Лефортово, к своим сверстникам, воспитанникам 1-го кадетского корпуса, где с повышенным интересом наблюдали за тем, что кадеты приготовили для своих гостей.

В 5 часов пополудни в трех открытых экипажах, запряженных тройками, египетская делегация проехала на Воробьевы горы. Оттуда, как писали «Московские ведомости», «иностранцы почетные гости, захав в Александровский дворец в Нескучном саду, следовали обратно в Потешный дворец через Крымский мост по бульварам Зубовскому, Пречистенскому, Никитскому и Тверскому, далее по Тверской, чтобы лучше ознакомиться с Москвой»²¹.

В четверг в 10 часов вечера сыновья египетского хедива выехали из Москвы на скором поезде Нижегородской железной дороги. Перед этим они продолжили ознакомление с первопрестольной российской столицей, посетив Петровский парк и Петровский дворец. До отъезда принцы снова побывали на любимых ими скачках на Московском ипподроме, где присутствовало более 2000 зрителей. Гостей сопровождал московский губернатор князь В.М. Голицын²².

Кстати говоря, московская пресса, как и другая российская печать, уделяла внимание не только визиту египетских принцев, но и ситуации в самой долине Нила. В рубрике «Иностранцы известия» газета «Московские новости» сообщала, что «разлив Нила ныне значительно менее обыкновенного.

Высота воды в Асуане на 20 дюймов ниже средней, благоприятной для урожая. Положение Египта вследствие такого недостатка воды, конечно, серьезно, тем более что убыль воды происходит чрезвычайно быстро, как замечено в настоящее время в Вади Хальфа. Не преувеличивая и не умаляя опасности, следует признать, что урожаю кукурузы нанесен серьезный вред и что в Верхнем Египте не будет в предстоящем году урожая пшеницы, а всякие другие хлеба можно будет рекультивировать лишь с весьма большими издержками»²³.

Несколько дней египетская делегация провела в Нижнем Новгороде. Главной целью приезда в этот город была Нижегородская ярмарка, уже давно функционировавшая на Волге и привлекавшая внимание купцов не только из России, но и из других стран, в том числе и Востока. Египтяне стали принимать участие в ярмарке с 1890-х годов. Вполне вероятно, что в этом была заслуга принцев Аббаса и Мухаммеда Али и членов их свиты. Ведь они могли получить от отца задание оценить возможность участия египетских коммерсантов в торговых операциях на Волге. 24 августа египтяне выехали на пароходе «Ниагара» вниз по Волге до Самары, откуда по железной дороге отправились в Киев²⁴.

Естественно, что наследник египетского престола, его брат и сопровождавшая их свита не могли по пути не посетить Казань, чтобы ознакомиться с ее достопримечательностями, жизнью и бытом крупнейшего мусульманского города России, одного из очагов культурного развития империи.

В Киев принцы прибыли 25 августа курьерским поездом. Вся делегация остановилась в обширных апартаментах гостиницы «Гранд-отель». Пробыв в Киеве всего лишь сутки, 26 августа вечерним поездом гости покинули город. Тем не менее принцы успели осмотреть Киев. Они проехали к Андреевской церкви, с террасы которой любовались видами на Подол и Заднепровье. Затем проехали мимо городского сада к Никольским воротам и, проследовав по Александровскому спуску, посетили Печерск, из-

далека осмотрев Киево-Печерскую лавру. Вечером гости выехали поездом во Львов с тем, чтобы вернуться оттуда в Лозанну²⁵.

Поездка юных египетских принцев заложила основу для систематических контактов между представителями династий Романовых и Мухаммеда Али, которые они использовали в своих политических интересах. Очень теплый прием наследника египетского престола и его брата в Санкт-Петербурге и других российских городах, награждение их и сопровождавших их лиц открыли превосходные перспективы для установления двусторонних связей на высшем уровне. Кроме того, братья Аббас и Мухаммед Али передали пожелание хедива Тауфика царю видеть в Египте высоких российских гостей, которые не преминули нанести ответные визиты, состоявшиеся буквально через считанные недели.

Речь идет об ответном, почти параллельном, визите в Египет великого князя Сергея Александровича, великой княгини Елизаветы Федоровны и великого князя Павла Александровича, который состоялся в октябре – ноябре 1888 г.²⁶ Имеющаяся в нашем распоряжении пресса свидетельствует о том, что все трое познакомились с принцами в августе во время их пребывания в Санкт-Петербурге. Скорее всего, Сергей и Павел Александровичи и Елизавета Федоровна уже тогда сообщили им о своей предстоящей поездке в долину Нила.

Как принимали Романовых в Каире, можно судить по словам самого хедива Тауфика, заявившего российскому дипломатическому представителю, что он «душевно сему рад и желает принять Августейших путешественников как своих личных дорогих гостей»²⁷. За достойный прием этих трех особ царствующей фамилии российскими орденами были награждены 33 египтянина – от министра-президента до командира яхты «Фейз Раббани»²⁸.

Через несколько дней, в том же ноябре, Страну пирамид посетил великий князь Петр Николаевич со своей супругой княгиней Милицей Николаевной. За их прием были поощрены 17 человек – от принца Хусей-

на-паши (большой крест «Св. Анны») до каваса российского генконсульства (серебряная медаль для ношения на груди на Станиславской ленте)²⁹.

Во время кругосветного путешествия 1890 г. посетили долину Нила великие князья Александр и Сергей Николаевичи³⁰. В декабре 1901 – январе 1902 г. в Египте побывали принц Константин Петрович Ольденбургский с супругой; их поселили на зиму в переделанную из загородного дворца хедива гостиницу «Гезира Палас-отель». Через неделю в Каир пожаловал великий князь Борис Владимирович, остановившийся в отеле «Шепард». И вновь, принимая князей, хедив Аббас II Хельми «приложил, – по словам А.И. Кояндера, – все старания, чтобы быть любезным относительно своих высоких гостей. Он до сих пор не может без восторга вспоминать о приеме, который был оказан ему при Высочайшем дворе в 1888 году»³¹.

В начале XX столетия в Российскую империю вновь стали наведываться представители правящей верхушки Египта. В 1900 г. проездом в Бессарабию инкогнито побывал в Одессе Аббас II Хельми. Причем подготовка визита хедива в начале августа того года была настолько секретной, что посланник А.И. Кояндер узнал о нем случайно, прочитав газету «Санкт-Петербургские ведомости».

После частной аудиенции Аббаса II Хельми дипломат писал министру иностранных дел графу В.Н. Ламздорфу: «Аббас-паша долго распространялся о впечатлениях путешествия своего по Бессарабии и посещения Одессы, причем высказал, что повсюду встретил со стороны императорских властей такие предупредительность и внимание, что счел долгом своим телеграммой Государю Императору, покидая пределы империи, выразить чувства своей почтительнейшей признательности. Милостивый ответ Его Величества глубоко тронул его»³². Царь не ограничился лишь ответом на телеграмму египетского хедива и наградил его высочайшим российским орденом. «Третьего дня, – писал в депеше от 1 июня 1902 г. А.И. Кояндер, – я

имел честь вручить в торжественной аудиенции знаки ордена Св. Александра Невского с бриллиантами»³³.

Вторично съездил в полюбившуюся ему Россию младший сын хедива Тауфика Мухаммед Али. Он предпринял поездку из Египта в Японию, российская часть маршрута которой прошла по только что в 1909 г. построенному Транссибу³⁴. Дипломатический агент и генеральный консул России в Каире Алексей Александрович Смирнов писал министру иностранных дел А.П. Извольскому следующее: «Недавно меня посетил Его Высочество принц Магомед-Али, брат хедива, ездивший в Японию, причем он проехал через всю Россию по Сибири. Принц высказал мне свою признательность за тот прием, который был оказан ему в России, и за все удобства, доставленные ему во время проезда. Принц просил передать его благодарность Вашему Высокопревосходительству.

В заключение, вспомнив о приеме, которого он и нынешний хедив, его брат, удостоились, будучи мальчиками, у императора Александра III, принц Магомед-Али сказал, что и в нынешний свой приезд он все время чувствовал себя гостем Государя Императора и что он крайне желал бы, чтобы его сердечная признательность и оживляющие его чувства преданности сделались известны Его Императорскому Величеству»³⁵.

Обмен визитами представителей двух правящих династий прервала Первая мировая война. Они принесли несомненную пользу для двусторонних отношений, упрочив их. Эти визиты показали наличие определенного взаимного интереса не только в области политики (общий противник – Османская Порта), но и в сфере культурно-цивилизационного взаимодействия.

Примечания

¹ Кояндер Александр Иванович (1847–1910) – дипломатический агент и генеральный консул России в Египте в 1887–1902 гг. Тайный советник. Из финского рода, один из представителей

которого С.Б. Кояндер в 1758 г. перешел на русскую службу. 3 октября 1902 г. указом Правительственного сената назначен Чрезвычайным посланником и Полномочным министром в Португалию. См.: Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд «Департамент личного состава и хозяйственных дел». 1902 г. Оп. 749/2. Д. 70. Л. 1, 13.

² См.: Горячкин Г.В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М., 2010. С. 269–270.

³ Правительственный вестник. СПб., 12.8.1888.

⁴ Московские ведомости, 15.8.1888.

⁵ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 199. Л. 111–111 об.

⁶ Memoires d'un souverain par Abbas Helmi II, Khedive d'Egypte (1892–1914). Le Caire, 1996. P. 47–50.

⁷ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 1304. Посещение Египта Высочайшими Особами. 1888–1890 гг. Л. 217–298.

⁸ Гирс Николай Карлович (1820–1895) возглавлял российский МИД в 1882–1895 гг. Родился в 1820 г. в Волынской губернии. Из немецко-датско-шведской семьи. В 1898 г. окончил Царскосельский лицей, в этом же году был зачислен в Азиатский департамент МИД. С 25 августа 1856 г. – генконсул в Египте. Был сторонником участия России в строительстве Суэцкого канала. С апреля 1858 г. – генконсул в Молдавии и Валахии. С августа 1863 г. – Чрезвычайный посланник и Полномочный министр в Тегеране, а с 1859 г. – посол в Швейцарии. Управлял Азиатским департаментом МИД с 1875 г. Занимал видные должности в МИД. См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3. М., 2002. С. 134–155.

⁹ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 1304. 1890 г. Л. 297–297 об.

¹⁰ Московские ведомости, 15.8.1888.

¹¹ Правительственный вестник, 5.8.1888; Новое время, 5.8.1888.

¹² Journal de St. Petersbourg, 6–7.8.1888.

¹³ Правительственный вестник, 12.8.1888.

¹⁴ Journal de St. Petersbourg, 9, 11, 12, 15.8.1888.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 199. 1888–1889 гг. «Departement asiatique». Л. 111–111 об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 200.

¹⁸ Московские ведомости, 15.8.1888.

¹⁹ Потешный дворец располагался у западной кремлевской стены между Комендантской и Троицкой башнями. Здание было построено в 1651 г. как жилые палаты боярина Милославского – тестя царя Алексея Михайловича. Сейчас они являются единственным сохранившимся в Кремле образцом боярских хором.

²⁰ Московские ведомости, 16–17.8.1888.

²¹ Там же, 18.8.1888.

²² Там же, 19.8.1888.

²³ Московские новости, 21.8.1888. Это только один из примеров того, что интересовало российскую печать.

²⁴ Нижегородские губернские ведомости, 24.8.1888.

²⁵ Киевлянин, 26–28.8.1888; Киевское слово, 26–27.8.1888.

²⁶ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 1304. Л. 217–298.

²⁷ Там же. Л. 64–64 об.

²⁸ Там же. Л. 219.

²⁹ Там же. Л. 136–137.

³⁰ *Радде Г.И.* 23000 миль на яхте «Тамара». Путешествие Их Императорских Высочеств Великих князей Александра и Сергея Николаевичей в 1890–1891 гг. Т. 1. СПб., 1892.

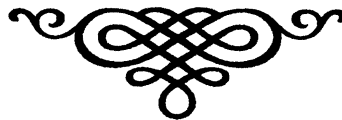
³¹ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 135. Л. 196–196 об.

³² Там же. Л. 93.

³³ Там же. Л. 246.

³⁴ Подробнее об этой поездке см.: *Горячкин Г.В.* Из Страны пирамид в Страну восходящего солнца // Восточная коллекция, осень 2010.

³⁵ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 154. Л. 23–23 об.

И.В. Зайцев, М.Б. Кизилов

ПУТЕШЕСТВИЕ СЕРАЯ ШАПШАЛА ПО ТУРЦИИ В 1911 году

Личность караимского общественного деятеля и востоковеда С.М. Шапшала (1873–1961) едва ли нуждается в дополнительном представлении. В течение своей бурной жизни С.М. Шапшал был известен под многими именами: «Серая бен Мордехай» – в караимских метриках, «Серая/Сергей Маркович Шапшал» – в российское и советское время, «Адиб-Солтан» – в Персии; он подписывал свои статьи псевдонимом «Г.С.» («гахам Серайя»), а также часто добавлял к своему имени титул «хаджи» (паломник) и «хан».

Родившийся в Бахчисарае и окончивший факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1899 г., Шапшал вскоре достиг головокружительных политических и карьерных высот. Пиком его карьеры стало пребывание в Персии в качестве воспитателя сына персидского шаха Мохаммеда Али в 1900–1908 годах. Надо сказать, что, помимо своих прямых воспитательных функций, Шапшал также выполнял секретные задания российского МИДа, а по некоторым источникам во время попытки конституционного переворота 1908 г. фактически управлял Персией, используя свое влияние на юного шаха. Следует отметить, что его деятельность в Персии возбудила резкое негодование как в европейских, так и в караимских кругах¹. Тем не менее российские власти, по-видимому, были полностью удовлетворены ею. После возвращения из Ирана Шапшал был представлен самому Николаю II, с которым, по некоторым сведениям, он поддерживал контакты вплоть до большевистского переворота².

В 1915 г. Шапшал несколько неожиданно прервал свою светскую политико-дипломатическую карьеру и был избран на пост *гахама*, духовного главы караимской общины в Крыму. После революции он какое-то время пребывал в Турции, а с 1927 по 1941/4 г.

избирался главой (гахамом) караимской общины Литвы и Польши. После войны Шапшал работал в качестве научного сотрудника Академии наук Литвы в Вильнюсе, а в 1955 г. получил звание «доктора филологических наук» – скорее *honoris causa* по совокупности многолетней академической работы, нежели за отдельно взятую докторскую диссертацию. Среди его несомненных академических достижений стоит упомянуть основание в Евпатории караимской библиотеки-архива «Карай Битиклиги» (1916; в советское время расформирована), караимского этнографического музея в Вильнюсе (1941–1951; также расформирован) и участие в составлении «Караимско-русско-польского словаря» (Москва, 1974)³. Несмотря на то, что научная ценность работ Шапшала, связанных с историей караимов, вызывает значительные сомнения⁴, он был известен как крупный востоковед, знаток персидского, арабского, азербайджанского, турецкого и крымско-татарского, а также многих других восточных и европейских языков⁵. Несомненную значимость до сих пор сохранили некоторые его работы по тюркской лингвистике и изображениям мусульманских святых на Востоке⁶.

К сожалению, несмотря на наличие огромного личного архива Шапшала, обширной переписки, сохранившихся черновиков статей и пр., в его биографии до сих пор остается множество незаполненных лакун. Будучи смелым человеком, Шапшал старался не уничтожать никаких бывших у него материалов, даже небезопасного в советское время характера, таких, как эмигрантские антисоветские газеты, нацистские журналы, переписка с немецкой администрацией и т.п.⁷ Более того, Шапшал вел детальные и скрупулезные личные дневники. Казалось бы, чего еще надо для восстановления полной и всеобъемлющей биографии

ученого? Увы, к великому сожалению для биографов Шапшала, в дело вмешался его величество случай. В какой-то момент (видимо, во время пертурбаций военного времени) Шапшал безвозвратно утратил свои дневники. Позднее он намеревался их восстановить, но так и не сделал этого. В одной из своих тетрадей Шапшал писал: «Из предисловий моих воспоминаний. За утерей тщательно сохранявшихся мною записок, забвением точных дат событий, воспоминания мои, хотя и не претендуют на фотографическую точность, но тем не менее они содержат в себе действительные факты и изображают портреты и картины, писанные с натуры»⁸. Увы, дальше этой записи дело так и не продвинулось.

Естественно, еще более ценными представляются публикуемые ниже заметки Шапшала о его путешествии в Турцию в 1911 г., каковые являются, пожалуй, единственными дошедшими до наших дней дневниковыми записями ученого. Из-за краткости и фрагментарности этих заметок не совсем понятно, с какими целями Шапшал предпринял это путешествие. По всей видимости, едва ли с академическими. Скорее всего, Шапшал, находившийся тогда на службе МИД России, был послан туда с заданием секретного политического характера, точную цель которого он, естественно, в дневнике не указал. Вероятно, Шапшал должен был установить контакт с некоторыми важными личностями в османской администрации, составить о них свое мнение, произвести общие наблюдения о состоянии дел в Турции того времени, а также, возможно, сделать что-то еще, о чем нам можно только догадываться. Об этом говорит, в частности, тот факт, что, приехав в Конию, Шапшал тотчас же посетил русское консульство, а вскоре, в сопровождении работников консульства, отправился на встречу с Мемедом Веледом. Тем не менее, выполняя свои должностные функции и будучи наблюдательным и любознательным человеком, Шапшал не преминул оставить заметки научного характера и записать некоторые этнографические и лингвистические сведения.

Заметки Шапшала о его путешествии 1911 г. являются не только ценнейшим источником по его биографии, но и интересным описанием Турции того времени. Со страниц его дневника перед нами как живая предстает Османская империя, с ее медлительными и запаздывающими поездами, шумными базарами, переполненными гостиницами, содержащимися преимущественно европейскими эмигрантами, примитивной почтовой системой, экзотическими банями и великолепными мечетями. Особенно интересны сведения Шапшала о тамошних этнических меньшинствах, а в особенности о крымских татарах и ногайцах – переселенцах из южной России и Крыма.

Каким предстает сам Серая Маркович перед нами со страниц своего дневника? Безусловно, вызывает немалое изумление тот факт, что всего четыре года спустя этот человек был избран на пост религиозного главы караимской общины⁹. Шапшал выглядит здесь как абсолютно секулярный человек на службе у российского правительства («потому что я – русский», – говорит он в одном месте), с большим интересом к Востоку и его культурно-этнографическим достопримечательностям.

Интерес Шапшала к исламу во время посещения Турции был настолько силен, что он не только осматривал мечети и другие священные мусульманские места, но и дважды цитировал Коран, чтобы подтвердить возможность осуществления его «пророческого» сна. Надеюсь, что его сон сбудется, Шапшал несколько суеверно говорит: «1-й день Рамазана и пятница – хорошо, иншалла». В то же самое время караимский религиозный календарь и праздники он не упоминает ни разу.

Шапшал невольно часто возвращался мыслями к недавним событиям в Персии, о чем, несомненно, свидетельствует упомянутый выше сон, в котором ему по секрету сообщают о возвращении на престол его воспитанника, низложенного шаха Мохаммеда Али. Автор дневника, несомненно, возлагал большие надежды на то, что этот сон сбудется, так как при восстановлении правле-

ния Мохаммеда Али он, по-видимому, мог надеяться на свое возвращение на важный пост в Иран. По-нашему мнению, Шапшал явно не мог смириться с отъездом из Ирана в 1908 г. и утратой своего высокого положения – отсюда и этот «вещий» сон. Интересно, что Шапшал также добавлял, что подобного рода сны снились ему и ранее. Заметим, что традиция видеть «пророческие» сны была достаточно распространена в исламском мире (как, впрочем, и в христианском, и еврейском¹⁰).

На страницах своего дневника Шапшал предстает достаточно честолюбивым человеком, на это, в частности, указывает тот факт, что переводчика-грека он свысока называет «райа» (досл. «стадо, пасомые») – термином, которым в Османской империи с середины XVII в. называли немусульман¹¹.

Подводя итоги, можно сказать, что в зеркале дневника Шапшал выглядит как европейски образованный человек, честолюбивый российский служащий-дипломат высокого ранга, специалист по мусульманскому Востоку. Караимская идентичность Шапшала в тексте, пожалуй, совершенно не проявляется. Помимо его непосредственных служебных обязанностей, наибольший интерес у автора дневника во время поездки, несомненно, вызывали памятники архитектуры, этнографические особенности народов Турции, а также судьбы выходцев из России – крымских татар и ногайцев.

Сравнивая заметки Шапшала с современными им западными историко-географическими описаниями того же региона, мы найдем много общего. Имей он побольше времени – и, возможно, в русской литературе о Турции появилось бы нечто сродни путевым заметкам Юоара¹².

Судя по рукописному рисунку-карте путешествия (л. 230 об.), «итинерарий» Шапшала выглядел следующим образом: он выехал со стамбульского вокзала Хайдар-паша и, миновав Измит, Эскишехир, Алаюпде (откуда железнодорожная ветка шла на Кутахью), Карахисар и Илгын, прибыл в Конью. Железная дорога из Коньи уходила в Караман. Далее, судя по рисунку Шапшала,

железной дороги не было, и через Булгурлу (ныне Булгурлук) и Улу Кышле (اولو قيشله)

ныне Улукышла, крупный железнодорожный узел) далее на восток можно было попасть в Адану. Оттуда снова шла железная дорога на запад, в Мерсин¹³. На схеме все эти пункты отмечены связанными. Но неясно, вернулся ли Шапшал в Стамбул или проехал до конца железнодорожной ветки в Карамане, затем до Аданы лошаадьми, а оттуда снова в Мерсин и, таким образом, пересек всю Малую Азию с северо-запада на юго-восток. Думается, что Шапшал все же добрался до Мерсина, а потом вернулся в Стамбул (возможно, морем).

Следует отметить, что информация о путешествии С.М. Шапшала частично уже была опубликована в 1913 г. в статье А.А. Сергеева об эмиграции крымских ногайцев в Турцию. (Известия Таврической ученой архивной комиссии, 1913, № 49. С. 178–222). Сергеев писал: «Глубокоуважаемый С.М. Шапшал, посетивший места в Малой Азии, населенные ногайцами, переселившимися туда из Таврической губ., любезно сообщил мне следующие сведения: “Ногайцы, выселившиеся из России после Крымской кампании и поселенные сначала на территории нынешней Румынии и Болгарии, после войны 1877 г. переселились в Малую Азию, преимущественно в Брусский и Конийский вилайеты. Теперь они в большом количестве живут в городах Эски-Шехир, Кония, Караман и в ближайших от них селениях. Ногайцы, живущие в городах, держат *ханы* (постоялые дворы), кофейни, занимаются извозом, кузнечным ремеслом. Попадают среди них *хаммалы* (носильщики тяжестей), чистильщики сапог и т.п. В общем, всё народ бедный. Ногайцы, живущие в деревнях, более зажиточны.

Как на место своего пребывания в России они указывают на *чоль* (степь) между Бердянском и Мелитополем. Один из ногайцев, старик-ямщик по имени Арслан, в Карамане указал мне, что он выселился из аула Алчын-Бадай. Ногайцы держатся обособленно, не вступая в браки с другими мусульмана-

ми. Изредка рождаются с татарами, выходцами из Крыма. Они вполне сохранили особенности своего племенного типа: косой прорез глаз, выдающиеся скулы и несколько приплюснутый нос»¹⁴. Совершенно очевидно, что Шапшал, сообщив эти сведения Сергееву (видимо, в письме), пользовался материалами дневника.

Путевые заметки Шапшала написаны крайне неразборчивой скорописью, иногда к тому же еще более затруднительной для прочтения вследствие того, что часть текста явно писалась в движущемся поезде или иных не слишком удобных местах, с массой сокращений и восточных слов, записанных как кириллицей, так и арабицей. Текст дневников Шапшала воспроизводится в современной орфографии и пунктуации. Добавленные нами реконструкции текста помещены в квадратные скобки, а не разобранные слова обозначены знаком <...>. Подчеркнутые (перечеркнутые) слова были подчеркнуты (перечеркнуты) самим Шапшалом. Вопросительный знак в косых скобках указывает на то, что публикаторы не совсем уверены в чтении того или иного слова. Авторы надеются, что данная публикация предоставит читателям новый интереснейший источник по биографии С.М. Шапшала, а также по истории Турции и ногайско-татарской эмиграции из Крыма.

Дневник поездки С.М. Шапшала по Турции в 1911 г.¹⁵

1911 год

1) Эски Шехир. У вокзала гост[иница] Мте Тодия /?/¹⁶ – чешка.

10 пиаст[р]ов комн[ата] + 10 п[иастров] еда + 3 café au lait¹⁷.

2) Кония.

Железнодоро[жная] гостиница Сулье – швейцарец, цены те же.

1911 год.

8 авг[уста], в 7 ч[асов] вечера, прибыл в Эскишехир. Содержательница гостиницы – чешка (Мте Тодия /?/). Небольшая гостиница ее была переполнена, и мне уступили комнату только потому, что я – русский¹⁸.

Она была замужем за сербом. Жила в Белграде, где помнят русских, между прочим: «Ваш пленipotенций¹⁹ министр Персиани²⁰, его сын Янко»²¹.

Служащие гостиницы – крымские татары Абдулла и Кафар. Последний родился в Крыму и лишь 8 лет тому назад выехал с отцом и матерью сюда. Есть и казанские татары и даже из Сибири (15 сем[ейств]). Мухаджиров²² больше 500 сем[ейств]: они занимают квартал Күллик или Махмудие.

Много говорят о бане «Кудретжеп» – горячая вода²³.

7) Группа служащих у Тодия /?/ (отец двух татар – Карасубазар).

По средам в Эскишехире – ~~бывает~~ «базарный день»; из окрестных деревень свозят для продажи крестьяне, а из города вывозят покупки. Есть татары, выселившиеся даже лет 8–9 и даже 3 года тому назад. Эти сохранили покроем шаровар, хотя на голове носят феску, а носящие бороду и старики – фес обвязывают чалмой. Татары ввели араба, до них не существовавшие²⁴. Тогда возили на ослах и лошадях выюками. Они сами строят эти араба, которые охотно покупают и турки. Они выписывают из России усовершенствованные земледельческие орудия (плуги, веялки и пр.) из Николаева, Токмака, Александровска и пр. Секретно, между собою, чтоб не поняли турки, говорят: дува, адын, три палавина (накладка, прикуска-чай)²⁵. Некоторые ездят в Россию за машинами, некоторые торгуют здесь для окрестных селений; держат ханы, кофейни, есть башмачники, строители арбы, кузнецы и пр., чистильщики сапог и хаммалы²⁶. Деревенские по общим отзывам более зажиточные.

Ножик купил за 10 пиаст[р]ов, говорят, дают за 5 пиастров.

Армянин-сарраф²⁷ говорит, что татары крымские честны, а казанские – нет.

Восхитительная баня с большим бассейном. Температура не меньше 30°. Построена каким-то Дербей-Оглы²⁸. Для женщин –

бесплатно (= вакф). По городу тоже течет «Сыджык-Су». Интересны клозеты (около 30-ти) на базаре, где тоже проведена эта вода.

Донѹм = 30 кв. шагов [дописано позднее ниже], в иных мерах 40, поэтому иногда спрашивают кач адым донѹм?²⁹

Ст[анция] Алаюпде – ветка на Кутахию. [сбоку дописано] есть ногайцы очень типичные.

9) Ст[анция] Ылгын ايلغين местность весьма хлебородная³⁰.

10) Там же у колодца крымские татары из Константинополя арабаджи³¹.

Здесь турки любят сниматься и пристаю-
ют, чтоб их снять <...> пришлось сделать
вид, что снимаю <...> халваджи³²-франт³³.

Поезд наш почтово-товаро-пассажир-
ский. Почтовый чиновник занимает одно от-
деление, из окна которого он выбрасывает
на полотно дороги корреспонденцию, кото-
рую подбирает нач[альник] станции. Ст.
Ылгын имеет большую корреспонденцию,
ибо окрестные селения дают много хлеба
(не успели еще вывезти прошлогодний уро-
жай), и потому поддерживается корреспон-
денция с торговым миром. Пришла толпа к
чиновнику, который дал кипу писем перво-
му попавшемуся, а тот, присев на корточки,
вместе с другими в сторонке от полотна до-
роги, стал выкрикивать имена адресатов.

Прибыли 10 авг[уста] в Конию в среду с
большим запозданием, а именно в 9½ часов.
Обычный пролет Эскишехир – Кония: 5
ч[асов] утра – 8 ч[асов] вечера.

Кония

Утром в четверг 11 августа 1911 г. отпра-
вился в город на конке, идущей от вокзала
до хокѹмета³⁴. Базар прилегает к последне-
му. Мало татарских лиц. Попался типичней-
ший ногаец, непосредственно после Се-
васт[опольской] войны³⁵ выселившийся
сперва в Румелию, родом из аула между
Бердянском и Мелитополем. Весьма инте-

ресный экземпляр. Жаль, не было [фото]аппа-
рата. Не менее типичен был и эскишехир-
ский ногаец, но тот отказался сняться. По-
завтракав, лег спать, вдруг орудийный вы-
стрел, оказывается, извещают публику, что
наступает Рамазан и, действительно, вече-
ром мечети были украшены канделями³⁶.

Был в консульстве, видел Савченку, вме-
сте с ним и консулом приехал, выпили здесь
пива, они пошли на вокзал встречать жену
греческого консула, а я – обедать.

После: нахожусь в Петербурге, кажется,
в кабинете В. О-ча,³⁷ там же и Б.В. Андреев.
Спрашиваю, что нового? – Я, мол, давно
уже не имею сведений о моем питомце³⁸. В
это время Андреев говорит: весьма пока сек-
ретно, он уж – на троне. Тут еще что-то, он
протянул какие-то три письма на выбор, од-
но для В.О., другое [взял] И.А., третье – я.
Тут что-то запутано. Я просыпаюсь – утро,
сон под утро сбывается. Пишу это, в полной
надежде на то, что это один из моих знаме-
нитых снов.

12 августа, 1-й день Рамазана, пятница,
Кония. В Коране сказано: لا تقصص رؤياك قان

الشيطان للناس عدو ومبين³⁹ – воздержусь.

1^й день Рамазана и пятница – хорошо, ин-
шалла⁴⁰. ! خدا⁴¹

Прислать для Челеби⁴²:

Мелиоран[ский]⁴³ – турецко-пер-
сид[ский] словарь, иттихад, иттихад отмиш.

Чагатайский-крымский, отрывки.

Грамматика Жуковского⁴⁴.

Культегин⁴⁵.

После завтрака отправился в консульст-
во, где любезный Константин Адольфович
представил в мое распоряжение драгомана⁴⁶
Подос[?]/-эфенди и кавваса⁴⁷. Этот послед-
ний, Савченко и я отправились в тюрьму.
Савченко не вошел. Сделал я подробнейший
зиярет⁴⁸. Под[ос]-эф[енди] сказал, что евро-
пейцев к ограде могилы не пускают, что это
первый случай со мною, что Самойлович⁴⁹
смотрел издали и пр.

Наняв экипаж, все вместе отправились в
Мерам⁵⁰. Верховного Челеби⁵¹ – Мемед Ве-

леда – не было <...> просидели с полчаса с его сыном – воспитанник[ом] султанье⁵², большим хвастуном, что он ни во что не верит, что Рамазан не соблюдает и пр. Тем не менее, он, видимо, боится отца, здесь принужден носить войлочный кулях и джуббе⁵³.

Челеби был в мечети, явился. В саду поставили стулья. Грек [Подос/?/-эфенди] приступил с комплиментами о моих познаниях тур[ецкого] и перс[идского] языков, что я преподав[атель] унив[ерситета] и пр. и пр. Челеби его отрезал, сказав, что он сам это выяснил из разговоров.

Челеби производит впечатления пессимистичные, человек властный, себе на уме, ипокрит⁵⁴. Он был препод[авателем] перс[идского] языка, хотя сознался, что практически не знает языка, подарил мне свою грамматику и Молла Нусреддин его издания⁵⁵. Греку-райа⁵⁶ [Подосу/?/-эфенди] показалось, что он отнесся ко мне с необыкновенным вниманием и почетом. Это он вывел из посвящения, собственноручно написанного Челеби на его книгах, подаренных мне. Челеби – филолог, интересуется старотур[ецким] языком. Знаком с именами Томсена, Радлова, Мелиораном⁵⁷, Жуковского (Абу Саид и народные песни ему непонятны, ибо он знает язык классический). Говорил об Орхонских и Уйгурских надписях и пр. Я ему продекламировал эшит копклер... его очень заинтересовало; он просил послать ему образец.

На обратном пути не удалось осмотреть других мечетей, и я решил остаться еще на день. Вечером обедал у консула.

13 авг[уста] Всево[лод] Феод[орович]⁵⁸
Дивани-Кебир⁵⁹.

بده مرا تو خدا یا درللی خجته سفر

هزار نصرت شادی هزار فتح و ظفر

به حرمتسه محمد بحق چار علی

بلا حسن و حسین و جعفر

Внутри и снаружи Шемсова тюрьме плакаты эти висят⁶⁰.

Видел сегодня седжде⁶¹, на котором якобы мевляна⁶² молился, что этот коврик – времени Хасана и Хусейна⁶³. Сему противоречит современный вид надписей насх <...> а не куфи, узоры и план Каабы. Работа, во всяком случае, великолепная, но XIX века!⁶⁴

Мечеть Султан Аляэди[на] (в тюрьме:)

۱) اجداد عظام کیتباد سلجوقی رحمت الله

۲) سلطان علاءالدین ابن کیخسرو رحمت الله

۳) کیخسرو Это же и т.д....

۴) عمجہسی ارسلان علی رحمت الله

۵) الشہید ابو الفتح قلیج ارسلان

Современная Аля ад-Дауд. О, старинные тяжелые палицы «күрс»⁶⁵ (дописано сбоку. – публикаторы).

Примечания

¹ Browne, Eward Granville. The Persian Revolution of 1905–1909. Cambridge, 1910. P. 105, 130, 170–171, 198–200, 202, 207, 214, 279, 324, 418–420 (со ссылками на болгарских и английских очевидцев). Более того, резкую характеристику Шапшалу оставил и русский наблюдатель: Смирнов К.Н. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 годы. Подготовка, вступительное слово, комментарии, примечания Н.К. Тер-Оганов. Тель-Авив, 2002. С. 20–24, 43–44, 51, 54, 59, 65, 68, 69, 71, 76, 78, 79, 81, 87, 105, 117, 138, 235, 242, 245, 293. По поводу резко негативной реакции в либеральной караимской прессе см.: Шапшал // Евпаторийские новости. № 1360. 15.06.1917; Тамарин А. [Без названия] // Утро России. 4.02.1917; Зоил З.И. [Эмелдеи Э.М.] Правда о Шапшале персидском – гахаме караимском. Б. м., 1917; Презрительный Терсит // Жизнь и суд 3 (1916). В этих статьях Шапшал назван ни много ни мало «персидским авантюристом», «черносотенцем», «реакционером» встречаются даже значительно более резкие определения. Говоря об участии Шапшала в подавлении конституционного восстания в Персии, журнал «Караимская жизнь» характеризовал его как «карьериста и авантюриста, захлебывавшегося в потоках

человеческой крови» (Протест против кандидатуры С.М. Шапшала // Караимская жизнь. № 7. 1911. С. 118. О том, правы были караимские критики Шапшала или нет, см. упомянутые работы Э. Брауна, К.Н. Смирнова и Н.К. Тер-Оганова). Несмотря на эту критику, ряд караимских сторонников Шапшала активно поддерживали его кандидатуру во время выборов гахама в Литве (1912) и Крыму (1915). Иными словами, караимское общество было расколото на две соперничавшие группировки сторонников и противников Шапшала. Победила в результате первая фракция, что, безусловно, полностью изменило ход караимской истории в Восточной Европе.

² Еще во время пребывания в Персии Шапшал переводил переписку и телеграммы царя на фарси, а обращенную к Николаю II корреспонденцию – с фарси на русский (см.: Рукописный отдел библиотеки Литовской АН. Ф. 143. Д. 932. Л. 11, 14).

³ Караимско-русско-польский словарь. Под ред. Н.А. Баскакова, А. Дубиньского, А. Зайончковского, В. Зайончковского, Х. Ижбулатовой, Х. Исхаковой, К. Мусаева, С.М. Шапшала. Москва, 1974. О биографии Шапшала см. подробнее: Баскаков Н.А. Профессор С.М. Шапшал – выдающийся ученый, мудрый пастырь и хороший человек // Вильнюс / Vilnius 8 (1992). С. 161–169; Баскаков Н.А., Тинфович М.С. Сергей Маркович Шапшал (к 100-летию со дня рождения) // Советская тюркология. 1973. № 3. С. 119–131; Kizilov M. New Materials on the Biography of S.M. Szapszał in 1928–1939 // Материалы девятой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2002. Ч. 1. С. 255–273; Янбаева Я. Из материалов к биографии проф. С.М. Шапшала // Евреи в России: история и культура. Сборник научных трудов. Под ред. Д.А. Эльяшевича. СПб., 1995. С. 26–35; Петров-Дубинский О.В. С.М. Шапшал (Эдиб-ус-Султан) – учитель Валиахда Мохаммед-Али, генерал-адъютант Мохаммед-Али-шаха // Восток. 2007. № 5. С. 64–78; Прохоров Д.А., Кизилов М.Б. Шапшал Серайя Маркович (1873–1961) // Крым в лицах и биографиях. Симферополь, 2008. С. 396–400; Shapira Dan D.Y. A Jewish Pan-Turkist: Seraya Szapszał (Şapşaloğlu) and his Work «Qırım Qaray Türkleri» (1928) (Judaeo-Türkica XIII) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. December 2005. Vol. 58. № 4. С. 349–380. Один из соавторов настоящей статьи опубликовал переписку С. Шапшала с выдающимся

отечественным тюркологом В.А. Гордлевским (Зайцев И.В. «Что мне делать и как быть?» (Письма Серайя Марковича Шапшала академику В.А. Гордлевскому: 1945–1950) // Вестник Евразии. Acta Eurasica. № 4 (38). М., 2007. С. 147–169). М. Кизилов готовит к печати полную биографию С.М. Шапшала, построенную в основном на документах из его личного архива в Вильнюсе.

⁴ Kowalski T. Turecka monografia o Karaimach krymskich // Myśl Karaimska 2:1 (1929), с. 2–8; Кизилов М. Ильяш Караимович и Тимофей Хмельницкий: кровная месть, которой не было // Фальсификации источников и национальные истории. Материалы круглого стола. М., 2009; Shapira Dan D.Y. A Jewish Pan-Turkist. P. 349–380.

⁵ Помимо вышеперечисленных языков, Шапшал говорил, умел писать и читать также на древнееврейском, караимском, староосманском (османлы), французском, польском и литовском.

⁶ Шапшал С.М. Мусульманские святые в художественном изображении шиитов Персии // Восточный сборник. СПб., 1913; Szapszał, S. Wyobrażenia świętych muzułmańskich. Wilno, 1934; Szapszał, S. Wypisy tureckie i słownik turecko-polski. Wilno, 1932; Szapszał, S. Próby literatury ludowej Turków z Azerbajdżanu perskiego. Kraków, 1935. Библиографию трудов С.М. Шапшала с 1896 по 1937 г. см.: Zajczkowski W. Bibliografia prac J.E.H. Seraji Szapszala Hachama karaimow w Polsce // Myśl karaimska, rok 11, 1939, z. 12, с. 6–9. Библиографию работ С.М. Шапшала, составленную им самим (включая рукописи), см.: Янбаева Я. Из материалов к биографии проф. С.М. Шапшала // Евреи в России. СПб., 1995 (см. электронный вариант <http://karaim-institute.narod.ru/bakhchikarai/szapszal.htm>). См. также: Зайцев И.В., Кизилов М.Б., Прохоров Д.А. Шапшал Серайя (Сергей) Маркович // Милибанд С.Д. Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь в 2 кн. Кн. II: Н–Я. М., 2008. С. 991.

⁷ Все эти материалы хранятся в архивном фонде Шапшала в рукописном отделе (РО) библиотеки Литовской Академии наук в Вильнюсе (фонд 143). Другие документы, имеющие непосредственное отношение к биографии Шапшала, рассеяны по нескольким восточноевропейским архивам (в Симферополе, Москве и Варшаве).

⁸ См. тетрадь, озаглавленную Шапшалом «Выписки из сочинений различн. авторов. Мате-

риалы по истории и литературе караимов. Констант., 1927» // РО библиотеки Литовской АН. Ф. 143. Д. 918. Л. 1 об.

⁹ В том же 1911 г. сами караимы писали: «И его-то [т.е. Шапшала]... предлагают поставить во главе караимского народа?!» (Протест против кандидатуры С.М. Шапшала // Караимская жизнь. № 7. 1911. С. 118).

¹⁰ «Вещие» сны были в ходу также и у караимов, в основном избегавших суеверий, связанных со сновидениями (см.: *Zajaczkowski, Ananiasz. Teksty i studia folklorystyczne. I. Wykładanie snów; II. Lecznictwo ludowe. (Folklore text and studies. I. Interpretation of dreams. II. Healing) // Myśl Karaimska 12 (1937–38). С. 41–59; Blasco Orellana, Meritxell. El sueño de un judío caraita de Crimea del siglo XVI // Estudis Hebreus i Arameus: homenatge a la Dra. Teresa Martínez Sáiz. Barcelona, 1998/9 (Anuari de Filologia 21 [1998–99]). С. 259–269).*

¹¹ До XVII в. в Османской империи райят (رعيت; мн. ч. – رعايا) – приписной крестьянин, как мусульманин, так и христианин.

¹² Konia. La Ville des Derviches tourneurs. Souvenirs d'un Voyage en Asie Mineure par M.Cl. Huart. P., 1897.

¹³ Последовательность строительства железной дороги между перечисленными населенными пунктами была такова. В 1873 г. появилась 91-километровая ветка Стамбул – Измит. В 1886 г. закончено сооружение ветки Адана – Мерсин (67 км). В 1896 г. появилась дорога от Эскишехира до Коньи. К 1904 г. закончили ветку от Коньи до Киликийских ворот. Работы по прокладке полотна через Центральный Тавр были закончены уже во время Первой мировой войны, а к 1918 г. открылось прямое железнодорожное сообщение Стамбул – Халеб. (См.: *Ульченко Н.Ю. Экономическая география Турции. М., 2008. С. 110; История Османского государства, общества и цивилизации. Т. I. М., 2006. С. 480–482; Муратов Нурулла. Железнодорожный транспорт Турции // Труды Московского Института востоковедения. Сборник № 5. М., 1947. С. 46).*

¹⁴ Крымские татары. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь, 2005. С. 439.

¹⁵ См. записную книжку, озаглавленную Шапшалом «Записи 1911 года» // РО библиотеки Литовской АН. Ф. 143. Д. 79. Л. 227–234.

¹⁶ Авторское прочтение; все три раза, когда Шапшал пишет имя этой хозяйки гостиницы, его

почерк крайне неразборчив. Можно прочитать «Mme Maria».

¹⁷ «Кофе с молоком» (фр.).

¹⁸ Очень интересное замечание с точки зрения этнокультурной самоидентификации Шапшала.

¹⁹ Т.е. из латинского «полномочный».

²⁰ Александр Иванович Персиани – российский дипломатический агент и генеральный консул в Сербии (1877–1878); министр-резидент (1878–1889) и посланник (1889–1895) там же. Сын известного дипломата Ивана Эммануиловича Персиани (*Петрунина О.Е.* 50 лет на службе России: портрет российского дипломата XIX в. И.Э. Персиани // Вестник МГУ. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2008, № 1. С. 84–96).

²¹ Видимо, Шапшал имитирует здесь не совсем грамотную с точки зрения русского языка речь чешки.

²² Мухаджир – «эмигрант, вынужденный переселенец» (от араб. *хаджара* – переселяться). Соответственно, мухаджирство – термин, принятый в кавказоведении для обозначения широкомасштабного эмиграционного процесса, имевшего место в истории народов Северного Кавказа. См.: *Магомеддадаев А.М.* К истории эмиграции дагестанцев в Османскую империю // Эмиграция северо-кавказских народов в Османскую империю (вторая половина XIX – нач. XX в.). Сборник статей. Отв. ред. А.М. Магомеддадаев, сост. С.Ф. Алибеков. Махачкала, 2000. С. 62.

²³ Тур. *kudrethamam* – «горячий источник».

²⁴ Араба (или арба) – двухколесные повозки.

²⁵ Т.е. «два, один, три (с) половиной».

²⁶ Носильщики (арабо-тур.).

²⁷ Сарраф – меняла (арабо-тур.).

²⁸ Деревей (дословно – «бей долины») – представитель местной знати, пользовавшийся влиянием и обычно стоявший во главе эйалета.

²⁹ Т.е. «сколько шагов днём?» (тур).

³⁰ Илгын, вероятно, в эпоху Сельджукидов именовался *آب گرم* («Аб-э гярм» – «Горячая вода»), здесь были устроены султаном Ала-эдином Кейкубадом I горячие источники, куда ездил лечиться сам Джалал ад-Дин Руми. См.: *Гордлевский В.А.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941. С. 74.

³¹ Т.е. извозчики, погонщики (тур.).

³² Продавец халвы (тур.).

³³ Подобный интерес к фотографии присущ жителям многих мусульманских стран и в наши дни.

³⁴ Тур. *hükümet* – муниципалитет, резиденция местных властей, губернатора или каймакама. Шапшал пишет это слово в персидском произношении – *хокумет*.

³⁵ Имеется в виду Крымская война 1853–1856 гг.

³⁶ Т.е. лампадками (араб.).

³⁷ Видимо, сокращенное «Василия Осиповича».

³⁸ Т.е. о шахе Мохаммеде Али.

³⁹ Неточная цитата из пятого айата суры «Йусуф»: «Не рассказывай этого сна, ведь шайтан – явный враг человеку». Полностью этот айат выглядит так: **قَالَ يٰٓأَبْنَىٰ لَا تَقْصُصْ رُؤْيَاكَ عَلَىٰ**

أَخَوَتِكَ فَيَكِيدُوْا لَكَ كَيْدًا اِنَّ الشَّيْطَانَ لِلْاِنْسَانِ عَدُوٌّ مُّبِينٌ

Контекст таков: «4. [Вспомни, Мухаммад,] как Йусуф сказал своему отцу: "О мой отец! Я видел [во сне] одиннадцать звезд, солнце и луну. Я видел, как они поклонялись мне". 5. [Отец] сказал: "О сынок мой! Не рассказывай этого сна своим братьям, а не то они замыслили против тебя коварство. Ведь шайтан – явный враг человеку. 6. И [согласно твоему сновидению] твой Господь изберет тебя [на пророческий сан], научит тебя толковать сны и оделит сполна тебя и род Йа'куба Своим благодеянием, подобно тому как раньше Он оделил им твоих праотцев: Ибрахима и Исаака. Воистину, твой Господь – знающий, мудрый"».

⁴⁰ Иншалла (араб.) – «Если будет угодно Богу». Это выражение одинаково охотно употреблялось (и употребляется) как мусульманами, так и евреями.

⁴¹ «О, Боже!» (перс.).

⁴² Далее следует список книг, которые Шапшал собирался послать упоминающемуся ниже Челеби. Против первой, третьей и четвертой книги в списке стоят проставленные позднее галочки. Сокровенно, эти три книги Шапшалу удалось достать и отослать Челеби.

⁴³ Мелиоранский Платон Михайлович [18(30).11.1868, Петербург – 16(29).5.1906, там же], русский языковед-тюрколог. Профессор Петербургского университета (с 1905). Ученик В.В. Радлова. Основные труды посвящены исто-

рии тюркских языков, исследованию памятников древнетюркской письменности («Об Орхонских и Енисейских надгробных памятниках с надписями», 1898; «Памятник в честь Кюль-Тегина», 1899; «О Кудатку Билике Чингиз хана», 1901 и др.). Соч.: Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. 1–2. СПб., 1894–1897; «Араб филолог о турецком языке». СПб., 1900. Литература о нем: *Самойлович А.* Памяти П.М. Мелиоранского // ЗВОРАО, 1907. Т. 18. Вып. 1 (есть список работ Мелиоранского).

⁴⁴ Имеется в виду либо «Персидская грамматика» (на немецком языке, 1889), либо, скорее всего, «Краткая грамматика новоперсидского языка» (СПб., 1890) учителя Шапшала русского ираниста В.А. Жуковского (1858–1918). О нем Шапшал даже написал небольшие воспоминания (*Шапшал С.М.* Валентин Алексеевич Жуковский // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник V. Памяти В.А. Жуковского. М., 1960. С. 131–133).

⁴⁵ *Мелиоранский П.М.* Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1899.

⁴⁶ Т.е. переводчика; не совсем понятно, зачем Шапшалу с его знанием тюркских языков был нужен переводчик. Или к тому моменту он был не очень силен в разговорном турецком?

⁴⁷ Кавас - пристав (тур.)

⁴⁸ Т.е. «посещение» святых могил (арабо-тур.).

⁴⁹ Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) – крупнейший отечественный тюрколог, академик (с 1929 г.), в 1934–1937 гг. – директор Института востоковедения АН СССР. О нем см.: Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., переработанное, подготовил А.Н. Кононов. М., 1989; *Ашнин Ф.Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Народы Азии и Африки, 1963, № 2; *Ашнин Ф.Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Тюркологический сборник 1974. М., 1978; *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М.* Репрессированная тюркология. М., 2002. С. 7–20; *Зайцев И.В.* Незвестные архивные документы о Н.К. Дмитриеве и А.Н. Самойловиче // Altaica. IX. М., 2004. С. 51–56.

⁵⁰ Местечко к западу от Коньи, славящееся своими садами. П.А. Чихачев в 1853 г., во время своей шестой экспедиции по Малой Азии, записал: «Проезжаем зону садов и дач Коньи, известную под именем Мекрем». См.: *Чиха-*

чев П.А. Великие державы и восточный вопрос. М., 1970. С. 202.

⁵¹ Челеби – здесь, титул верховного настоятеля обители дервишей мевлеви в Конье. См.: *Pakalın M.Z. Osmanlı Tarih Deyimleri ve Terimleri Sözlüğü*. Cilt I, fas. IV. İstanbul, 1948. С. 342.

⁵² Согласно «Органическому закону о народном образовании» 1869 г., *султанйе* – школа четвертого этапа образования, или полная средняя школа (лицей). Срок обучения был трехгодичным, обучение (совместное для мусульман и немусульман) – платным. До революции 1908 г. в Османской империи существовало только два лицея с программой *султанйе* – знаменитый Галатасарайский (открылся в 1868), где преподавали иностранцы, и Дарюшшефака (открылся в 1873). К 1911 г., когда Конью посетил Шапшал, помимо них было организовано еще пять лицеев: в Эдирне (1909), Измире и Стамбуле (1910), Бурсе и Кастамону (1911). См.: *Желтяков А.Д., Петросян Ю.А. История просвещения в Турции (конец XVIII – начало XX века)*. М., 1965. С. 158–159; 112. В каком-то из них и учился сын челеби Мехмеда Веледа.

⁵³ Кулях – колпак. Джуббе – длинная верхняя одежда. Традиционное одеяние конийских дервишей.

⁵⁴ «Лицемер», от фр. hypocrite. Сохранился фотографический портрет Веледа Челеби вместе с градоначальником Коньи Арифипашой (1910 г.). См.: *Konyalı İbrahim Hakki. Akşehir. Nasreddin Hocanın Şehri. Tarihi-Turistik Kılavuz*. İstanbul, 1945. С. 797.

⁵⁵ Скорее всего, Челеби подарил Шапшалу четвертое издание собственной книги *Musavver Letaifi Noca Nasreddin*, напечатанное в 1337 г.х. (См.: *Konyalı İbrahim Hakki. Akşehir. Nasreddin Hocanın Şehri. Tarihi-Turistik Kılavuz*. İstanbul, 1945, с. 787).

В Конье и Акшехире Насреддин Ходжа весьма почитаем по сей день. Там находится и его мавзолей.

⁵⁶ Т.е. немусульманину; имело несколько пренебрежительный оттенок. См. примеч. 11.

⁵⁷ Мелиоранский П.М. (см. примеч. 43).

⁵⁸ Возможно, имеется в виду известный иранист Всеволод Федорович Миллер [7(19).4.1848, Москва – 5(18).11.1913, Петербург, похоронен в Москве] академик Петербургской АН (1911). Окончил Московский университет (1870), профессор университета (с 1884). Председатель этнографического отдела Общества любителей естествознания (с 1881), один из основателей журнала «Этнографическое обозрение» (1889–1916), хранитель Дашковского этнографического музея в Москве (1884–1897), директор Лазаревского института восточных языков (1897–1911). Занимался индоиранскими языками (особенно осетинским), русским языком и фольклором.

⁵⁹ «Большой Диван» – произведение выдающегося персидско-турецкого поэта-мистика Джалал ад-Дина Руми (1207–1273).

⁶⁰ Дописано сбоку довольно неразборчиво. Имеется в виду изречение из «Большого Дивана» Руми, которые висят внутри и снаружи тюрьбе его возлюбленного Шемса Тебризи.

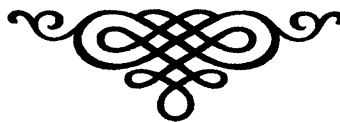
⁶¹ Молитвенный коврик (араб.).

⁶² Т.е. сам Джалал ад-Дин Руми.

⁶³ Т.е. внуков Пророка, сыновей последнего праведного халифа Али, погибших мученической смертью и особо почитаемых шиитами.

⁶⁴ Слова «но XIX века!» дописаны позднее.

⁶⁵ Шапшал собирал холодное оружие и имел большую коллекцию, часть которой дошла до наших дней (см.: *Seraya Szapszal's Karaim Collection*. Vilnius, 2003).

М.Е. Малевинская

**КОРЕЯ И РОССИЙСКО-КОРЕЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ДОКУМЕНТАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
Конец XIX – начало XX века**

Русские моряки нередко ступали на берега далеких стран задолго до того, как там появлялись российские дипломаты.

В 1856 г. фактически было положено начало дальним плаваниям, и с этого времени заграничные походы, бывшие ранее большой редкостью, стали явлением вполне обыденным. В «Общем обзоре заграничных плаваний с 1856 по 1868 г.» отмечалось, что «1857 год <...> замечателен в истории нашего флота и должен, по справедливости, занять на страницах ее самое почетное место. В этом году было отправлено из Кронштадта в дальнейшее плавание три винтовых эскадры: две в Черное море и одна к устьям Амура. Кроме того, по Высочайшему повелению 8 июля 1857 года был послан в Восточный (Тихий. – М.М.) океан в распоряжение генерал-адъютанта графа Путятина фрегат “Аскольд” под командою флигель-адъютанта Унковского»¹. Русский флаг с честью развевался в разных морях, и российские эскадры плавали, сообразно с политическими видами правительства, как в Средиземном море, так и в Тихом океане².

В отчете за 1862 г. отмечалось, что «плавания за границу эскадр и отдельных судов продолжают без промежутков с 1856 года и принесли, без сомнения, флоту огромную и ничем не заменимую пользу»³. В 1863 г. в Тихом океане действовала эскадра под командованием адмирала А.А. Попова в составе 5 корветов и 4 клиперов. Во всеподданнейшем отчете по Морскому министерству за этот год говорится, что суда эскадры нигде долго не застывали на якоре, исследовали разные местности, принимали участие в гидрографических работах и

по очереди содержали станции в Хакодате и Шанхае. Все более и более усложнявшиеся политические обстоятельства в этом регионе заставляли думать о действиях эскадры Тихого океана на случай дипломатического разрыва с морскими державами.

Присутствие в различных водах наших морских сил помогало охранять интересы и достоинство Российского государства. Русский военный флаг не покидал Тихого океана, ежегодно в дальние плаванья посылались новые суда, таким образом команды пополнялись опытными моряками. Морское начальство видело в этих плаваниях не только лучшее средство получить отличных офицеров и опытные команды, но для офицеров еще и возможность ознакомиться с отдельными странами. Дальние плаванья 1860–1870-х годов составили одну из славных страниц в истории российского флота.

В 1895 г., вследствие японо-китайской войны и для защиты российских интересов на Дальнем Востоке, эскадра Тихого океана была усилена несколькими судами из эскадры Средиземного моря⁴. С 1 октября по 1 мая суда Тихоокеанской эскадры пребывали в портах Японии, Китая и Кореи, выполняя весьма важные гидрографические работы, в особенности у берегов Кореи, и знакомя с ними офицеров⁵.

По окончании русско-японской войны флот в Тихом океане в основном выполнял функции стационаров*, например, в Шанхае

* Стационар – военный корабль, находящийся на относительно длительной стоянке («на станции») в иностранном порту и состоящий в подчинении главы официального дипломатиче-

чередовались крейсер «Жемчуг» и канонерская лодка «Манджур».

После начала Первой мировой войны в заграничном плавании в Тихом океане были крейсер «Аскольд», посетивший многие порты, в том числе Манилу, Нагасаки, и крейсер «Жемчуг», находившийся на станции в Ханькоу для охраны интересов российских подданных и защиты концессий.

Все плавания подробно фиксировались в различной служебной документации, в том числе в вахтенных журналах и рапортах начальников эскадр, отрядов и командиров отдельных судов. Далее мы более подробно рассмотрим рапорты командиров разного уровня на предмет содержания в них сведений о Корее во второй половине XIX – начале XX в.

Как уже было отмечено, российские военные корабли посещали порты Тихоокеанского бассейна в разные годы и с разными целями. Согласно полученным инструкциям командиры собирали всестороннюю информацию о странах этого региона, благодаря чему в сохранившихся рапортах имеются очень разноплановые сведения, характеризующие все стороны жизни таких стран, как Япония, Корея, Китай и Вьетнам.

В рапорте Е.В. Путятин генерал-адмиралу от 25 мая 1854 г. речь идет об осмотре

ского представительства своего государства. Служил средством поддержания престижа и влияния дипломатического представительства в данной стране. Попутно использовался для разъездов вдоль побережья, доставки почты, курьерской и посыльной службы. В случае дестабилизации обстановки в стране или обострения отношений с ней стационары обеспечивали (с помощью десантных отрядов) охрану или эвакуацию состава дипломатической миссии и других граждан своей страны. Стационары были одним из факторов военно-морского присутствия в данном районе моря. Практика их использования была особенно распространена в XIX – начале XX века, когда принадлежавшие ведущим морским державам стационары, сменяя один другого, находились в главных портах Ближнего и Дальнего Востока. В качестве стационаров обычно использовали корабли малого и среднего водоизмещения.

и описании всего восточного берега Кореи от юго-восточной оконечности до пограничной с Маньчжурией рекой; об открытии обширной бухты, названной в честь адмирала Лазарева, и отправке письма корейским властям с просьбой проявлять дружелюбие к российским судам, а также об отношении корейцев к морякам фрегата «Паллада»⁶. В фонде 410 «Канцелярия Морского министерства» сохранилась выписка из рапорта командующего отрядом судов в Тихом океане от 27 июля 1882 г., в которой говорится о беспорядках в Сеуле, нападении на дом японского посланника и захвате королевского дворца представителями партии, враждебной иностранцам⁷. Значительное количество рапортов начальников эскадры содержится в фонде 650 «Эскадра Тихого океана». В их числе рапорт вице-адмирала В.П. Шмидта генерал-адмиралу от 16 апреля 1888 г., в котором сообщается о приходе российских кораблей в Чемульпо и о поездке сухопутным путем в Сеул для встречи с королем. Дано довольно подробное описание дороги, деревень, внешности корейцев, а также помещений дворца и аудиенции у короля, приводится описание самого короля и наследника престола; перечисляются подарки, сделанные королем российским офицерам. В этом же рапорте рассказывается о русской миссии в Сеуле⁸. В конце марта 1889 г. В.П. Шмидт информировал генерал-адмирала о внутривластном положении в Корее, в том числе слухах о готовящейся смуте против короля⁹. В рапорте, датированном ноябрем 1897 г., начальник эскадры сообщал о природе и климате на Южном и Восточном побережье Кореи, их различиях¹⁰. Рапорты начальников эскадр составлялись как по собственным впечатлениям, так и на основе рапортов командиров отдельных судов, в связи с чем последние заслуживают отдельного рассмотрения.

Рапорты командира корвета «Скобелев» капитан-лейтенанта В. Благодарева за июнь и июль 1884 г. содержат много интересной информации, например, о пребывании на борту корвета уполномоченного для заключения договора с Кореей К.И. Вебера, при-

бытии в Чемульпо представителей Министерства иностранных дел Кореи. К рапорту приложен рисунок флага, принятого в Корею в 1883 г. В июльском рапорте дано подробное описание дороги в Сеул, его месторасположения, улиц, домов, а также упоминается о подписании 25 июля договора с Россией и торговых правил¹¹.

Большой вклад в изучение прибрежных вод Кореи внесли моряки канонерской лодки «Сивуч»; подробный отчет о гидрографических работах, описание прибрежных деревень зафиксированы в рапортах командира за 1887 г.¹² Спустя 11 лет командир этого же корабля сообщал о волнениях в Сеуле, о подавлении выступления членов клуба «Индепендент» силами носильщиков, вызванных в столицу императором¹³.

Рапорты командира канонерской лодки «Кореец» за 1894 г. также дают много интересной информации: о движении повстанцев в южных провинциях, выступлениях корейцев против католических миссионеров, действиях Китая в связи с активизацией участников восстания и действиях японцев в Сеуле¹⁴. А в рапорте начальнику соединенных эскадр в Тихом океане от 10 октября 1895 г. он представил подробное описание событий, имевших место в Сеуле 26 сентября 1895 г.¹⁵

Определенный интерес вызывают и рапорты командира крейсера «Крейсер» капитана 2 ранга Г. Цывинского. Так, 28 июля 1895 г. он сообщал о неудовлетворительном состоянии г. Чемульпо, неисправности телеграфной линии между Сеулом и Фузаном, случаях заболевания холерой и причинах их возникновения, а также о хорошем качестве мяса и отсутствии заразных болезней у рогатого скота и использовании удобрений в сельскохозяйственных работах¹⁶. 2 сентября 1897 г. он же докладывал о столкновении между корейцами и японцами в японском квартале Гензана, вызванном жестоким самоуправством японского коммерсанта¹⁷.

В 1896 г. у берегов Кореи совершала плавание канонерская лодка «Бобр», командир которой М. Молас в своих докладах дал подробное описание географического поло-

жения, природы, занятий населения и административного устройства острова Чин-до (Циндао), а также народных волнений в Корею¹⁸.

В декабре 1897 г. в рапорте начальнику эскадры Тихого океана командир канонерской лодки «Забияка», сообщая о г. Мокпо, привел сведения о t° воздуха, уровне воды и течении в реке, возможностях захода больших кораблей, отсутствии запасов пресной воды и ее плохом качестве, а также о сооружении телеграфной линии Сеул – Мокпо¹⁹.

В рапортах командира канонерской лодки «Гремящий» капитана 1 ранга Е. Рогуля подробно освещены политические события в Корею. Так, 30 сентября 1897 г. он писал о предполагаемом провозглашении короля Кореи императором и об отношении к этому событию различных держав²⁰, а в феврале 1898 г. – об антирусской партии, состоявшей из корейцев, поддерживаемых иностранцами и стремившихся уничтожить влияние русских в Корею; о деятельности клуба независимости и об открытии 17 февраля в Сеуле Русско-корейского банка²¹.

В феврале 1899 г. командир канонерской лодки «Манджур» информировал начальника эскадры о политическом затишье в Сеуле и в Корею в целом, отсутствии волнений и перспектив каких-либо перемен, а также об улучшении российско-корейских отношений и дружелюбном отношении корейцев ко всем иностранцам²².

Во многих рапортах содержатся интересные сведения о корейских городах. Так, командир эскадренного броненосца «Петропавловск» капитан 1 ранга Н. Грехе в июне 1901 г. писал о посещении порта Гензан и сравнивал его с посещением в 1896 г. Он дал описание японского квартала, дорог и лавок²³. Командир канонерской лодки «Манджур» в своем рапорте в июле 1901 г. сообщал о состоянии дисциплины в корейской армии²⁴. Осенью 1901 г. командир канонерской лодки «Кореец» посетил русскую школу в Сеуле и в рапорте начальнику эскадры доложил, что в школе русскому языку обучается до 50 корейцев, руководит

школой русский, бывший артиллерийский офицер Бирюков, возраст учащихся от 14 до 25 лет и что один из бывших выпускников является секретарем при посольстве Кореи в Петербурге²⁵.

Интересные сведения о г. Цинанпо, количестве жителей различной национальности, управлении городом и его описание приводятся в рапорте командира канонерской лодки «Бобр» в сентябре 1903 г. В этом же рапорте упоминается кореец по фамилии Ким, хорошо говорящий по-русски (ранее проживал в Петербурге и Москве) и состоящий чиновником особых поручений при корейском императоре²⁶.

Командир крейсера «Орел» капитан 1 ранга А. Пелль в рапорте 1915 г. о плавании корабля подробно сообщал о посещении порта Фузан, при этом давал характеристику изменений в городе, произошедших за 15 лет с момента первого посещения им этого города, что, несомненно, представляет особый интерес²⁷.

Из приведенных выше примеров видно, что рапорты, сохранившиеся в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота, являются одним из основных источников, содержащих сведения по интересующей нас теме. Помимо этого, довольно информативны донесения морского и военного агентов (атташе). Также следует обратить внимание и на отложившуюся в фондах архива переписку российских посланников и консулов с командованием флота и отдельных соединений в Тихом океане. Документы рассредоточены по разным фондам и содержат информацию по различным вопросам внешней и внутренней политики Кореи, а также российско-корейским отношениям (до 1917 года включительно). Их можно классифицировать следующим образом.

1. Инструкции и предписания

2 мая 1857 г. командир парохода «Америка» получил инструкцию от главы русской миссии в Китае генерал-адъютанта графа Е.В. Путятина, в которой, в частности, предписывалось узнать, какие порты корейское правительство открыло для европей-

цев, и о содержании трактатов, определяющих отношения Кореи с иностранными державами²⁸. 27 сентября 1894 г. командир крейсера «Рында» получил предписание от начальника эскадры в Тихом океане посетить порт Гензан, обследовать его, в том числе проверить факт разграбления японскими кули пакгаузов купца Шевелева²⁹. 12 декабря 1896 г. командир крейсера «Память Азова» капитан 1 ранга А. Вирениус подписал инструкцию лейтенанту фон Шульцу, назначенному согласно предписания начальника эскадры в Тихом океане в десант, направляемый в Сеул в распоряжение поверенного в делах России в Корее³⁰.

2. Дипломатическая переписка, депеши, донесения, договоры и соглашения

В фондах архива отложился целый ряд писем Министерства иностранных дел России в адрес Морского министерства и командования Тихоокеанской эскадры. Так, 24 мая 1882 г. министр иностранных дел Н.К. Гирс в письме управляющему делами Морского министерства адмиралу И.А. Шестакову сообщал о заключении договора между САСШ и Кореей и о необходимости для России заключить подобный же договор³¹. Контакт между Россией и Кореей посвящено и письмо Н.К. Гирса морскому министру Н.М. Чихачеву от 19 сентября 1884 г. В письме от 29 сентября он уже информировал о предполагаемом направлении в Корею для установления отношений с местным правительством секретаря миссии в Токио А.Н. Шпейера³², а 19 декабря того же года высказывал пожелание расширить русское присутствие в корейских водах³³. Летом 1888 г. в письмах Министерства иностранных дел речь шла о волнениях в Сеуле, возникших в связи с распространением слухов о краже иностранцами корейских детей³⁴. В мае 1898 г. министр иностранных дел М.Н. Муравьев в письме адмиралу П.П. Тыртову сообщал о тревожной ситуации в Сеуле, отъезде из города русских инструкторов и необходимости усилить охрану миссии матросами с российского стационара³⁵, но уже в июне он писал П.П. Тыртову о значении порта Мозампо и необходи-

мости приобретения там земельных участков³⁶.

Нельзя не упомянуть также и о письмах российских дипломатических представителей. 27 апреля 1887 г. К.И. Вебер в письме контр-адмиралу А.А. Корнилову сообщал об отношении корейцев к предстоящему приходу в Чемульпо клипера «Вестник»³⁷. Внутриполитическая ситуация в Корее нашла отражение в письмах К.И. Вебера начальнику эскадры от 17 августа и 20 октября 1894 г.³⁸ Этой же теме посвящено и письмо А.Н. Шпейера адмиралу Ф.В. Дубасову, написанное в марте 1898 г.³⁹, а также письмо российского посланника в Сеуле А.И. Павлова адмиралу Е.И. Алексееву, написанное в начале 1902 г.⁴⁰

В фондах архива отложились копии договора между Россией и Кореей от 25.07.1884 г., таможенных тарифов и соглашения об отчуждении земель в Мозампо в полное распоряжение правительства России на правах концессии для мирных надобностей Тихоокеанской эскадры.

3. Письма и телеграммы разных лиц

Прежде всего надо отметить письмо вице-адмирала И.Ф. Лихачева императору Александру III, которое было написано в 1885 г. В нем говорится о необходимости укрепления флота в Тихоокеанском бассейне, стратегическом значении острова Цусима, даются характеристика Кореи и перспективы развития отношений между Россией и Кореей (письмо не было отправлено)⁴¹. Заслуживает внимания переписка о назначении отставного машинного кондуктора Ремнева заведующим технической частью Сеульского патронного завода (1897 г.)⁴². Сохранились в архиве и письма личного характера. Так, лейтенант Н.В. Иениш в письме к матери 7 января 1904 г. сообщает о посещении им Сеула, его населения, архитектуре, чиновниках⁴³.

Отметим также телеграммы адмирала Ф.В. Дубасова об осмотре Мозампо, его стратегическом значении для России и о дороге, соединяющей его с Сеулом (26 ноября 1897 г.)⁴⁴; об открытии для торговли ряда корейских городов, а также отказе в выделе-

нии участка земли в Фузане (4 июня 1898 г.)⁴⁵.

4. Записки, заметки, описания

15 декабря 1884 г. датирована записка вице-адмирала И.Ф. Лихачева генерал-адмиралу великому князю Алексею Александровичу о событиях на Дальнем Востоке, в том числе и в Корее⁴⁶. Примерно в это же время подготовлены записки мичманов А.К. Мякишева и Крузенштерна о плавании от порта Чемульпо в Сеул⁴⁷. Записка полковника генерального штаба Д.В. Путятты (1897 г.) посвящена деятельности русских инструкторов в Корее⁴⁸. К этому же времени относятся и заметка некоего А.Г. «Несколько слов о климатических и гигиенических условиях г. Чемульпо и Кореи вообще», в которой приводятся сведения о средней температуре воздуха, влажности, направлениях ветра, атмосферном давлении⁴⁹.

Подробные описания корейских деревень в бухтах Корнилова и Лазарева, в которых рассматриваются род занятий местного населения, растительность подготовил в начале 1900-х годов лейтенант Х.Г. Майдель, а лейтенанты Л.Н. Кнорринг и К.О. Шиллинг составили описание города Гензан. В этом городе в то время проживало 15 европейцев, в том числе двое русских, население занималось рыболовством и земледелием; в японской концессии было 12 кузниц, а в корейской части города маленькая меднолитейная мастерская; также приводятся сведения о деятельности таможи, телеграфа, путей сообщения и миссионеров⁵⁰. Мичман С.Д. Бодиско на основании сведений, собранных офицерами крейсера «Разбойник», сделал подробное описание городов Мозампо и Фузан⁵¹.

5. Дневники

В архиве сохранилось несколько дневников, которые представляют определенный интерес в качестве исторического источника. В первую очередь надо отметить И.Ф. Лихачева, который 15 апреля 1861 г. на страницах своего дневника описал берега бухты Гамильтона, корейскую деревню, дома, внешность жителей, их одежду⁵². Очень редко сохраняются письма и дневники рядового состава, но в фонде корабля «Память

“Азова”» сохранился дневник рулевого Коршунова. Обратим внимание лишь на две записи: 13 декабря 1896 г. он привел рассказ командира русского десанта о событиях в Сеуле, охране королевского дворца, отношении королевской четы к русскому десанту, убийстве королевы и бегстве короля в русскую миссию; 9 ноября 1897 г. описаны рейд адмирала Алексеева, большая корейская деревня Тоенг, занятия местного населения, климатические условия, а также город Коджи⁵³.

6. Фотографии

В различных фондах архива сохранилось небольшое количество фотографий, которые также представляют несомненный интерес для исследователей: фотография корейской деревни на острове Мандарин (1895 г.); фотография короля Кореи и наследного принца, сделанная на крейсере «Владимир Мономах» во время его стоянки в Корее (октябрь 1899 г.); несколько фотографий общего вида концессии морского ведомства в Мозанпо и нового консульского дома (1901 г.). К этому же разделу можно отнести и портрет корейского чиновника, выполненный с натуры в бухте Сиуро юнкером Сиденснером в 1860-х годах.

7. Атласы, карты, планы, рисунки

Отдельного рассмотрения требуют картографические материалы. Большинство из них хранится в фонде 1331 «Атласы, карты и планы архива Центрального картографического производства ВМФ (коллекция)». В этом фонде сохранились редкие рукописные карты и атласы, а также картографические издания XVI, XVII, XVIII веков. Картографические материалы из этой коллекции имеют исключительный научно-исторический характер, они содержат много данных в области истории открытия и описания новых земель Великой северной экспедицией и другими русскими экспедициями. Они представляют большой интерес для всех, кто занимается изучением открытий и исследований новых земель, историей развития мореплавания и военно-морского искусства. В коллекции хранится много карт, отражающих

морские и сухопутные сражения в разные периоды истории.

В этой коллекции имеются карты корейского побережья за период с начала XIX до начала XX в. (русские и британские). Есть целый ряд редких карт, в том числе «Меркаторская карта, заключающая в себе Корейское море и берега его окружающие с означением всего Японского государства и прилегающей к нему части Восточного океана. Сочинена при чертежной Государственного Адмиралтейского департамента. Японское государство назначено с японской карты; положение берегов и островов исправлено по наблюдениям новейших мореплавателей. 1811 г.»⁵⁴ и «Альбом видов берега Восточного океана, представленный начальником эскадры Тихого океана вице-адмиралом Алексеевым. Рисовал с натуры лейтенант Лепко. Ч. 1. Берега Кореи. Издание Главного гидрографического управления Морского министерства. 1898 г.»⁵⁵. К альбому составлен алфавитный указатель для берегов Кореи от залива Петра Великого до реки Пинг-Янг. В альбоме 7 листов с картами и 52 листа с рисунками.

Всего в фонде 1331 насчитывается 13 описей, и в 7 из них имеются материалы по рассматриваемой тематике. В первой описи карта портов на восточном берегу острова Цусима (1876 г.). Во второй описи карта Северной Кореи (1900 г.). В четвертой описи атласы карт Восточного океана с 1790 по 1808 г. и морских карт Тихого океана (1820 г.), а также собрание карт и планов Тихого океана (1827 г.). В шестой описи можно познакомиться с картами части восточного берега полуострова Корея от порта Шестакова до порта Лазарева с указанием глубин прибрежной полосы (1897 г.) и от мыса Болтина до порта Шестакова также с указанием глубин (1898 г.), планами порта Лазарева и бухты Венсан (Гензан) и порта Шестакова с указанием глубин прибрежной части Японского моря (1899 г.), а также планами и картами якорных мест западного берега полуострова Корея с указанием глубин (1905 г.) и др. В седьмой описи сохранились карта восточного побережья Кореи, состав-

ленная с описи офицеров фрегата «Паллада» и дополненная с карт 1861–1880 гг.; карта Японии и части Кореи по съемкам до 1884 г., на которой обозначены наблюдательные пункты, станции сигнальные и беспроволочного телеграфа; карта южной части Корейского архипелага по съемкам 1845–1884 гг.; карта подходов к Сеулу, включая группу островов Сэр, Джэмс Галля по съемке 1882–1883 гг.; планы бухты Пхеньян, карты подходов к ней; планы рейда Мокпо (составлены по работам канонерских лодок «Корец» и «Манджур» 1896–1897 гг.), гавани Фузан (по осмотру канонерской лодки «Отважный» в 1895 г.), бухты Венсан и острова Да-желет (с планов описи фрегата «Паллада» 1854 г. и корвета «Витязь» под командованием С.О. Макарова 1888 г.). Карты устья р. Ялу, южной части Кореи и Корейского пролива по работам судов Тихоокеанской эскадры (1903 г.), острова Каргодо (Кочжедо) с заливами и проливами у его берегов по описи офицеров крейсеров «Владимир Мономах», «Крейсер», «Забияка» в 1895–1897 гг. и целый ряд других карт и планов. В десятой описи представлены карты берегов Японии, Кореи, Китая (1891 г.), полуострова Корея с островами Цусима и Ики (1884 г.), острова Каргодо (1896 г.), южной части Кореи и Корейского пролива (1907 г.), части западного берега полуострова Корея с реками Сеул и Зига (1884 г.), восточного берега полуострова Корея (1868 г.) и целый ряд других, а также планы рейда Чемульпо (1905 г.), рейда Мокпо (1905 г.), реки Тюмень-Ула (1862 г.), порта Шестакова (1895 г.), гавани Фузан (1884 г.) и т.п. Всего в этом фонде имеется более 100 карт по рассматриваемой тематике.

Помимо фонда 1331 карты и планы сохранились в фондах Главного морского штаба и Морского Генерального штаба. При этом карты, планы и схемы могут быть рукописными, т.е. составленные непосредственно участниками различных плаваний и экспедиций. Кроме того, в указанных фондах представлены и типографские издания, например, схемы административного деления и размещения населения в Северной Ко-

рее (начало XX в.)⁵⁶ и карта Северной Кореи, составленная А.И. Звегинцовым и бароном Н.А. Корфом (1904 г.). Небольшое количество картографических материалов отложилось также и в фондах личного происхождения.

На наш взгляд, представленная работа наглядно показывает, что фонды Российского государственного архива Военно-Морского Флота содержат весьма ценную и интересную информацию по истории Кореи и ее взаимоотношений с Россией. В настоящее время накоплен довольно большой материал, и в 2013 г. Корейский государственный фонд истории Северо-Восточной Азии планирует издать в Сеуле на корейском и русском языках аннотированный перечень «История Кореи и Японии в документах Российского государственного архива Военно-Морского Флота» (более 1000 заголовков), в основу которого положены материалы четырех фондов: Ф. 32 «Алексеев Евгений Иванович, адмирал»; Ф. 467 «Временный морской штаб Наместника на Дальнем Востоке»; Ф. 469 «Морской походный штаб Наместника на Дальнем Востоке»; Ф. 650 «Эскадра Тихого океана». Материалы этих фондов подробно освещают деятельность адмирала Е.И. Алексеева и его аппарата на Дальнем Востоке, а также политическое и экономическое положение стран этого региона в самом конце XIX – начале XX в. Этот перечень, несомненно, представляет интерес для исследователей обеих стран и послужит хорошей источниковой базой при подготовке докладов, статей и монографий.

Примечания

¹ Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Д. 195. Л. 29 об. – 30.

² Там же. Л. 83 об.

³ Там же. Д. 30. Л. 25 об.

⁴ Отчет по морскому ведомству за 1894–1896 годы. СПб., 1898. С. 34.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ РГАВМФ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 75. Л. 220 об. – 221 об. Подлинник.

⁷ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4122. Л. 24–25.

⁸ Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 5. Л. 102 об–107. Отпуск.

⁹ Там же. Л. 157 об. – 158. Отпуск.

¹⁰ Там же. Д. 206. Л. 45–45 об.

¹¹ Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 99. Л. 76–78 и 80 об. – 84 об. Подлинник.

¹² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 257. Л. 59–61 об., 64–66 об., 69–71 об. Подлинник.

¹³ Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 269. Л. 220–221 об. Подлинник.

¹⁴ Там же. Д. 119. Л. 19 об. – 20, 23 об., 28–28 об., 44 об., 45, 66 об. – 67, 73–73 об. Подлинник.

¹⁵ Там же. Ф. 510. Оп. 1. Д. 5. Л. 264–266 об. Подлинник.

¹⁶ Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 145. Л. 100–101. Подлинник.

¹⁷ Там же. Д. 218. Л. 216 об. – 217. Подлинник.

¹⁸ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1272. Л. 57–63, 141 об. – 142. Подлинники.

¹⁹ Там же. Д. 245. Л. 21 об., 23–23 об. Подлинник.

²⁰ Там же. Д. 218. Л. 200–200 об. Подлинник.

²¹ Там же. Д. 245. Л. 93–95. Подлинник.

²² Там же. Л. 327 об. – 329. Подлинник.

²³ Там же. Д. 272. Л. 27–27 об. Подлинник.

²⁴ Там же. Д. 382. Л. 33. Подлинник.

²⁵ Там же. Д. 381. Л. 37–37 об. Подлинник.

²⁶ Там же. Д. 543. Л. 102 об. – 103. Подлинник.

²⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3020. Л. 104 об. – 106 об. Подлинник.

²⁸ Там же. Ф. 909. Оп. 1. Д. 23. Л. 8 об. Подлинник.

²⁹ Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 118. Л. 80–81. Копия.

³⁰ Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–4. Подлинник.

³¹ Там же. Ф. 410. Оп. 2. Д. 4122. Л. 11–12. Подлинник.

³² Там же. Л. 59–60 об., 62–63. Подлинники.

³³ Там же. Л. 119–120 об. Подлинник.

³⁴ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 448. Л. 1–1 об., 5–11 об. Подлинники.

³⁵ Там же. Д. 1711. Л. 204–205. Подлинник.

³⁶ Там же. Л. 259–260 об. Подлинник.

³⁷ Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 114. Л. 32–32 об. Подлинник.

³⁸ Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 110. Л. 79–80 об., 117–118. Подлинники.

³⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 108. Л. 127–130 об. Подлинник.

⁴⁰ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 137. Л. 1–4 об. Подлинник.

⁴¹ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 229. Л. 1–1 об. Отпуск.

⁴² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1341. Л. 450–453 об., 522 об., 784 об. Подлинники.

⁴³ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–3, 3а–3 об. Подлинник.

⁴⁴ Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 213. Л. 16. Копия.

⁴⁵ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1711. Л. 254–255 об. Копия.

⁴⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 229. Л. 2–3 об. Черновик.

⁴⁷ Там же. Ф. 536. Оп. 1. Д. 112. Л. 43–47 об. Подлинники.

⁴⁸ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1718. Л. 2–11. Копия.

⁴⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 22. Л. 2–13. Подлинник.

⁵⁰ Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 388. Л. 11 об., 13. Копии.

⁵¹ Там же. Ф. 315. Оп. 1. Д. 982. Л. 3–9. Рукопись.

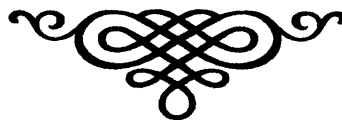
⁵² Там же. Ф. 16. Оп. 1. Д. 22. Л. 163–165.

⁵³ Там же. Ф. 574. Оп. 1. Д. 2. Л. 146–147 об., 170–170 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 1331. Оп. 4. Д. 138.

⁵⁵ Там же. Ф. 1331. Оп. 3. Д. 68.

⁵⁶ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 4442. Л. 44–45.

А.В. Антошин

«ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» СССР В ЭФИОПИИ И ЭРИТРЕЕ 1920 – НАЧАЛА 1930-х ГОДОВ ГЛАЗАМИ РУССКОГО ЭМИГРАНТА

Советская политика в Северо-Восточной Африке в 1920–1930-е годы уже не раз привлекала внимание исследователей. За попытками Советского Союза проникнуть в этот регион внимательно следили и некоторые русские эмигранты, в работах которых зачастую можно встретить неожиданные суждения, оценки, расходящиеся с официальной советской версией событий. В нескольких предыдущих номерах «Восточного архива» уже были опубликованы фрагменты воспоминаний Анатолия Львовича Маркова, касающиеся его службы в египетской полиции. Наряду с ситуацией в Египте, А.Л. Марков следил и за обстановкой в Эфиопии и Эритрее. В этом ему помогала транзитная корреспонденция, часть которой он перлюстрировал. Кроме того, по его словам, в Эфиопии в течение многих лет у него имелась «секретная агентура» из «русских надежных людей». В результате записки А.Л. Маркова содержат весьма интересный рассказ о попытках советского проникновения в Северо-Восточную Африку.

Советские миссии в Эфиопию в 1920–1927 годах

Эфиопия, одна из очень немногих стран Африки, сохранившая независимость в XIX веке, и в XX веке продолжала оставаться ареной противоборства великих держав. Еще в 1920 г. туда прибыл сотрудник Народного комиссариата иностранных дел И.А. Залкинд, чтобы «на месте выяснить положение в Абиссинии и, если возможно, создать там советское представительство»¹. Данная поездка являлась своего рода «пробным камнем», первой попыткой, в ходе которой вопрос об установлении дипломатических отношений так и не был решен. Как полагал Ан.А. Громыко, миссия И.А. Зал-

кинда закончилась неудачей из-за того, что руководители Эфиопии того времени были «довольно тесно связаны с государствами Антанты, т.к. именно с их помощью в 1916 г. был совершен государственный переворот в Эфиопии и свергнуто правительство Лиджа Иясу»². Именно «англо-франко-итальянские колонизаторы» и поддерживавшая их «внутренняя реакция» и помешали наладить отношения между Советской Россией и Эфиопией, полагали советские исследователи³.

Однако попытки большевистской России «проникнуть» в Эфиопию на этом не закончились. Как стало известно А.Л. Маркову, «между 1926 и 1928 гг.» Аддис-Абебу негласно навещали сотрудники советской миссии в Хиджазе (Джидде) Аксельрод и Моисей Белкин. Как полагал белоэмигрант, эти поездки происходили, по-видимому, не без ведома эфиопских правительственных кругов, так как во время своего путешествия в Европу в 1924 г. рас Тэфери⁴, тогда еще наследник престола и правитель Эфиопии, при проезде через Грецию имел встречи с советским послом в Афинах А.М. Устиновым⁵. В отечественной историографии уже отмечалось, что в ходе этих встреч советская сторона пыталась поднять вопрос о возобновлении дипломатических отношений. Рас Тэфери обещал рассмотреть вопрос, но дело этим и ограничилось. Любопытно, что, по словам А.Л. Маркова, «при этом свидании роль посредника играл известный в Абиссинии темный делец грек Зарбос, сопровождавший раса Тэфери в Европу в качестве врача»⁶.

А.Л. Марков утверждает, что имевшиеся у него документы свидетельствовали: Тэфери просил у СССР «дипломатического содействия большевиков в Абиссинии в борьбе с иностранными влияниями», «доставки

по возможности оружия, посылки инструкторов, инженеров и техников по разным специальностям», «открытия кредитов для торговли с Абиссинией на имя частных туземных предприятий и отдельных групп, дабы замаскировать при этом роль самого абиссинского правительства». В Москве эти идеи были, по словам А.Л. Маркова, «приняты с восторгом»⁷.

Опираясь на мемуары известного «невозвращенца» Г.З. Беседовского⁸, А.Л. Марков пишет о том, что в 1927–1928 гг. посол Абиссинии во Франции неоднократно контактировал с советским торгпредством в Париже. По словам Г.З. Беседовского, в 1929 г. полпреду СССР во Франции В.С. Довгалевскому было поручено начать переговоры с прибывшим в Париж абиссинским посланником. Однако результат этой попытки был весьма скромным: посланник «держал себя очень любезно, но от политических переговоров до осени 1929 г. решительно уклонился». Кроме того, в мемуарах Г.З. Беседовского сообщается, что глава прибывшей в Йемен советской торговой экспедиции «Воствага» Астахов направил в Эфиопию «двух специальных агентов» для сбора информации о ситуации в этой стране⁹. Возможно, этими агентами были как раз те самые Аксельрод и Моисей Белкин, о которых писал А.Л. Марков.

Николай Вавилов в Эфиопии: ученый или резидент советской разведки?

Особое внимание А.Л. Марков уделяет широко известной поездке 1927 г. в Эфиопию профессора Н.И. Вавилова. Вопреки заявлениям советских средств массовой информации, белоэмигрант стремился представить эту экспедицию прежде всего как разведывательную акцию. Чтобы подчеркнуть это, А.Л. Марков характеризует выдающегося ученого как «специального агента Москвы, члена Ленинградского Совета и ВЦИК», «доверенное лицо Политбюро». Анализируя цели поездки Н.И. Вавилова, эмигрант заявлял: миссия советского ученого заключалась официально в «изуче-

нии культуры абиссинской пшеницы»; «в действительности же Вавилову было поручено ознакомиться на месте с политическим положением Эфиопии и, в особенности, с закулисными влияниями и политическими группировками в Аддис-Абебе». При этом А.Л. Марков указывал, что Н.И. Вавилов стремился ввести в заблуждение русскую колонию в Эфиопии, но сделать это ему в целом не удалось: «Попытка Вавилова войти в доверие наиболее видных представителей русской эмиграции в качестве “ученого, стоящего вне политики”, окончилась неудачей, т.к. его без труда раскусили и на вопрос “Как вы относитесь к советской власти?” он получил ответы весьма неблагоприятные»¹⁰.

Впрочем, даже такой пристрастный аналитик, как белоэмигрант А.Л. Марков, не мог не признать тот факт, что кое-кто из представителей русской эмиграции пошел на контакт с советским ученым. Как и в других центрах русского зарубежья, в Эфиопии были и те эмигранты, которые считали возможным из патриотических и иных соображений сотрудничать с Советским Союзом. По этому поводу А.Л. Марков писал: «К сожалению, не все русские люди в Абиссинии оказались на высоте, нашлись среди них, как и везде, несколько человек с растяжимой моралью, которых Вавилов и завербовал в секретные осведомители Москвы». Среди них белоэмигрант называл такого представителя русской колонии в стране, как «бывший гардемарин Трофимов, приехавший в 1922 г. на борту учебного судна “Орел” с эвакуировавшимся из Владивостока морским корпусом. Он служил в Аддис-Абебе в местном колониальном магазине и уехал впоследствии в Шанхай»¹¹. В архиве А.Л. Маркова сохранились даже фотокопии личных писем Трофимова матери, где тот сообщал о пребывании Н.И. Вавилова в Эфиопии¹². Возникает риторический вопрос: каким образом эти письма оказались в руках сотрудника политической полиции Александрии?

Однако не только эмигранты стали сотрудничать в Эфиопии с Н.И. Вавиловым:

«Советское золото нашло себе друзей как среди туземцев, так и в европейской колонии. Наиболее интересным из последних являлся грек-адвокат Маргаритис, с нескрываемым цинизмом посылавший чисто политические доклады на имя, казалось бы, такого аполитичного учреждения, как Институт прикладной ботаники в Ленинграде. В своих докладах Маргаритис неизменно свидетельствовал полную готовность давать и в будущем все сведения, “какие Вы пожелаете”». Любопытно, что при этом А.Л. Марков приводил даже отдельные цитаты из писем Маргаритиса Н.И. Вавилову, из чего следует, что и эта переписка была перлюстрирована белоэмигрантом, ощущавшим себя, очевидно, кем-то вроде главы египетской контрразведки.

В частности, по заявлению А.Л. Маркова, осенью 1928 г. Маргаритис направил Н.И. Вавилову в Москву доклад о планах по реорганизации Абиссинского государственного банка, которая была поручена русскому эмигранту графу Татищеву. Последний привлек к этому делу французскую финансовую группу. «Москву, – пишет А.Л. Марков, – конечно, дело Абиссинского банка очень интересовало, если не со стороны того, какими капиталами будет финансироваться этот банк, то со стороны того, что для нее было совершенно недопустимо, чтобы во главе абиссинских финансов стоял русский эмигрант, непримиримый враг СССР. Результаты московской заинтересованности графом Татищевым скоро сказались. В одну из своих поездок между Абиссинией и Францией весной следующего 1929 г., находясь на борту парохода в Красном море, Татищев... таинственно и скоропостижно скончался...»¹³.

Естественно, возникает вопрос: какова степень достоверности утверждений А.Л. Маркова? Есть ли хотя бы какие-то основания говорить о том, что выдающийся советский ученый выполнял в Эфиопии не только исследовательскую миссию? Как известно, в Эфиопии и Эритрее караван Н.И. Вавилова прошел свыше 2 тысяч км. Только из столицы Эритреи Асмары ученый

отправил на Родину 80 посылок с семенами и колосьями¹⁴. Прямо на пароходе «Криспи» по пути из Эфиопии Н.И. Вавилов пишет небольшую, но очень важную в теоретическом плане работу «Географические закономерности в распределении генов культурных растений». По итогам этой экспедиции ученый определил Эфиопию и Эритрею как один из пяти основных очагов происхождения культурных растений. Для мировой биологической науки миссия Н.И. Вавилова имела огромное значение.

Чрезвычайно интересным источником для характеристики экспедиции Н.И. Вавилова являются его опубликованные письма. Они показывают, с какими трудностями проходила эта поездка. Власти Эфиопии и европейские державы, смотревшие на эту миссию так же, как и А.Л. Марков, долгое время отказывались пустить Н.И. Вавилова в Северо-Восточную Африку. Ученому приходилось идти на всевозможные уловки, чтобы попасть в этот регион мира. Об этом он откровенно писал, например, Н.П. Горбунову 4 января 1927 г.: «Сегодня из Рима еду в Марсель, откуда в Сомалию (получил транзитную визу). Если пустят в Абиссинию (что весьма проблематично), то направлюсь прямо туда. Если нет, имею визу в Эритрею. Это все же частичка Абиссинии. Французы определенно против моей поездки в Эфиопию, и Министерство иностранных дел в Париже в визе в Сомалию (через которую можно войти в Абиссинию) мне отказало. Но посольство в Италии, не зная этого, увидя сирийскую визу, дало мне транзитную визу в Сомалию»¹⁵. При этом и эритрейская виза была получена с колоссальными трудностями, ради нее Н.И. Вавилову пришлось в Риме «обегать, кажется, всех министров», как писал он В.Е. Писареву. Но в итоге его усилия увенчались успехом. Н.И. Вавилову удалось получить, как он сам отмечал, очень «хорошую» эритрейскую визу: «Могу войти, когда угодно, и в каком угодно пункте»¹⁶. Но вот что касается эфиопской визы, то тут перспективы Н.И. Вавилова были весьма туманны. В.И. Вернадскому он так и написал 12 января 1927 из Суэца: «Визы у

меня нет... Россиян никаких Абиссиния не выпускает. Иллюзий не строю»¹⁷.

Оказавшись все-таки в Аддис-Абебе, Н.И. Вавилов сразу же убедился, что правительство Эфиопии не хочет давать разрешения на поездку по внутренним районам страны. Письма ученого показывают: он четко понимал, что причиной такой настроенности являются именно опасения, что его экспедиция представляет собой разведывательную миссию. Об этом он откровенно писал В.Е. Писареву 11 февраля 1927 г.: «Никогда еще не попадал в такой дипломатический круговорот, как здесь. Никто не верит, что от нас может приехать ботаник собирать пшеницу. И все ищут причин более глубоких. А т.к. здесь клубок, то Вы поймете мое положение. Принимаю визиты, трачу тьму денег на содо-виски, коньяк, почти спился, ибо не только на Руси есть веселие питии, но еще более в Абиссинии. Пиво и мед они изобрели до нас. Боги, великие и малые, когда же я выберусь из Аддис-Абебы. Переживаю положение почетного плена»¹⁸. И все-таки, как мы знаем, и эту задачу Н.И. Вавилову решить удалось: благодаря содействию французского посла экспедиция во внутренние районы Эфиопии состоялась.

Однако переписка выдающегося ученого показывает: бесспорно, его поездка в Эфиопию объективно имела и политическое значение. Н.И. Вавилов действительно встречался с русскими эмигрантами, проживавшими в стране, и, видимо, рассказывал им об успехах Советского Союза. Об этом ярко свидетельствует, например, письмо Г.К. Сухановой, написанное 18 февраля 1927 г. из Аддис-Абебы. В нем ученый пишет: «Получил Ваши письма, газеты. Бесконечное спасибо за все. Газеты, да еще “Экономическая жизнь”, произвели здесь среди “россиян” большое впечатление»¹⁹.

Интересно, что и советские исследователи не отрицали тот факт, что поездка Н.И. Вавилова имела не только научное, но и большое политико-пропагандистское значение. П.А. Баранов отмечал, что каждое выступление Вавилова «с сообщениями о

достижениях советской науки и о своих собственных исследованиях делало сотни и тысячи представителей зарубежной интеллигенции друзьями нашей Родины. Продиктованные патриотическим долгом, правдивые и яркие сообщения Николая Ивановича о положении науки и культуры в нашей стране противостояли бессовестной дезинформации и прямой клевете капиталистической печати на социалистический строй в СССР и открывали глаза широким кругам зарубежной интеллигенции на истинное положение дела». При этом П.А. Баранов вспоминает чрезвычайно любопытный эпизод, случившийся во время беседы Н.И. Вавилова с расом Тэфери (упоминание об этом случае, действительно, содержится в переписке ученого): «По-видимому, Николай Иванович так красочно рисовал ему переустройство нашей Родины под руководством Коммунистической партии, что тот выразил искреннее желание получить программу ВКП(б)»²⁰. Так что далеко не все из того, о чем писал А.Л. Марков, было плодом досужих измышлений старого белого офицера, ненавидевшего большевизм.

После Эфиопии Н.И. Вавилов, по словам А.Л. Маркова, «сумел создать местную агентуру» и в итальянской Эритрее, «коей впоследствии воспользовался весьма продуктивно другой московский человек — Александр Ступак». По возвращении в СССР Н.И. Вавилов сделал доклад в Москве на Восточном отделе Наркоминдела и Коминтерна о результатах своей миссии, отмечая, по данным А.Л. Маркова, что главным препятствием советскому проникновению в район Африканского Рога является деятельность русских эмигрантов.

В результате, заявляет А.Л. Марков, советские агенты получили задание: «Ликвидировать так или иначе белых русских, имеющих влияние в столице Эфиопии». Этому способствовал тот факт, что их правовое положение было непрочным, официально они находились под покровительством французской миссии, «которая, однако, не слишком склонна была им покровительствовать в действительности»²¹.

«Дело» доктора В.И. Гаврилова

Именно в связи с этими происками советской агентуры А.Л. Марков и рассматривает одно из самых громких «дел» в истории русской эмиграции в Эфиопии, когда «с помощью провокации был ликвидирован доктор В.И. Гаврилов – личный врач императрицы Заудиту, хорошо известный в столице как непримиримый враг Советов». В отечественной историографии отмечалось, что фальшивка о «большевистском заговоре» была «состряпана другим выходцем из России капитаном Бабикиным, занимавшим в то время должность начальника полиции Аддис-Абебы. Неважно, чем он руководствовался – личной ли антипатией к некоторым эмигрантам или желанием выслужиться, – объективно его фальшивка, раздутая западной прессой, оказалась направленной против СССР»²². А вот как описывает эти события эмигрантский «контрразведчик»: «Начальник полиции столицы Бабакиан – темный авантюрист, армянин по рождению, при содействии двух болгар: Юрия Широкова, бежавшего из Болгарии уголовного преступника, и Николая Иванова-Пинерджиева, сфабриковал от имени мифической большевистской организации письмо, в котором малограмотным русским языком была написана какая-то ерунда о бомбах, пулеметах и вооруженном восстании для свержения существующего режима, во главе которого будто бы должен был стать доктор Гаврилов, к слову сказать, глубоко штатский человек»²³. В результате Гаврилова выслали из Эфиопии. Одновременно французское представительство лишило покровительства и инженеров А.Г. Трахтенберга (управляющего железными дорогами) и Н.И. Воронского, которые тоже были высланы из страны.

Советские попытки проникновения в Эфиопию и Эритрею в начале 1930-х годов

Получал А.Л. Марков информацию и о ситуации в Эритрее, которая в этот период была важной частью колониальной импе-

рии Муссолини. Итальянцы сделали немало для развития телефонной и телеграфной связи в Эритрее, вывозили оттуда кофе, перламутр, шкуры. Контроль над этой территорией имел для фашистской Италии огромное стратегическое значение. С 1931 г. в столице Эритреи Асмаре «обосновался» сотрудник советской дипломатической миссии в Джидде Александр Ступак, получивший по этому случаю назначение представителем Наркомата внешней торговли. А.Л. Марков заявляет, что Ступак «имел постоянную связь по радио с Абиссинией, минуя контроль итальянских властей Эритреи». Впрочем, в данном случае он не приводит в качестве доказательств никаких перехваченных им или его агентами радиogramм, а лишь утверждает, что «Москва в Абиссинии прибегла к испытанному ею методу – подкупу стоящих у власти чиновников». Только этим, по его мнению, можно объяснить тот известный факт, что правительство Эфиопии обратилось к СССР с заявлением о желании покупать советскую нефть и керосин, «как будто бы в Красноморском бассейне не было в каждом порту цистерн и складов всевозможных нефтяных обществ»²⁴.

После этого в Абиссинию приехал А.А. Юрьев – уполномоченный Наркомата внешней торговли в странах Красноморского бассейна, которого император, по словам А.Л. Маркова, «принял официально и вел с ним долгие переговоры, надо полагать, не об одной только нефти». Затем Юрьева сменил Самуил Гертик – представитель Союзнефтеэкспорта. Рассказывая о его широко известной поездке, А.Л. Марков прямо намекал на ее разведывательный характер: «Гертик объехал буквально всю страну, побывав в самых глухих углах Абиссинии на границах Судана и Эритреи. Уезжая по окончании своей миссии в Москву, он захватил с собой двух русских из наиболее заслуженных секретных сотрудников, завербованных еще Вавиловым»²⁵. Неслучайно, как отмечают современные исследователи, советский полпред в Хиджазе Хакимов подчеркивал, что визит С. Гертика «внес опре-

деленный перелом» в советско-эфиопские отношения²⁶.

Подводя итог советской активности в Северо-Восточной Африке в 1920-е – начале 1930-х годов и пытаясь сделать прогноз о перспективах ее развития, А.Л. Марков уже в 1934 г. прозорливо писал: «Несомненно, что ныне надежно налаженная связь между Москвой и Абиссинией в дальнейшем должна еще больше развиться и дать свои результаты, и, вероятно, уже недалек тот момент, когда в столицу Великого Менелика, верно-го друга старой России, явится полпред Красной Москвы из бывших каторжан».

Как относиться к заявлениям А.Л. Маркова? Бесспорно, Анатолий Львович был весьма пристрастным исследователем, для которого на первом плане стояли интересы антибольшевистской борьбы. И, находясь на посту сотрудника политической полиции Александрии, он продолжал вести ту борьбу, которую начал в рядах Добровольческой армии. Несомненно, как уже отмечалось, он стремился где-то и приукрасить свою деятельность, создать себе имидж могущественного главы антибольшевистской секретной службы в Северной и Северо-Восточной Африке. Важен, однако, тот факт, что аналитические статьи и записки А.Л. Маркова постоянно публиковались в ведущих изданиях русского зарубежья, и многие эмигранты именно на основании его работ судили о ситуации на Ближнем и Среднем Востоке в 1920–1950-е годы.

Примечания

¹ Давидсон А.Б., Мазов С.В., Цыпкин Г.В. СССР и Африка. 1918–1960. Документированная история взаимоотношений. М., 2002. С. 78.

² Громько Ан.А. Советско-эфиопские отношения. Изучение Эфиопии в СССР. М., 1979. С. 11.

³ См.: Цыпкин Г.В., Ягья В.С. История Эфиопии в новое и новейшее время. М., 1989. С. 162.

⁴ Рас Тэфери Мэконнын (1892–1975) – будущий император Эфиопии Хайле Селассие I. Возглавлял борьбу против итальянских захватчиков во время итало-эфиопской войны 1935–1936 гг.

Один из инициаторов создания Организации африканского единства. В сентябре 1974 г. свергнут революционными военными.

⁵ А.М. Устинов (1879–1937) – известный политический деятель революционной России. Из аристократической семьи, находившейся в родстве с Лермонтовыми и Столыпинными. Сын помещика Саратовской губернии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета и агрономическое отделение Цюрихского политехникума. Впервые арестован за участие в студенческом движении в 1902 г. Член партии эсеров с 1906 г. За организацию революционного комитета, совершившего ряд вооруженных экспроприаций, выслан из Саратовской губернии. В 1908 г. выслан из России, лишен дворянства, его имение было взято под опеку. Жил во Франции и Швейцарии. Вернулся в Россию в «пломбированном вагоне» в 1917 г. Видный деятель левого крыла партии эсеров, вел пропаганду среди матросов Балтфлота, за что летом 1917 г. оказался в «Крестах». В 1918 г. выступал в партии левых эсеров за тесный союз с большевиками. С 1920 г. – член партии большевиков. В 1921 г. – помощник начальника военной контрразведки РККА. С ноября 1921 г. – на дипломатической работе: работал в советском полпредстве в Германии, в 1924–1929 гг. – полпред СССР в Греции, в 1934–1937 гг. – в Эстонии. Умер в Таллине.

⁶ Hoover Institution Archive (HIA). Anatolii L. Markov writings. Box 4. Записки о прошлом. Т. 3. Воспоминания о службе в египетской политической полиции. Л. 60.

⁷ Там же.

⁸ Г.З. Беседовский родился в 1896 г. в семье владельца магазина готового платья. Учился в коммерческом училище, с 1910 г. – член ученической группы анархистов-коммунистов. Арестовывался в 1911 г. После окончания в 1912 г. коммерческого училища уехал во Францию, учился в электротехническом и аграрном институтах, участвовал в анархистском движении. В 1914 г. вернулся в Россию, учился в Институте сельского хозяйства и лесоводства, вел революционную пропаганду среди крестьян. С сентября 1917 г. – левый эсер. Занимался организацией крестьянских земельных комитетов. В условиях режимов гетмана Скоропадского и Деникина вел подпольную работу в Полтаве. С августа 1920 г. – член партии большевиков. С 1921 г. – председатель Полтавского губсовнархоза, член ВУЦИК. С 1922 г. – на дипломатической работе:

поверенный в делах УССР в Австрии (1922), поверенный в делах УССР в Польше (1923), член правления Амторга (1925), поверенный в делах СССР в Японии (1926), советник полпреда СССР во Франции (с 1927). 2 октября 1929 г. бежал из советского посольства во Франции. Издавал в Париже антисоветскую газету «Борьба». Дата смерти неизвестна (1948 или 1951, Лазурный берег Франции).

⁹ См.: *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. М., 1997. С. 317–318.

¹⁰ НИА. Anatolii L. Markov writings. Box 4. Записки о прошлом. Т. 3. Воспоминания о службе в египетской политической полиции. Л. 61.

¹¹ Там же. Л. 62.

¹² Там же. Документ 22.

¹³ Там же. Л. 67.

¹⁴ См.: *Бахтеев Ф.Х.* Николай Иванович Вавилов. 1887–1943. Новосибирск, 1987. С. 178.

¹⁵ Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. 1911–1928 гг. М., 1980. С. 292.

¹⁶ Там же. С. 293.

¹⁷ Н.И. Вавилов. Документы. Фотографии. СПб., 1995. С. 66.

¹⁸ Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия. С. 294.

¹⁹ Н.И. Вавилов. Документы. Фотографии. С. 67.

²⁰ *Баранов П.А.* Обаяние ученого // Николай Иванович Вавилов: очерки, воспоминания, материалы. М., 1987. С. 63–64.

²¹ НИА. Anatolii L. Markov writings. Box 4. Записки о прошлом. Т. 3. Воспоминания о службе в египетской политической полиции. Л. 63.

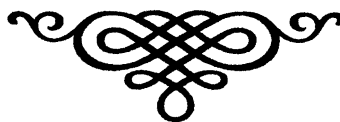
²² *Давидсон А.Б., Мазов С.В., Цыпкин Г.В.* Указ. соч. С. 85.

²³ НИА. Anatolii L. Markov writings. Box 4. Записки о прошлом. Т. 3. Воспоминания о службе в египетской политической полиции. Л. 64.

²⁴ Там же. Л. 68.

²⁵ Там же.

²⁶ *Давидсон А.Б., Мазов С.В., Цыпкин Г.В.* Указ. соч. С. 87.

С.И. Марахонова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСТОКОВЕДА СЕРГЕЯ ЕЛИСЕЕВА

В ГАРВАРДЕ. 1932–1957 гг.

Долгую жизнь русского востоковеда-эмигранта Сергея Григорьевича Елисеева (1889–1975) можно разделить на несколько периодов: японский, русский, французский... Но более всего он известен своей деятельностью в Гарварде в США. Серж Елисеев получил среди американцев наименование «отца американской японистики», человека, создавшего целое научное направление – дальневосточных исследований.

Серж Елисеев, работавший в то время в Париже, был приглашен в Гарвардский университет в Кембридже весной 1931 г. для чтения лекций по истории Японии и китайскому языку. Незадолго до этого, в 1928 г., в США при Гарвардском университете был создан Институт Гарвард-Яньцзинь¹. Институт функционировал на средства, завещанные Чарльзом М. Холлом, изобретателем производства очистки алюминия и создателем Алюминиевого общества Америки, а также на другие частные пожертвования. Поручением Ч.М. Холла попечителям его имущества была организация высшего образования в Азии, что было зафиксировано в меморандуме от 26 декабря 1928 г. Институт должен был «проводить и осуществлять исследования, обучение и публикации в области культуры Китая и/или других стран континентальной Азии и Японии и/или Турции и балканских государств Европы, которые были одобрены исполнительным комитетом. Это должно осуществляться через формирование, развитие, поддержку и материальное содержание и/или руководство одним или более учебным заведением и/или через полную или частичную поддержку, сотрудничество или филиализацию уже существующих или созданных позднее учреждений. Не сворачивая ведущихся в настоящее время работ, продолжать исследования и образовательную работу среди соответ-

ствующим образом подготовленных китайских и западных исследователей на уровне аспирантуры в области искусств и наук. Если это будет целесообразно, готовить ученых для работы в институте, развивать исследовательскую работу студентов других учреждений в Китае и искать, исследовать, собирать и хранить предметы культуры и старины или помогать музеям в этой деятельности»².

Наибольший интерес институт проявлял к китаеведению и, прежде всего, к традиционной китайской культуре. Институт Гарвард-Яньцзинь курировал образовательный процесс и осуществлял финансирование шести христианских университетов в Китае (университет Яньцзинь в Пекине, Нанкинский университет, объединенный университет Западного Китая, университет Линнань, Шаньтунский христианский университет, христианский университет Фудзянь) и ряда христианских колледжей для развития в них отделений китаистики. Эти христианские учебные заведения были основаны в конце XIX – начале XX в. протестантскими миссионерами. В них преподавали основы традиционной китайской культуры, а также предметы, связанные с культурой Запада. Институт Гарвард-Яньцзинь также оказывал помощь Сельскохозяйственному институту в Аллахабаде в Индии.

В начале 1930-х годов попечительский совет (Trustees) Института Гарвард-Яньцзинь, состоявший на одну треть из миссионеров, на одну треть из деловых людей и на одну треть из гарвардских профессоров, искал кандидата на пост первого директора института. Миссионеры хотели иметь своего ставленника, а Гарвардский университет стремился развивать научную деятельность института. Для этого необходимо было, чтобы директором стал ученый-востоковед, же-

лательно китаист. Должность была предложена известному французскому китаисту Полю Пелью, но тот от нее отказался и предложил вместо себя Сержа Елисеева. Для знакомства с Елисеевым весной 1931 г. институт обратился к нему с предложением прибыть в Гарвардский университет в качестве приглашенного профессора на 1932/1933 учебный год.

Прибыв 18 сентября 1932 г. в США, С. Елисеев приступил к работе. Он прочитал курс лекций по истории Японии, занимался со студентами китайским историческим текстом – биографией Сянь-Юйя из Ши-Цзи³ и японским современным текстом. Всего он имел нагрузку шесть часов в неделю. В это время ему было назначено вознаграждение в размере 7 тысяч долларов в год и тысяча долларов в качестве компенсации транспортных расходов⁴.

В конце октября – начале ноября ученый выступил также с циклом из восьми лекций о влиянии японской литературы на сюжеты японской живописи в Институте Лоуэлла (Lowell Institute) в Бостоне. Лекции имели успех, поскольку Елисеев старался объяснить слушателям то, чего не было в книгах⁵.

Администрация Института Гарвард-Яньцзинь поручила Елисееву составить список книг по японологии для их закупки институтской библиотекой. Ученый предложил серьезный список на восемь тысяч иен. Среди этих книг была книга по истории шаманства в Японии с фотографией его друга тангутоведа и япониста Н. Невского. Елисеев заказал также много произведений по истории Китая, по философии, по даосизму, написанных японскими учеными. Кроме этого он предложил примерную программу преподавания китайского и японского языков в Гарвардском университете⁶.

Весной 1933 г. кандидатура Елисеева на должность директора Института Гарвард-Яньцзинь очень серьезно и всесторонне обсуждалась на заседании попечительского совета этого института. Помимо Елисеева рассматривалась кандидатура доктора Артура Хаммеля из Библиотеки Конгресса, однако

комитет счел его недостаточно подготовленным специалистом.

Назначение Сергея Елисеева происходило очень не просто. В частности, было высказано мнение, что претендент должен был прежде посетить Китай для встречи с тамошними учеными, вероятно, чтобы заручиться их поддержкой. Наиболее серьезным аргументом против Елисеева была его образовательная подготовка в Японии в Токийском университете, что могло привести к неприятию его кандидатуры со стороны ряда китайских исследователей. Против него было и слабое знание им разговорного китайского языка при хорошем чтении и письме. Ряд членов исполнительного комитета считал, что рискованно доверять такое серьезное дело человеку, специализирующемуся не на Китае, а на Японии. Ведь перед Институтом Гарвард-Яньцзинь стояла двоякая задача: обеспечение высокого уровня исследований в области китаистики и создание стандарта высшего образования в целом ряде христианских университетов в Китае. Этим мог заниматься только действительно компетентный и заинтересованный человек⁷.

Однако деятельность директора Института должна была прежде всего проходить в Кембридже, а в Китае могли работать другие люди, получившие предварительную подготовку в Гарварде. В этом случае квалификация Елисеева как япониста, а не китаиста, не являлась помехой делу. К тому же за год пребывания в Китае С. Елисеев, безусловно, мог бы совершенствовать свой разговорный китайский с тем, чтобы участвовать в деловых переговорах⁸.

Таким образом, в апреле 1933 г. на заседании попечительского совета было принято решение рекомендовать Елисееву посетить Китай, а также перенести окончательное рассмотрение его кандидатуры на ноябрьское заседание совета. Посетить Китай С. Елисеев мог, возвращаясь по служебной необходимости в Париж. Для поездки в Китай ему было ассигновано в мае 1933 г. 2000 долларов⁹.

Проехав через Сан-Франциско в Японию, Елисеев прибыл в Китай. Он посетил

Шанхай, Нанкин и Пекин, где познакомился со многими китайскими учеными. Затем он побывал в Цинане и Тайане. Вернувшись в Париж осенью 1933 г., Елисеев еще целый учебный год (1933/1934) преподавал в учебных заведениях Франции. В Практической школе высших исследований при Сорбонне он уже в качестве ординарного профессора читал курс по буддийской иконографии, а в Школе Лувра – курс по истории китайской живописи¹⁰.

В ноябре 1933 г. состоялось очередное заседание попечительского совета, на котором кандидатура С. Елисеева была рекомендована на должность профессора дальневосточных языков факультета искусств и наук Гарвардского университета и директора Института Гарвард-Яньцзинь, начиная с 1 сентября 1934 г. Ему назначалось вознаграждение размером 10 тысяч долларов в год. Директор был подотчетен попечительскому совету и комитету по образованию. Профессорское звание присуждалось Елисееву пожизненно, а после выхода в отставку он становился почетным профессором¹¹.

Институт Гарвард-Яньцзинь – это независимое юридическое лицо с собственным капиталом. Институт имел соглашение с университетом относительно назначения профессоров и преподавателей, в остальном же был совершенно свободен. Поэтому Елисеев был сначала избран ординарным профессором Гарвардского университета, а затем выбран и утвержден директором Института Гарвард-Яньцзинь¹².

До сведения попечительского совета было доведено, что ученый, находясь в Китае, встретился с рядом лиц, заинтересованных в развитии Института Гарвард-Яньцзинь, и произвел на них исключительно благоприятное впечатление как человек, блестяще знающий свой предмет, обладающий критическим мышлением, полный энергии и интереса к своему делу. Что касается опасений, что Елисеев не будет принят китайским научным сообществом из-за своих связей с Японией, то и этот вопрос был снят. Главный представитель правительства Китая в области образования мис-

тер Фу и президент национального университета в Пекине заверили одного из членов попечительского совета, что они не будут вмешивать политику в область образования.

Члены попечительского совета также пришли к заключению, что среди американцев не существует специалиста уровня Елисеева, обнаружившего блестящие знания, хорошую основную подготовку и большие способности. Одновременно с этим попечительский совет предполагал в дальнейшем, по окончании первоначального этапа работы, передать управление Институтом кому-либо из американцев, чтобы С. Елисеев мог сосредоточиться исключительно на научных занятиях, к чему он имел наибольшую склонность. Выдающиеся организаторские способности ученого получили подтверждение лишь позднее¹³.

Елисеев имел свое четкое видение развития деятельности Института Гарвард-Яньцзинь, согласно которому, прежде всего, следовало создать хороший центр подготовки в Кембридже, набирая, в первую очередь, тех студентов, кто готов по окончании преподавать в Китае; организовать исследовательский центр, где бы публиковались журнал и различные монографические серии; сделать Америку центром синологии, чтобы ученые из Китая приезжали сюда, а не в признанные европейские центры; совместно с заинтересованными организациями в Пекине разработать учебные курсы, которые имели бы хождение по всему Китаю¹⁴.

Тем не менее, с точки зрения некоторых членов попечительского совета, существовала опасность того, что директор, не имеющий хорошей подготовки в области китаеведения, не сумеет наладить образовательный процесс в Китае таким образом, чтобы китайские студенты в Китае вышли на европейский научный уровень. Елисеев должен был понимать, что первостепенной его задачей является курирование шести китайских образовательных учреждений. Дискутировался и вопрос о сроке пребывания Елисеева на посту директора Института. Первоначально предполагалось назначить **его** дирек-

тором на пять лет. Но, признав, что этот срок слишком короток, чтобы развернуть серьезную работу, попечительский совет пришел к выводу, что Елисеев просто должен привлечь во внимание, что его назначение носит временный характер¹⁵.

Институт Гарвард-Яньцзинь занимал ряд помещений в здании Бойлстон-Холла (Boylston Hall) на территории Гарвард-Ярда. В этом же здании размещалось в дальнейшем и отделение дальневосточных языков.

До приезда Елисеева в Гарвардском университете при поддержке Института Гарвард-Яньцзинь читались годовичные курсы китайского языка и литературы, а также полугодовые курсы по истории Китая, китайскому искусству и китайской философии. Китайский язык в Гарварде преподавали синологи профессора Дж. Уэйр и Мей, но историю Китая читал М. Гарднер, не владевший китайским языком.

После назначения С. Елисеева преподавательская работа за год была реорганизована, курсы получили более логичное построение. Появились элементарный, промежуточный (intermediate) и продвинутый (advanced) курсы китайского языка, интерпретации древнего китайского текста (его вел сам С. Елисеев), китайской историографии, истории отдельных династий, литературы, эволюции китайского искусства.

Впервые курс японского языка был введен в Гарварде в 1931/1932 учебном году. За все время до этого, начиная с 1895/1896 учебного года, на курсах, посвященных Японии, прошел подготовку 61 слушатель. Но это были не языковые курсы. Программы относились к поэзии и религии Японии. Первым официальным преподавателем японского языка был Хидео Кисимото. Он вел курсы элементарного японского для пяти студентов и курс чтения и исследования для двух слушателей. Ситуация изменилась, когда в 1932 г. в Гарвард приехал профессор Серж Елисеев. Он читал историю японской цивилизации до 1800 г. и ряд китаистических курсов. Кисимото продолжал преподавание японского языка, а чтение и исследование читал совместно с Елисеевым.

Когда С. Елисеев вернулся в 1933 г. в Париж, Кисимото ввел два новых курса: исторический фон японской цивилизации и историю японской литературы. В 1934/1935 учебном году Кисимото покинул Гарвард, но в сентябре 1934 г. в Кембридж вновь прибыл Елисеев. В США Серж Елисеев приехал с супругой Верой Петровной. Двое детей, один студент Сорбонны, другой школьник, остались в Париже. В Кембридже Елисеевы поселились на Memorial Drive, 989.

Профессор Елисеев организовал японские занятия следующим образом: были курсы японского языка для начинающих и продолжающих (intermediate), японской литературы, истории Японии и японского искусства. Сначала все занятия вел сам профессор. В 1934/1935 учебном году три часа в неделю Елисеев читал курс по истории Японии, в курсе искусства много времени уделял архитектуре, считая, что она отражает общественные и классовые вкусы. Два часа в неделю читал японские средневековые тексты с комментариями и шесть часов японского языка, которые раньше вел Кисимото. Таким образом, у него была очень большая загруженность – 12 часов в неделю (был еще один час китайского)¹⁶. В 1936/1937 гг. два курса начал читать Сигемару Симояма. В 1938 г. в Гарвард поступил на работу ученик С. Елисеева Эдвин О. Рейшауэр. Родившись в Токио, Э.О. Рейшауэр с детства знал японский язык и во время пребывания в Гарвардском университете изучал в 1932 г. историю Японии у С. Елисеева. В 1932 г. Э.О. Рейшауэр получил магистерскую степень по истории, но в 1933/1934 гг. продолжал заниматься со своим наставником в Париже. Позднее японистические дисциплины преподавали, помимо Елисеева и Рейшауэра, Ёсихаси, Мак-Кензи и Беннетт.

С 1936 г. начала свою деятельность летняя школа при институте – не только для студентов, но и для всех желающих. «Это популярные лекции для учителей, которые хотят пополнить свои знания. Я буду читать общий курс по истории Японии»¹⁷. Как отмечал Елисеев, 50% слушателей были жен-

щины¹⁸. Такая школа существовала и в последующие годы.

В ноябре 1936 г. С. Елисеев прочитал ряд лекций по японскому языку и культуре Японии в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Он был многолетним председателем двух комиссий: по присуждению звания доктора философии в области истории и дальневосточных языков и в области дальневосточных исследований¹⁹.

В 1938/1939 гг. на факультете искусств и наук была организована новая структурная единица, где занимались преподаванием дальневосточных языков. С 1939/1940 гг. она стала именоваться отделением дальневосточных языков²⁰, председателем которого был назначен Серж Елисеев. Тогда же впервые был введен курс японского языка повышенного уровня (advanced)²¹.

Для повышения престижа отделения дальневосточных языков Гарварда зимой 1939 г. Елисеев приглашает П. Пельо, который должен был приехать в США на международную выставку «Золотые ворота», прочитать в университете две лекции за вознаграждение в 200 долларов²².

С самого начала своей деятельности в качестве директора института Елисеев стремился основать научный журнал, считая его чрезвычайно важным для развития синологии в США. Такой журнал дал бы возможность публиковать статьи, посвященные Китаю, Японии, Корее, Индии и другим странам. Там могли бы печататься и студенты. Достойное место должны были занять переводы работ китайских и японских ученых, а также анализ синологической деятельности в Китае и Японии и обзоры специальной востоковедной литературы. 75% материалов предполагалось уделить Китаю и 25% – Японии. Елисеев полагал, что первый номер журнала может выйти уже в сентябре 1935 г. Несмотря на то, что финансовое положение института в тот момент было сложным, решено было ассигновать 6000 долларов на первые четыре номера²³.

Первый номер журнала *Harvard Journal of Asiatic Studies*, посвященный недавно ушедшему профессору философии, интере-

совавшемуся буддизмом, Дж. Вудзу, много сделавшему для востоковедения в Гарварде, увидел свет в апреле 1936 г. Второй номер вышел в июле. В ноябре был опубликован вдвоенный номер – 3 и 4. С тех пор издание журнала, выходившего по четыре номера в год, стало регулярным. Каждый номер содержал 96 страниц, таким образом, в год получалось около 400 страниц научного текста.

Первый номер был напечатан в количестве 1500 экземпляров, чтобы можно было разослать его всем востоковедам. С. Елисеев составил следующий список: В.М. Алексеев, Н.А. Невский, Н.И. Конрад, Ю.К. Щуцкий, А.А. Драгунов, Е.М. Колпакчи, Институт восточных языков, Азиатский музей, Ф.И. Щербатской, Н.Н. Поппе, в Москве Библиотека имени Ленина, А.И. Иванов, профессор Мацохин²⁴.

В дальнейшем к сотрудничеству в этом журнале С. Елисеев привлек лучшие научные силы Запада и Советского Союза – своих коллег П. Пельо, А. Масперо, В.М. Алексеева, Ю.К. Щуцкого и др. Научное детище Елисеева с большим успехом выходит в свет до сих пор. Елисеев инициировал еще ряд изданий: «Монографическая серия Института Гарвард-Яньцзинь» (*Harvard-Yenching Institute Monograph Series*) и «Исследовательская серия Института Гарвард-Яньцзинь» (*Harvard-Yenching Institute Studies Series*), «Серия монгольских рукописей» (*Scripta Mongolica Series*), а также карты и учебники.

Другим новым направлением стала работа над китайско-английским словарем. Работа началась в Китае, так как этот вариант был экономичнее. В Пекине редакционный комитет под руководством профессора Хуна занимался изготовлением карточек с иероглифами. Всего предполагалось сделать 500 тысяч карточек, позднее оказалось, что необходимо около 5 миллионов. В ноябре 1938 г. работа в Китае над словарем была практически завершена. Дальнейшая подготовка словаря проводилась в Институте Гарвард-Яньцзинь, где эти иероглифы были переведены на английский язык с указанием

точных ссылок и цитат. Во время войны ситуация была осложнена тем, что несколько членов рабочей группы были заняты подготовкой военных программ или участием в них, и работу над словарем пришлось приостановить. С другой стороны, побочным продуктом военных программ стало создание словаря, содержащего четыре тысячи иероглифов.

Важнейшим активом Института Гарвард-Яньцзинь и отделения дальневосточных языков была китайско-японская библиотека, которую в конце 1940-х годов. Елисеев назвал лучшей библиотекой такого рода в Западном мире. В ней хранились тексты на китайском, японском, монгольском, маньчжурском, тибетском языках, буддистские тексты, монографические исследования, в частности, ученых династии Мин и Маньчжурской династии. Много было книг на западных языках, посвященных Дальнему Востоку. Большая часть таких изданий размещалась в библиотеке Виденера, названной в честь выпускника Гарварда, лекционера, погибшего на «Титанике», а рукописи из Западного Китая, также принадлежащие Институту Гарвард-Яньцзинь, – в библиотеке Хутон. Коллекции периодики и книг по лингвистике также были одними из лучших в США. В дальнейшем предполагалось переместить книги по Дальнему Востоку на западных языках из библиотеки Виденера в китайско-японскую библиотеку, поскольку оторванность монографий от источников, которым они были посвящены, не способствовала развитию азиатских исследований. На этом настаивал не только директор института, но и попечительский совет ввиду того, что эти книги были куплены за счет институтских средств²⁵.

В 1936 г. по предложению С. Елисеева китайско-японская библиотека была переименована в «китайско-японскую библиотеку Института Гарвард-Яньцзинь в Гарвардском университете». Хотя в ней содержались не только китайские и японские книги, название «китайско-японская» осталось, поскольку было очень хорошо известно и привычно в Китае. Упоминание же Института

Гарвард-Яньцзинь официально закрепляло фактическую принадлежность книг институту²⁶. Было также принято решение напечатать каталог книг библиотеки²⁷.

Библиотека, как и институт, располагалась в здании Бойлстон-Холла, со временем значительно расширив свои площади. Количество книг быстро увеличивалось. С июня 1936 по июнь 1937 г. в библиотеку было приобретено 7073 книги на китайском языке, что составило 108852 тома, и 116 книг на японском языке²⁸. Зимой 1939 г. в библиотеке находилось 130 тысяч китайских и 30 тысяч японских книг. Почти все они относились к истории древней цивилизации, поскольку цель и средства института способствовали его сосредоточению на культуре Китая и Японии (язык, литература, искусство и пр.) более, чем на современных международных отношениях, экономике и политике. Именно в это время С. Елисеев составил проект покупки китайских и японских книг, относящихся к проблемам XIX и XX вв., аргументируя это тем, что книги подобной тематики никем не закупаются. Однако значение проблем современного Дальнего Востока для США быстро росло, а в Гарварде уже были условия для их изучения благодаря передовым позициям отделения дальневосточных языков как обучающего центра²⁹.

Весной 1940 г. библиотека была настолько переполнена, что не имелось больше свободного места для новых книг. Встал вопрос о возведении отдельного здания специально для института и его библиотеки. Председатель попечительского совета пытался найти на это деньги³⁰. Сейчас Институт Гарвард-Яньцзинь находится в другом здании, в десяти минутах ходьбы от Бойлстон-Холла, но Серж Елисеев, проработав в Гарварде до 1957 г., так и не успел это здание увидеть.

В 1951/1952 учебном году содержимое библиотеки увеличилось на 9693 тома. На 1 июля 1952 г. в библиотеке хранилось 197939 китайских книг и 40297 японских книг, а вместе с книгами на тибетском, маньчжурском, монгольском, корейском и

западных языках их количество составило 246804 тома³¹.

В 1953 г. библиотека насчитывала 253 тысячи томов, а на 1 июля 1956 г. в библиотеке хранился 299841 том на языках восточной Азии, из них на китайском языке было 231189, а на японском – 56381 издание³². По размеру, научной ценности и доступности библиотека представляла собой основную коллекцию такого рода на Западе, следуя по числу книг лишь за Библиотекой Конгресса.

Во втором семестре 1936/1937 гг. С. Елисеев вновь посетил Японию и Китай, где инспектировал христианские университеты и ряд колледжей. Он уехал из США в конце декабря и вернулся в Гарвард в сентябре 1937 г. Уровень преподавания в университете Яньцзинь был, безусловно, гораздо выше, чем в других субсидируемых университетах, количество курсов было наиболее полным. Там преподавали языки и фонетику, литературу, историю и религию. Не хватало, по мнению Елисеева, курса по искусству Китая, хотя для этого имелась богатая возможность – большое число превосходных музеев в Пекине. Для привлечения еще большего числа студентов в университет Яньцзинь и повышения его статуса было решено открыть в нем курсы и по другим языкам, в частности, русскому, маньчжурскому и монгольскому. Елисеев отметил низкий образовательный уровень в объединенном университете Западного Китая в Ченту³³.

Японо-китайская война 1937–1945 гг., когда большая часть Китая оказалась оккупирована, привела к несогласованности в обучающих программах в шести субсидируемых университетах. Американские попечители были вынуждены помогать реорганизации университетов в новых условиях, воплощению в жизнь сбалансированной и научно запланированной программы. В противном случае это привело бы к снижению уровня подготовки студентов и их оттоку из христианских университетов в государственные³⁴.

В 1941 г. в Институте Гарвард-Яньцзинь был составлен документ относительно

но возможности организации в Кембридже школы китайского языка. Школа должна была существовать как отдельная единица, но функционировать в сотрудничестве с Гарвардским университетом. Она задумывалась как учебное заведение в США для подготовки будущих миссионеров, направляемых в Китай. Предполагалась следующая программа обучения в школе: курсы китайского языка, история Дальнего Востока и современных дипломатических отношений. Помимо этого учащиеся могли бы посещать в Гарвардском университете и женском колледже Рэдклифф курсы по археологии, искусству, истории, литературе, философии, религии, государственному устройству. Школа китайского языка создавалась под эгидой Института Гарвард-Яньцзинь, а ее директором должен был стать С. Елисеев³⁵.

Во время Второй мировой войны Институт Гарвард-Яньцзинь принимал большое участие в военных программах США. С. Елисеев и Э.О. Рейшауэр преподавали курсы японского и китайского языков в армейской школе, причем на разных уровнях. С 1943 г. Рейшауэр выполнял очень важную работу для военного ведомства. Елисеев один вел все эти занятия³⁶. В 1942 г. директор просил помещение для занятий пяти-шести человек на курсе японского языка для военных моряков³⁷. Известно, что в 1944 г. китайский изучали 22 курсанта. С апреля по июль трое курсантов изучали историю Японии. Весь учебный год по утрам пять раз в неделю директор работал в армейской школе, а каждую субботу бывал в Вашингтоне в качестве консультанта Управления стратегических служб (Office of Strategic Services)³⁸.

В сентябре 1944 г. армейское командование попросило преподавателей Гарвардского университета организовать для Школы гражданских дел (Civil Affairs Training School) специальный курс по изучению стран Дальнего Востока, прежде всего, Японии. Ради этой работы Елисеев даже отказался от консультаций в Вашингтоне³⁹.

Что касается обычной программы преподавания, то во время войны она изменилась. Ввиду крайней необходимости как

можно быстрее подготовить наибольшее число специалистов по японскому языку к учебному году был добавлен летний семестр, продолжавшийся 12 недель, с середины июня до начала сентября. Затем университет вновь перешел на двухсеместровую систему обучения⁴⁰.

Преподавание и административная деятельность не давали возможности С. Елисееву заниматься наукой. Из больших работ, вышедших в Гарварде, можно отметить лишь публикации учебного характера, написанные в сотрудничестве с учениками⁴¹.

Зарплата Елисеева была повышена только в 1943 г. и составила 11500 долларов. В 1947 г. она составила 12 тысяч, а в 1948 г. – 13 тысяч долларов⁴². В 1949 – 1950 учебном году Елисеев получал вознаграждение 14 тысяч долларов⁴³. В 1952 – 1953 учебном году – 15 тысяч долларов⁴⁴. В 1953 – 1954 г. его зарплата составила 16 тысяч долларов⁴⁵. В бюджете на 1954 – 1955 г. была заложена зарплата Елисеева 17 тысяч долларов⁴⁶. Такая же зарплата была у него и в 1956 г. перед выходом в отставку⁴⁷.

После войны расстановка сил в мире изменилась, другими стали и возможности США в обеспечении помощи Азии. В 1947 г. после дискуссии с профессорами Э.О. Рейшауэром и Ф. Кливзом Серж Елисеев написал документ, где осветил свое видение этой проблемы в целом и индийских исследований, в частности. Здесь ярко проявились способности С. Елисеева в организации образовательной и исследовательской деятельности. Документ был отправлен декану факультета искусств и наук П. Баку.

Елисеев писал, что занятия по изучению Азии вышли на новый виток и необходимо правильно расставить приоритеты. После войны он считал главным противостояние США и СССР, Европы и Азии. Уже была подготовлена новая региональная программа по СССР, давно существовали и программы по Центральной и Западной Европе. Однако программа по Азии не была полной. Изучался Китай, другие великие цивилизации, но этого было недоста-

точно, чтобы осветить вторую половину современного мира.

США видели в Советском Союзе только европейскую страну, не учитывая ее растущий индустриальный потенциал в азиатской части – в Сибири. А эта азиатская советская область была намного больше, чем промышленные области в Европе. Центральный фактор в будущем азиатской половины мира – это взаимоотношения между всеми азиатскими странами, простирающимися через Центральную Азию от Кореи до Турции, и СССР. США больше интересовались Советским Союзом и густо населенными великими державами Азии, но чтобы лучше понять, что происходит в СССР, Китае, Индии и пр., необходимо больше знать о странах, лежащих между ними. Только поняв связи между странами, удастся понять проблему Азии в целом.

Страны, о которых идет речь, и их цивилизации игнорируются почти всеми американскими университетами. Так, несмотря на большое значение для СССР и остальной Азии Русского и Китайского Туркестана, американские университеты не обучают турецкому языку. Также почти везде отсутствует монгольский. Персидский преподают только в Иранском институте в Нью-Йорке, который в основном ориентирован на классические и археологические занятия. Корейский язык есть только в Йеле и Калифорнии. Развитие этой области преподавания было бы в Гарварде не таким трудным и дорогостоящим, как кажется. В университете есть молодые кадры, специалисты в языках и культуре этих стран при одновременном знании русского и одного-двух языков Дальнего Востока. Эта программа могла бы быть построена вокруг отделения дальневосточных языков как центра.

В Гарварде были специалисты по Монголии, Турции, Ирану, Корее. В программах по Китаю, Японии, Индии и арабским странам, читаемых на разных отделениях университета, необходимо больше внимания уделить экономике и политическим проблемам этих стран. Таким образом, для реали-

зации новой программы нужны дополнительно только несколько преподавателей.

В долгосрочной перспективе азиатских исследований в Гарварде Серж Елисеев полагал необходимым объединить усилия разнообразных специалистов, как это было сделано в области китаеведения. Во время войны и после нее дальневосточными странами с большим энтузиазмом занимались в отделениях общественных наук. Появились новые преподаватели по экономике, общественным отношениям, географии. Присоединившись к преподавателям по языкам, литературе, истории, искусству и археологии, они способны создать серьезную группу азиатских экспертов в различных дисциплинах.

Однако Елисеев указывал на три недостатка в изучении Китая и Азии в целом, которые надо устранить, чтобы сделать эти занятия логическим и осмысленным целым. Первое, это отсутствие общего курса китайской литературы. Второе: философия – это одна из основных дисциплин в изучении любой цивилизации, но восточная философия не преподается. Необходим специалист в этой области, владеющий, как минимум, одним из основных азиатских языков, на отделении философии. Лучше, если этим языком будет китайский, так как институт особенно концентрируется на изучении Китая. Тогда можно создать программу изучения конфуцианства. Третье: несмотря на то, что между США и независимой Индией установились новые взаимоотношения, изучение Индии в американских университетах не изменилось. Читали только древнюю философию, древние языки и литературу. В Гарварде также велось преподавание древних языков, философии и искусства Индии, однако необходимо было изучать и современные языки, историю, литературу, экономику, политику и общественное устройство.

Последней проблемой, по мнению Сержа Елисеева, было размещение в институте всё растущей библиотеки. Если бы преподавание проводилось, как до войны, то такая перенасыщенность была бы терпима. Но введение новых обучающих программ тре-

бует и закупки большего числа книг. Появятся книги по современному Дальнему Востоку и разным общественным наукам. Будут индийские, турецкие, арабские лекции. Необходимы и рабочие помещения для новых членов педагогического коллектива, которые желательно иметь рядом с библиотекой⁴⁸.

Очевидно, что к мнению С. Елисеева прислушались, и вскоре в Гарварде начались изменения. В 1950/1951 учебном году, помимо китайского и японского языков, уже преподавали монгольский. В 1954/1955 гг. к ним добавился корейский, а в конце 1950-х годов – тибетский язык. Однако, согласно документальным данным, уже в 1942/1943 гг. на отделении дальневосточных исследований один студент обучался монгольскому языку. Тогда же 30 человек изучали китайский язык и столько же – японский. В 1941/1942 учебном году студентов было больше: 93 имели своей специализацией китайский и 184 японский язык⁴⁹. После войны на отделении дальневосточных языков стали читать историю России (доктор Карпович)⁵⁰.

Увеличение числа студентов и количества учебных часов лучше всего видно на примере японского языка. Если с 1895 до 1930/1931 гг. за все время в Гарвардском университете японистическим дисциплинам обучался 61 студент, то за пять лет с 1931 по 1935 г. было 36 студентов, в 1936–1940 гг. – 132 человека, в 1941–1945 гг. – 237 слушателей, в 1946–1950 гг. – 442 человека, в 1951–1955 гг. – 401 человек и в 1956–1960 гг. – 627 студентов⁵¹.

В 1934/1935 учебном году у Сержа Елисеева была очень большая нагрузка – 11 японистических курсов, в 1935/1936 гг. – девять. В 1941/1942 гг. С. Елисеев и Э.О. Рейшауэр читали шесть курсов японского, среди них впервые был интенсивный курс, позднее во время войны Елисеев один читал пять курсов. В 1946/1947 гг. было восемь курсов, в 1947/1948 гг. – девять и 12 курсов в 1948/1949 и 1949/1950 гг. Тогда были добавлены такие курсы, как история японской цивилизации, японские исторические и ли-

тературные тексты, разговорный повышенного уровня и чтение. С 1950/1951 гг. по 1956/1957 гг. число курсов варьировалось от девяти до тринадцати в год⁵².

В 1954/1955 гг. Серж Елисеев вел занятия японским повышенного уровня: грамматика классического японского, чтение классического текста и текстов эпистолярного стиля и стиля камбун с дополнительными заданиями из современной японской литературы. Эти же занятия во втором полугодии учебного года проводились полностью на японском языке и состояли из чтения различных статей и книг на современном японском с последующим обсуждением прочитанного в классе. Также Елисеев занимался со студентами повышенного уровня разговорным языком и чтением. Он же вел историю Японии и историю литературы с VIII в. до современности.

С начала 1950-х годов христианские колледжи испытывали определенные трудности в связи с политическими переменами в Китае. Идеология, неизбежная при тоталитарном режиме, начала вмешиваться в учебные программы, представляя собой большую угрозу. Однако ситуация не достигла еще критического уровня, когда наука становится несвободной. В этих обстоятельствах требовалось все большее дотирование учебных учреждений для обеспечения их финансовой независимости. Объединенное правление христианских колледжей в Китае первоначально выделяло на 1949/1950 гг. 500 тысяч долларов, но теперь требовалось как минимум 600 тысяч. Необходима была помощь Института Гарвард-Яньцзинь⁵³.

В 1951 г. ситуация в Китае усугубилась. Объединенное правление пришло к заключению, что его дальнейшее участие в образовательных программах и помощь христианским колледжам невозможны, и 16 марта 1951 г. на собрании попечительского совета объединенного правления было заявлено следующее: «Очевидно, что пока народное правительство Китая не изменит своей позиции по отношению к учебным заведениям и не перестанет контролировать колледжи и университеты, любая поддержка со стороны

объединенного правления становится затруднительной. Сейчас ряд учебных заведений национализирован, ряд частично национализирован и отчасти остается частным с перспективой возможной национализации, другие продолжают оставаться частными»⁵⁴.

Попечительский совет Института Гарвард-Яньцзинь полностью согласился с этой позицией. Согласно декрету о деятельности христианских учебных заведений в Китае, провозглашенному 26 декабря 1928 г., они получают субсидии до тех пор, пока используют эти средства на нужды, одобренные спонсорами, и продолжают активно осуществлять образовательные программы. Сейчас деятельность такого рода невозможна, и если ситуация в Китае не изменится, то подобные проекты придется осуществлять в других странах⁵⁵.

В ходе дискуссии относительно дальнейшей политики Института Гарвард-Яньцзинь члены попечительского совета пришли к выводу, что его деятельность следует переместить в Японию, Индию и Корею.

В 1946 г. С. Елисеев был назначен директором Американского института азиатских исследований, находящегося в Пекине и носящего ранее название Сино-индийского института, который был основан А. Сталь-Гольштейном⁵⁶. Однако в 1949 г. с приходом в Китае к власти коммунистов разгорелась дискуссия о будущем института. Если США признают коммунистическое правительство, тогда разумно будет сохранить институт. Если же, напротив, отношения между странами не будут налажены и американские ученые не будут ездить в Пекин, правильнее будет закрыть институт⁵⁷.

В сентябре 1948 г. Серж Елисеев стал почетным членом Французской школы Дальнего Востока в Индокитае⁵⁸.

В 1953 г. было выделено несколько учебных заведений в ряде стран Азии, с которыми американцы предполагали работать. В Японии к ним относились следующие: Японский международный христианский университет (Токио), Токийский женский христианский колледж, Тойо Бунко (Токио), университет Досия (Киото), Исследо-

тельский институт гуманитарных наук (Восточная секция) (университет Киото). Выделяемое им финансирование должно было идти на выплату зарплаты профессорам и преподавателям, стипендии ученым-исследователям, покупку книг для библиотек, а также публикации. В Гонконге получать поддержку от США должен был университет (исследовательская секция института востоковедения), а в Корее – христианский университет Юнхи (Чосун). Они получали деньги на те же нужды⁵⁹.

Весной 1955 г. С. Елисеев в течение двух месяцев находился в Японии и Корее. Целью его поездки было посещение учебных заведений, получающих гранты от института, организация публикации библиотечных каталогов в этих учреждениях и пр.⁶⁰

Серж Елисеев приехал в Гарвард в 1934 г., предполагая, что останется там всего на пять лет, но задержался на долгих 23 года. В 1939 г. в Европе уже начиналась война. После войны он не мог уехать, поскольку не выработал французскую пенсию, и надо было теперь выходить в отставку в США. В 1955 г. он достиг пенсионного возраста, но ему было разрешено еще остаться в Гарварде. В августе 1956 г. Серж Елисеев передал пост директора Института Гарвард-Яньцзинь Э.О. Рейшауэру, но остался преподавать еще на один академический год. Летом 1957 г. Елисеевы вернулись в Париж, где прожили еще полтора десятка лет.

Примечания

- ¹ Яньцзинь – старое название Пекина.
- ² Архив Гарвардского университета (АГУ). HUF 890. 140. 32.
- ³ Фрагмент из «Исторических записок» (Ши цзи) китайского историка Сыма Цяня.
- ⁴ АГУ. UAV 382. 95. 1. Ноябрь 1932 г. С. 119.
- ⁵ Из письма С.Г. Елисеева В.М. Алексееву от 21 января 1933 г. Цит. по: Дьяконова Е.М. Письма С.Г. Елисеева к В.М. Алексееву. 1933–1936 // С.Г. Елисеев и мировое японоведение (Россия, Япония, США, Франция, Вьетнам). М., 2000. С. 159.

⁶ Из письма Елисеева Алексееву от 21 января 1933 г. Там же.

⁷ Архив Института Гарвард-Яньцзинь (АИГЯ). Протокол заседания попечительского совета от 24 апреля 1933 г. Л. 137–138.

⁸ Там же. Л. 139.

⁹ Там же.

¹⁰ Письмо Елисеева Алексееву от 11 мая 1934 г. Цит. по: Дьяконова Е.М. Указ. соч. С. 161–162.

¹¹ АИГЯ. Протокол от 13 ноября 1933 г. Л. 1–2.

¹² Из письма Елисеева Алексееву от 26 мая 1934 г. Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук (СПб. ФАРАН). Ф. 820. Оп. 3. Д. 344. Л. 1.

¹³ АИГЯ. Протокол от 13 ноября 1933 г. Л. 2–3.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 4–5.

¹⁶ Из письма Елисеева Алексееву от 25 января 1935 г. Цит. по: Дьяконова Е.М. Указ. соч. С. 166.

¹⁷ Письмо Елисеева Алексееву от 17 апреля 1936 г. Там же. С. 189.

¹⁸ Письмо Елисеева Алексееву от 8 июля 1936 г. Там же. С. 195.

¹⁹ АГУ. UAV 382. 95. 1.

²⁰ В ряде текстов значится «исследований».

²¹ The Edwin O. Reischauer Institute of Japanese Studies. A Twenty-Year Chronicle. Cambridge (Mass.), 1996. P. 6–8, 58–59.

²² Письмо Елисеева П. Пельо от 12 января 1939 г. Архив музея Гимэ. Rel. 108 с 1939. № 3.

²³ АИГЯ. Протокол от 12 ноября 1934 г.

²⁴ Из письма Елисеева Алексееву от 3 марта 1936 г. Цит. по: Дьяконова Е.М. Указ. соч. С. 181.

²⁵ АГУ. UA III 50. 8. 11. 3.

²⁶ Там же.

²⁷ АИГЯ. Протокол от 9 марта 1936 г. Л. 96; 27 апреля 1936 г. Л. 118.

²⁸ Там же. Протокол от 8 ноября 1937 г. Л. 8.

²⁹ АГУ. UA III 50. 8. 11. 3.

³⁰ АИГЯ. Протокол от 8 апреля 1940 г. Л. 125.

³¹ Там же. Протокол от 17 ноября 1952 г.

³² АГУ. UA III 50. 8. 11. 3.

³³ АИГЯ. Протокол от 8 ноября 1937 г. Л. 10, 11, 18.

³⁴ Там же. Протокол от 6 апреля 1940 г. Л. 133.

³⁵ АГУ. UAV 382. 95. 1.

³⁶ Там же. UAV 344.

³⁷ Там же. UA III 50. 8. 11. 3

³⁸ АИГЯ. Протокол от 13 ноября 1944 г. Л. 195–196.

³⁹ Там же. Л. 194, 196.

⁴⁰ АГУ. UAV 344.

⁴¹ Elementary Japanese for University Students, Vocabularies, Grammar and Notes. Compiled by S. Elisseeff, E.O. Reischauer. Cambridge (Mass.), 1941. Переиздан в двух частях в 1942 г. и в трех частях в 1944 г. как: Elementary Japanese for College Students (Takehiko Yoshihashi); Selected Japanese Texts for University Students. Vol. I, II. Compiled by Elisseeff S., Reischauer E.O. Cambridge (Mass.), 1942. Переиздан в 1947–1948 гг. в трех частях; A Selected List of Books and Articles on Japan in English, French and German. Compiled by Borton H., Elisseeff S., Reischauer E.O. Washington, 1940.

⁴² АИГЯ. Протоколы от 12 апреля 1943 г. Л. 157; от 21 апреля 1947 г. Л. 300; от 15 апреля 1948 г. Л. 330.

⁴³ Там же. Протокол от 11 апреля 1949 г. Л. 361.

⁴⁴ Там же. Протокол от 29 апреля 1952 г.

⁴⁵ Там же. Протокол от 27 апреля 1953 г.

⁴⁶ Там же. Протокол от 29 марта 1954 г.

⁴⁷ Там же. Протокол от 21 марта 1956 г.

⁴⁸ АГУ. UA III 50. 8. 11. 3.

⁴⁹ Там же. UAV 382. 95.1

⁵⁰ Есть документ, относящийся к весеннему семестру 1949–1950 г. – АГУ. HUGFP 12. 8. Коробка 9. Ранее Россией занимались только в формате региональных программ.

⁵¹ The Edwin O. Reischauer Institute of Japanese Studies. P. 24.

⁵² Ibid. P. 9–10.

⁵³ АИГЯ. Протокол от 17 апреля 1950 г. Л. 406–407.

⁵⁴ Там же. Протокол от 5 ноября 1951 г. Л. 118.

⁵⁵ Там же. Л. 122–24.

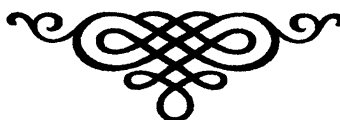
⁵⁶ Там же. Протокол от 14 ноября 1946 г. Л. 269.

⁵⁷ Там же. Протокол от 14 ноября 1949 г. Л. 375.

⁵⁸ АГУ. UAV 382. 95 .1.

⁵⁹ АИГЯ. Протокол от 27 апреля 1953 г.

⁶⁰ Там же. Протокол от 8 ноября 1954 г. Л. 359.

В.Г. Бухерт

«ТЕМА МОЕЙ ДИССЕРТАЦИИ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СЛУЧАЙНОЙ...»

К истории кризиса в советско-турецких отношениях

в 1945–1947 годах

23 февраля 1945 г. Турция объявила войну Германии и Японии. Ответом на этот «дипломатический курьёз», на этот «смехотворный, лицемерный шаг»¹, а, главным образом, на позицию Турции в период Второй мировой войны в целом стала денонсация СССР 19 марта 1945 г. договора о дружбе и нейтралитете, заключённого с Турцией в 1925 г. Между тем статья 2 этого договора обязывала каждую из сторон «воздерживаться от всякого нападения на другую»². С этого времени возникший ранее кризис в советско-турецких отношениях вступил в стадию опасного обострения.

14 декабря 1945 г. выходящая в Тбилиси на грузинском языке газета «Коммунисти» опубликовала письмо в редакцию академиков С.Н. Джанашиа³ и Н.А. Бердзенишвили⁴, озаглавленное «О наших законных претензиях к Турции». На следующий день перевод письма появился в русскоязычной тбилисской газете «Заря Востока»⁵, а затем и в центральной печати. Причем теперь в заголовке слово «претензии» было заменено на более определённое и категоричное «требования»⁶. В письме высказывалась мысль о необходимости возвращения Грузии некоторых пограничных районов Турции, отошедших к ней в 1921 г. по Московскому договору. Авторы утверждали (впрочем, со ссылкой на турецкую печать, а не на позицию официальных турецких властей), что Турция в период Великой Отечественной войны, «оставаясь фактически на стороне немецких захватчиков, вновь зарилась на наши территории». Грузинский же народ своим участием в разгроме фашизма получил, по мнению авторов письма, право предъявить свои «законные требования» о возвращении утраченных Грузией земель. Характеризуя значение этих земель для Грузии,

С.Н. Джанашиа и Н.А. Бердзенишвили писали: «Речь идёт не о незначительном территориальном ущемлении, а о захваченной колыбели нашей народной индивидуальности, о преступлении, рассекшем надвое живое национальное тело». Конкретные территориальные претензии к Турции они сформулировали так: «Грузинский народ должен получить обратно свои земли, от которых он никогда не отказывался и отказаться не может. Мы имеем в виду районы Ардагана, Артвина, Олты, Тортума, Испира, Байбурта, Гюмюшанэ и Восточный Лазистан, включая районы Трабзона и Гиресуна, т.е. лишь часть территорий, отторгнутых от Грузии».

К территориям, отторгнутым от Грузии, академики, таким образом, относили и земли, заселённые лазами. Исходя из этого, они рассматривали в качестве исторически связанного с Грузией даже район, простиравшийся от г. Самсуна до р. Кызыл-Ирмак. С.Н. Джанашиа и Н.А. Бердзенишвили утверждали, что его признавала в качестве места расселения лазов в конце XIX в. «турецкая официальная номенклатура».

Позицию двух грузинских академиков вскоре поддержал и третий – А.С. Чикобава⁷, писавший в статье, опубликованной в «Заре Востока» 20 декабря 1945 г.: «Историческая несправедливость должна быть исправлена. Естественное место лазов – в родной среде единокровных картвельских племён»⁸.

Это письмо, как утверждалось, явившееся «лишь одним малозначительным эпизодом», было «широко использовано западной и турецкой пропагандой для разжигания вражды к СССР»⁹. На самом деле участие советских учёных в обосновании территориальных претензий к Турции письмом не ограничилось.

В мае 1945 г. заместитель министра иностранных дел С.И. Кавтарадзе¹⁰ предложил Д.С. Завриеву¹¹ подготовить научный труд под названием «Национальные районы Турции под властью кемалистов»¹². Менее года понадобилось Д.С. Завриеву, чтобы представить докторскую диссертацию «Карс, Ардаган и Артвин под властью кемалистов». Её защита состоялась 22 апреля 1946 г. на закрытом заседании Учёного совета Института истории АН СССР под председательством академика Б.Д. Грекова¹³.

Один из оппонентов – А.Ф. Миллер¹⁴, с похвалой отозвавшись о ранее опубликованной работе Д.С. Завриева «Восточная Анатолия»¹⁵, указывал на достоинства представленной диссертации, отмечая, в частности, что в ней Д.С. Завриев «дал строго научный и чрезвычайно полный обзор районов», отошедших от Советской России в 1921 г.¹⁶

Знакомство А.Ф. Миллера с работой Д.С. Завриева носило весьма заинтересованный характер, о чём свидетельствует следующий фрагмент из его выступления на защите: «Конечно, работа не лишена недостатков. Впрочем, известно, что при желании можно найти недостатки в любой работе. А восточники, к тому же, – спорщики необычайные. Но к успокоению членов Учёного совета могу сразу же сообщить, что мы с Д[авидом] Самсоновичем уже имели, на протяжении чуть ли не года, возможность поспорить – и устно, и по почте, и по телефону, и при помощи всяких иных средств связи»¹⁷. А.Ф. Миллер выражал желание, чтобы работа Д.С. Завриева стала доступной «хотя бы для узкого круга читателей»¹⁸.

Другим оппонентом была А.М. Панкратова¹⁹. Она в своём отзыве отметила, что Д.С. Завриев «дал капитальное исследование большого научного и политического значения»²⁰. Исследование Д.С. Завриева, писала А.М. Панкратова, «исключительно актуально». Судьба изучаемых в нём территорий «не перестаёт волновать и в настоящее время широкие слои армянского и грузинского народов, предъявляющих настойчивое требование о возвращении Турцией

отторгнутых от них земель»²¹. А.М. Панкратова тоже высказывалась за публикацию исследования. Возможным условием для этого она считала не ограничение круга лиц, имеющих право познакомиться с исследованием (как полагал А.Ф. Миллер), а издание труда Д.С. Завриева только «после тщательной редакции, предусматривающей исключение из исследования некоторых не подлежащих опубликованию или слишком острых политически материалов и выводов»²².

Материал диссертации лёг в основу подготовленной Д.С. Завриевым книги²³, изданной Тбилиским государственным университетом. А.Ф. Миллер стал автором опубликованной рецензии на эту книгу²⁴.

Период подготовки Д.С. Завриевым докторской диссертации, а затем и книги пришёлся на самую острую фазу кризиса в советско-турецких отношениях. С 1947 г. вопрос о территориальных претензиях к Турции не обсуждался в текущей практике внешнеполитической деятельности СССР, его держали «в запасе»²⁵.

Черту под периодом напряжённости подвело заявление, сделанное В.М. Молотовым²⁶ от имени Советского правительства турецкому послу в Москве Ф. Хозару 30 мая 1953 г. о том, что СССР «не имеет никаких территориальных претензий к Турции»²⁷. О положительной реакции правительства Турецкой республики на этот шаг Ф. Хозар сообщил В.М. Молотову 18 июля 1953 г.

Заявление Советского правительства было призвано создать «хорошую базу для кардинального улучшения отношений с Турцией»²⁸. Оно действительно «способствовало постепенному улучшению советско-турецких отношений»²⁹, однако, чтобы добиться внушительных результатов, понадобилось ещё много времени. Выводу советско-турецких отношений на путь развития способствовала смена политического режима в Турции, происшедшая в 1960 г.

Приводимый ниже документ представляет собой текст выступления Д.С. Завриева на заседании Учёного совета Института истории Академии наук СССР 22 апреля 1946 г.

* * *

Тема моей диссертации – «Карс, Ардаган и Артвин под властью кемалистов», т.е. касается тех округов, которые связаны общностью исторической судьбы: в 1878 г. – Берлинский трактат, в 1918 г. – Брестский договор, 16 марта 1921 г. – Московский договор, 13 октября 1921 г. – Карский договор и 1945–1946 гг., когда раздаются настоячивые требования со стороны широких масс армянского и грузинского народов – исправить допущенную в 1921 г. историческую несправедливость и вернуть отторгнутые армянские и грузинские территории.

Поскольку кемалистская политика в этих округах в основном тождественна с политикой кемалистов в смежных национальных районах Турции и в целом отличается от политики кемалистов в центральных и западных частях Турции, я даю современное положение Карского и Чорохского вилайетов на более широком фоне, с охватом в общих чертах всех национальных районов Турции, судьба которых при исторической справедливости не должна быть отделена от будущей судьбы Карса, Ардагана и Артина.

Тема моей диссертации не является случайной и вызвана не временными причинами. Моя диссертация – результат моих 22-летних исследований проблем Восточной Анатолии, многие из которых уже опубликованы и напечатаны отдельными книгами и в статьях столичной и республиканской печати.

Я, конечно, очень рад, что моя работа имеет актуальный политический интерес. Всякий должен откликаться на актуальные политические вопросы данного момента, и, может быть, если, – чего мы все желаем, – отторгнутые турками в 1921 г. наши районы будут вновь нашими, мне хотелось бы видеть в моей работе ещё один практический результат.

Армянские и грузинские районы, отторгнутые турками, которые старались скрыть и исказить действительное положение вещей, теперь перестают быть белыми пятнами на карте современной Турции, и нам легче будет осуществить мероприятия

по их политическому, экономическому и культурному возрождению и развитию.

Переходя к источникам, отметим, что наша востоковедческая литература бедна. Литература дооктябрьского периода уделяла центральное место Константинополю, который заслонял все другие, не менее важные турецкие проблемы. Советские востоковеды в своих исследованиях на первый план выдвинули Анатолию, которая, по сути дела, являлась подлинным политическим центром Турции, а в новейшей её истории – колыбелью национально-освободительного движения турецкого народа, которое определило дальнейшую судьбу страны. В этом крупнейшая заслуга советского востоковедения.

Если взять иностранную литературу, то проблемы новой Турции находили там освещение под углом зрения империалистических вожделений отдельных великих держав. Главным образом это мемуарная литература – мемуары Черчилля³⁰, Чайльда, Людендорфа³¹, Гинденбурга³², Денстервиля³³, а также книги Кайзера³⁴, Рене Груссе³⁵, профессора Тойнби³⁶, члена британской делегации на Парижской мирной конференции 1919 г., и др.

Турецкая литература очень тенденциозна. Историческая правда в ней игнорируется либо ради политических соображений, либо ради собственной реабилитации авторов. Зачастую она посвящена внутривосточным расхождениям и в большинстве случаев является панегириком М. Кемалю³⁷ и его окружению.

Если в отношении Турции в целом всё же имеется кое-какая литература и источники, то совершенно иначе обстоит дело для научных исследований в отношении т.н. национальных районов Турции. В силу целого ряда обстоятельств, о которых речь идёт дальше, кемалисты постарались поставить эти районы в положение *terra incognita*, и потребовалась многолетняя кропотливая работа над источниками, прежде чем заняться исследованиями отдельных проблем Восточной Анатолии.

Каждому ясно, что писать новейшую историю или очень легко, если это публици-

стика, или очень трудно, если хочешь дать научное исследование. Трудно, прежде всего, потому, что источники по новейшей истории, как правило, недостаточны. В неизмеримо большей степени, чем к новейшей истории Запада, это относится к новейшей истории Востока. Здесь мы не имеем не только архивных материалов, но даже доброкачественной литературы на восточных языках. Вот с этими трудностями мне и пришлось встретиться в первую очередь.

Ещё в 1925 г., будучи учёным секретарём Закавказско-Восточной торговой палаты, я начал собирать источники и литературу, касающиеся Восточной Анатолии. Прежде всего, это турецкая печать из дня [в день], в том числе и та, которая выходила в восточных вилайетах Турции. Затем статистические издания, бюллетени турецких торговых палат, отчёты наших представителей и наших торговых организаций в Турции, бюллетени Лиги наций, где в статистических таблицах давались сведения, посвящённые Турции, материалы Военведа и др.

Сначала это вылилось в издание двухнедельных обзоров прессы под моей редакцией, затем в издание справочников и др. Особое внимание уделялось собиранию экономического материала, потому что экономика Восточной Анатолии действительно была тогда *terra incognita*, и нужно было, прежде всего, создать материальный базис для разработки затем исторических проблем.

Таким образом, для освещения вопроса о положении Карса, Ардагана и Артвина в качестве первоисточников были мною использованы турецкие источники, что, кстати, при политическом характере настоящей работы ограждает автора от тенденциозных нареканий и претензий в смысле пристрастности изложения.

Основной источник: «İstatistik yillığı» – Турецкий статистический ежегодник, изд[ание] Центрального статистического управления Турции. Этот ежегодник давал довольно значительные сведения, правда, в примитивной обработке, о распределении, составе и росте населения, об отдельных отраслях хозяйства Турции, о здравоохране-

нии, школьной сети, судебной практике и др. Этот основной источник я дополнил другими материалами, в частности, ежемесячными бюллетенями внешней торговли Турции, бюллетенями Центрального банка Турецкой республики и бюллетенями торговых палат Турции, как восточных – Карской, Эрзерумской, Трапезундской, так и центральных (Анкара) и западных (Измир, Стамбул).

Турецкая статистика тенденциозна. В большинстве случаев она оперирует среднеарифметическими данными и скрывает все те явления социальной жизни, которые невыгодно обнаруживать кемалистам. Поэтому мне пришлось самостоятельно производить исчисления и выкладки, напр[имер], о крестьянском бюджете, делать поправки и дополнения, напр[имер], в исчислениях процента грамотности, разбираться в подчас противоречивых данных. В этом отношении для ориентации мне очень помогли отчёты нашего торгпредства и полпредства в Турции, уполнаркомвнешторга в Закавказье, Грузии и Эрзеруме, отчёты Закгосторга, непосредственно выступавшего в восточных вилайетах, и отчёты советского консула в Карсе и др.

Хотя архивы Министерства иностранных дел и Министерства внешней торговли для нас были недоступны, но вышеуказанные материалы в части, касающейся работы закавказских организаций, стало быть, непосредственно касающиеся Карса, Ардагана и Артвина, среди других адресатов, в подлиннике периодически поступали в Зак[авказско]-Восточную торговую палату, где я их использовал. В дальнейшем, после ликвидации палаты, они попали в ЦАОР Груз[инской] ССР.

Наконец, в отдельные моменты турецкой политической жизни, когда языки турецкой действительности слишком явно выпирали наружу, видные турецкие государственные и политические деятели и турецкая печать вынуждены были касаться этих явлений, их причин и следствий. В этом направлении я широко использовал турецкую печать самых различных течений: тур[ецкий]

официоз «Хакимieti миллие» и «Улус», распространённую газету профашистского типа «Джумхуриет», газеты английской ориентации «Танин», «Ени Сабах», газеты сторонников мюнхенской политики «Акшам», «Сон Тельграф», газету американской ориентации «Ватан», демократическую газету «Тан» и газеты, выходившие в вост[очных] вилайетах Турции – «Карс», «Варлык» и др.

Вот в основном те источники, которые мною были использованы для освещения положения Карса, Ардагана и Артвина под властью кемалистов.

В части освещения турецких походов в Закавказье я использовал архивные материалы, хранящиеся в архивах Армении и Грузии, в частности, архивы меньшевистского и дашнакского правительств. Часть архивов, правда, меньшевики увезли, но значительный материал остался: это дела Министерства иностранных дел, Генерального штаба, Военного министерства и личные архивы премьеров меньшевистского и дашнакского правительств. Эти данные мною были использованы в подлиннике, за исключением некоторых армянских документов, которые были использованы в копиях. Дело в том, что когда я работал в Ереване, я не обнаружил там часть документов, которые там, по-видимому, должны были быть. После долгих поисков я нашёл их в Грузинском филиале ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) в копиях, заверенных тремя подписями: нач[альника] архива, ст[аршего] архивариуса и секретаря с приложением печати и указанием номера фонда, номера дела, страницы подлинников и т.д. Оказывается, в 1929 г. эти копии были направлены в Закистпарт и оттуда попали в Грузинский филиал ИМЭЛ^а. Подлинники этих документов из ЦАОР Арм[янской] ССР таинственно исчезли, говорят, вынесли враги народа. Эти документы я использовал в копиях, так как подлинников нет.

Кроме того, интересные и нужные архивные документы я нашёл в частных руках. Это протоколы пленарных заседаний Трапезундской конференции и внутренних заседаний закавказской мирной делегации.

Принятыми мерами они находятся в соответствующих учреждениях.

Мне пришлось поработать в московских архивах. В Центральном историческом архиве я ознакомился с постановкой армянского вопроса русской дипломатией во время Первой мировой войны. В Центральном архиве Красной Армии я изучал фонд 11-й Кавказской Красной армии. Эти документы пролили много света на тёмные стороны обстановки, которая имела место во время взятия Батума турками. В Центральном партийном архиве я познакомился с телеграммами и разговорами по прямому проводу Кирова³⁸ и Орджоникидзе³⁹ с Лениным и Сталиным. Но нельзя писать историю турецких походов в Закавказье без хроники, тем более что она писалась впервые. Поэтому мы широко использовали изо дня в день печать, в частности, большевистскую (газеты «Правда», «Известия», «Бакинский коммунист») и местные газеты различных политических направлений: «Борьба» (орган меньшевиков), «Грузия» – орган, близко стоявший к грузинским национал-демократам, «Сакартвелло» – орган национал-демократов, «Тифлисский листок» – распространённая газета, но без определённого направления, «Кавказское слово» – орган кадетствующей армянской интеллигенции, «Кавказский рабочий» – орган Тбилисского комитета РСДРП, «Му-сульм[анская] Грузия», выходившая в Батуме, армянские газеты «Мшак», «Нор Ашхатавор», стамбульские газеты того периода «Ле суар», «Заман».

В качестве источника для вводной части – «Карская и Батумская области в составе Российской империи» – я использовал статистические издания Закавказского статистического комитета и Карского областного статистического комитета; кавказские календари, издававшиеся в течение 75 лет Канцелярией кавказского наместника, военно-статистические и географические обзоры в издании «для служебного пользования» Штаба Кавк[азского] воен[ного] округа, составленные на основании рекогносцировок офицеров Генер[ального] штаба и Развед[ывательного] отдела, а также все-

подданнейшие отчёты кавказского наместника и карского и кутаисского губернаторов. Использованы также в качестве литературы «Известия» и «Записки» Кавказского отдела Импер[аторского] рус[ского] геогр[афического] о[бществ]а, издания Кавказ[ского] учеб[ного] округа: «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», издания Военно-истор[ического] отдела Штаба Кавк[азского] [военного] окр[уга] и др. По национальному вопросу использованы труды путешественников, посещавших Тур[ецкую] Грузию и Тур[ецкую] Армению, как то Бакрадзе⁴⁰, Казбек⁴¹, Джанашвили⁴², Чикобава, известные путевые очерки Линча⁴³ и отчёты английского консула в Трапезунде В. Джиффорта Пальгрева⁴⁴.

Вот, примерно, та литература, которая была мною использована. Перечень источников в конце диссертации прилагается.

Не буду задерживать вашего внимания изложением содержания моей работы – перехожу к выводам.

В оценке политики кемалистов я, прежде всего, исходил из той характеристики, которую дал т. Сталин кемалистской революции: «Кемалистская революция есть верхушечная революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная в своём дальнейшем развитии, по сути дела, против крестьян и рабочих, против самих возможностей аграрной революции» («Об оппозиции», стр. 573)⁴⁵.

Уже после этой оценки нетрудно было определить классовую сущность кемалистского режима, который в свою очередь определил внутреннюю и внешнюю политику кемалистов. Классовая сущность кемалистского режима – это диктатура национальной буржуазии, выступающей в союзе с крупным землевладением и опирающейся в деревне на кулачество. Политика кемалистов против крестьян и рабочих приняла особые реакционные формы в национальных районах Турции, где был установлен особый административный и экономический режим, отличный от режима в цен-

тральной и западной частях Турции. На это влияли, помимо классовой природы кемалистов, ещё особые, присущие восточным вилайетам факторы экономического и политического порядка.

Во-первых, северо-восточные и восточные вилайеты – это районы расселения национальных меньшинств. Во-вторых, естественное экономическое тяготение к СССР отошедших к Турции районов и смежных с ними (из-за слабости развития турецкой промышленности, узости турецкого внутреннего рынка и отсутствия путей сообщения с западными районами); в-третьих, страх кемалистов перед перспективой развёртывания в национальных районах демократических сил, что было бы неизбежным в случае экономического развития страны; в-четвёртых, роль СССР, Советской Армении, Советской Грузии как естественных центров политического тяготения угнетённых национальных меньшинств, в том числе проживающих в Турции. В-пятых, получение кемалистами Карса, Ардагана и Артина по Московскому договору о дружбе и братстве, т.е. под залог дружбы и братства, при явном предубеждённом, мягко говоря, отношении кемалистов к Советскому Союзу. Отсюда стремление кемалистов использовать противоречия между капиталистическими странами и Советским Союзом, с явным креном в пользу первых.

Теперь нетрудно в двух словах охарактеризовать внешнюю и внутреннюю политику кемалистов в отношении национальных районов.

Внутренняя политика кемалистов – это особый режим политического гнёта с соответствующим административным и судебным аппаратом. Это политика жесточайшего национального гнёта. Это политика сознательно проводимого экономического и культурного застоя.

Внешняя политика – предоставление в нац[иональных] районах широкого доступа внутренним и внешним силам, враждебным Советскому Союзу. Порочные попытки использования противоречий между капиталистическими странами и СССР для укрепле-

ния своего международного положения – попытки, приводящие к обратным результатам.

Само собой разумеется, что я в своей работе должен был уделить внимание Московскому договору, определившему судьбу Карса, Ардагана и Артвина. Существование Московского договора о дружбе и братстве, как и вытекающего из него Карского договора, обуславливалось обязательным наличием дружественных отношений между Турцией и СССР. Выполнили ли кемалисты эти постановления?

В моей диссертации я постарался подробно проанализировать эволюцию внешней политики кемалистов, в особенности в отношении СССР, постарался вскрыть движущие силы этого процесса, который, как известно, привёл кемалистов к враждебной позиции к Советскому Союзу в годы Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков.

Пользуясь дружественным отношением СССР, вплоть до предоставления Советским Союзом Турции восьми миллионов кредита и постройки по последнему слову техники хлопчатобумажных комбинатов в Кайсери и Назилли, кемалисты в дни Сталинграда, экипировав свои войска в кайсериийские и назиллийские ткани, угрожали южным границам Сов[етского] Союза с тех возвышенностей, которые получили в 1921 г. по договору о дружбе и братстве. Тем самым кемалисты вычеркнули обязательные слова «дружбы и братства» из Московского договора. Это первый вывод моей диссертации. Такое поведение кемалистов не могло не поставить вопроса о пересмотре прежних договорных отношений между СССР и Турцией, начало чему было положено Советским Союзом 7/XI [19]45 года денонсацией пакта о дружбе и нейтралитете, подписанного 17 декабря 1925 г. между СССР и Турцией в Париже.

Перехожу ко второму выводу. Во что превратили кемалисты захваченные ими территории? Содействовали ли они прогрессу их или, наоборот, довели эти районы до полного разорения?

Этому вопросу уделяется центральное внимание и место в моей диссертации. Я рассматриваю этот вопрос в двойном аспекте: во-первых, сравниваю экономическую политику кемалистов на востоке с экономической политикой кемалистов в западных вилайетах и, во-вторых, сравниваю положение отторгнутых от России районов при кемалистах с положением, в котором они находились, когда были в составе Российской империи.

Что же мы видим у кемалистов? Я взял 17 восточных вилайетов, которые составляют территорию 30% всей территории Турции и 18% по населению. Мы видим, что плотность населения в этих национальных районах 16,1 чел. на кв[адратный] км., в то время как в масштабе всей Турции плотность населения составила 24 чел. Площадь посева – 3%, в масштабе всей Турции – 14% и т.д.

Когда с 1940 г. Турция переживала тяжёлый период деградации, то он особенно катастрофически отразился в национальных районах. Там выход с[ельско]х[оз]яйственной] продукции сократился в среднем в три раза, а если взять отторгнутые от нас районы, то в Карсе выход с[ельско]х[оз]яйственной] продукции с 1939 по 1942 г. сократился в 6 раз, в Чорохе – в 8 раз.

Турецкое правительство построило много фабрик и заводов в западной и центральной частях Турции. В восточных же вилайетах за 25 лет владычества кемалистов, не считая медных рудников в Эргани, была построена только одна фабрика – фабрика молочного порошка в Карсе.

Данные по энергетике, по грамотности, по школьной сети, лечебной сети и др. показывают всюду отставание. Строительство железных дорог в национальных районах преследовало цель оторвать эти районы от экономического тяготения к Советскому Союзу и подготовить стратегические условия в предвидении военного конфликта с СССР.

Можно привести такие цифры. Лиц, занятых в промышленности в национальных районах, 1,05% всего населения, тогда как в

масштабе всей Турции – 4,1%; в транспорте и связи в национальных районах 0,06%, для всей Турции – 0,8%; лиц свободных профессий и интеллигенции в национальных районах 0,7%, во всей Турции – 2,5%.

Если сравнить с периодом царизма, то численность населения Карской области в 1940 г. была ниже, чем в 1915 г., площадь посева меньше, чем в 1885 г., число с[ельско]х[озийственных] машин до сих пор не достигло уровня 1911 г. и т.д. Средний урожай ниже, чем в [18]90-х годах, выход с[ельско]х[озийственной] продукции в 1942 г. ниже уровня 1896 г., промышленное производство в Карской области ниже, чем в 1885 г., число рабочих ниже, чем в 1911 г., число врачей до последнего времени ниже, чем в 1885 г.

В результате политики экономического и культурного застоя национальные районы были отброшены в своём развитии на полвека назад.

И последнее. Политика кемалистов в отношении армян и грузин. Политика султанской Турции в отношении армян была политикой массового физического истребления, особенно в 1915 г. При кемалистах массового истребления не было, возможно, потому, что в Турции и армян уже не было, но зверства Карабекира⁴⁶ в Армении в 1920 г. несколько приподнимают завесу над отношением кемалистов к армянам.

Так, на днях мне удалось в Центральном партийном архиве натолкнуться на заявление Орджоникидзе XII съезду партии, датированное 19/IV [19]23 г.: «Армяне бегут из Константинополя от турок к нам, спасая себя от резни в Турции».

В 1924 г. ардаганский депутат Халид под аплодисменты всего парламента заявил: «Счастье и будущее армянской нации находится в турецких руках... Нужно было бы уничтожить армянский народ. Мы должны сохранить ненависть к армянам». И сохранили её. Как крайнее проявление турецкого фашизма можно привести слова известного пантюркиста Огуз Туркана в газете «Джумхуриет» в 1942 г.: «Когда я вижу армянина, я содрогаюсь так же, как при виде еврея, и

горю ненавистью при виде русского». В результате политики истребления численность армян в Турции, которая в 1915 г. составляла 1,6–1,8 млн. чел[овек], в 1927 г. составила 64,7 тыс., в 1935 г. – 57 599. Обратите внимание, что происходит падение. В Тур[ецкой] Армении – 4 197 чел[овек]. Эти данные турецкой статистики полностью совпадают с данными армянского католика⁴⁷ в Эчмиадзине, изложенными им в обращении [к] лидерам трёх великих держав 29 ноября 1945 г.

Клеветнические заявления кемалистов о том, что зарубежные армяне не хотят жить в Советской Армении, опровергаются тем, что, после того как советское правительство приняло решение, разрешающее зарубежным армянам переселиться в Советскую Армению, из Греции поступило заявлений от 8 тыс. армян, из Тегерана – 17 тыс., из Тавриза – от 98 проц[ентов] всех проживающих в этом городе армян, из Южной Америки – 32 тыс., из Сирии и Ливана – 50 тыс. армян и т.д.

В положении тяжёлого национального угнетения находятся в Турции также грузины и лазы.

Несмотря на жестокую политику отуречивания, значительное количество грузин и лазов сохранило свой родной язык. По данным турецкой переписи 1935 г., число лиц, говорящих на лазском языке, в Турции было 68 тыс., и число лиц, говорящих на грузинском языке – 57 тыс.

На побережье Мраморного моря имеется очень много грузинских поселений, где живут грузины, насильственно выселенные с родных мест.

Третий вывод моей работы: законны притязания армянского и грузинского народов на родные земли, захваченные турками, на воссоединение со своими братьями по крови и на осуществление неотъемлемых прав последних на свободное политическое, экономическое и культурное развитие.

Итак, выводы нашей диссертации сводятся к следующему:

Во-первых, кемалисты нарушили Московский договор о дружбе и братстве и тем

самым поставили вопрос о пересмотре прежних договорных отношений между Советским Союзом и Турцией.

Во-вторых, захваченные турками наши области были отброшены в своём развитии на полвека назад.

В-третьих, законны притязания армянского и грузинского народов на захваченные турками армянские и грузинские земли.

С сознанием неременной обязанности сохранить на всём протяжении работы строго научный характер её и проявить максимум научной добросовестности, я постарался, на основе 22-летней работы над первоисточниками, написать свою диссертацию, цели, задачи и выводы которой я изложил и которую я представляю вашему суждению, уважаемые члены Учёного совета.

Архив РАН. Ф. 1577 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Д. 118. Л. 1–14. Стенограмма, машинопись с правкой.

Примечания

¹ Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата. М., 1960. С. 219.

² См.: Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. VIII. С. 740.

³ Джанашиа Симон Николаевич (1900–1947) – историк, профессор Тбилисского университета (с 1935 г.), директор Института истории им. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР (с 1941 г.), вице-президент АН Грузинской ССР (с 1941 г.), академик АН СССР (с 1943 г.).

⁴ Бердзенишвили Николай (Николоз) Александрович (1894/95–1965) – историк, директор Института истории им. И.А. Джавахишвили АН Грузинской ССР (1948–1958), академик (с 1944 г.), вице-президент (1951–1957) АН Грузинской ССР.

⁵ См.: «Заря Востока», 1945, 15 декабря, № 247.

⁶ См.: «Правда», 1945, 20 декабря, № 301; «Известия», 1945, 20 декабря, № 297; «Красная звезда», 1945, 20 декабря, № 297; «Правда Украины», 1945, 22 декабря, № 251.

⁷ Чикобава Арнольд Степанович (1898–1985) – языковед, профессор Тбилисского университе-

та (с 1933 г.), академик АН Грузинской ССР (с 1941 г.).

⁸ См.: Чикобава А. Несколько слов о лазах // «Заря Востока», 1945, 20 декабря, № 250.

⁹ СССР и Турция. 1917–1979. М., 1981. С. 190; История внешней политики СССР. Изд. 5-е, перераб. и дополн. М., 1986. Т. 2. С. 216.

¹⁰ Кавтарадзе Сергей Иванович (1885–1971) – советский государственный и партийный деятель, председатель СНК Грузинской ССР (1922–1923), 1-й зам. прокурора Верховного суда СССР (1924–1928), зам. министра иностранных дел (с 1941 г.), посол в Румынии (1945–1952).

¹¹ Завриев Давид Самсонович (1895–1971) – историк-востоковед, профессор Сухумского педагогического института им. А.М. Горького (1946–1951), Тбилисского педагогического института им. А.С. Пушкина (с 1951 г.), старший научный сотрудник Грузинского филиала ИМЭЛ (1943–1951). (См. о нём: *Басилая Ш.И.* Памяти Давида Самсоновича Завриева (1895–1971) // «Народы Азии и Африки», 1972, № 5. С. 239).

¹² Гасанлы Д. СССР – Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 317.

¹³ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953) – историк, академик АН (с 1935 г.).

¹⁴ Миллер Анатолий Филиппович (1901–1973) – историк-востоковед, профессор МГУ (1943–1960), ст. научный сотрудник Института истории АН (1941–1965), Института востоковедения АН (с 1966 г.).

¹⁵ Завриев Д.С. Восточная Анатолия. Экономические очерки. [Тифлис], 1936.

¹⁶ Архив РАН. Ф. 1577 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Д. 118. Л. 28–29.

¹⁷ Там же. Л. 31 об.

¹⁸ Там же. Л. 28.

¹⁹ Панкратова Анна Михайловна (1897–1957) – историк, главный редактор журнала «Вопросы истории» (с 1953 г.), академик АН СССР (с 1953 г.).

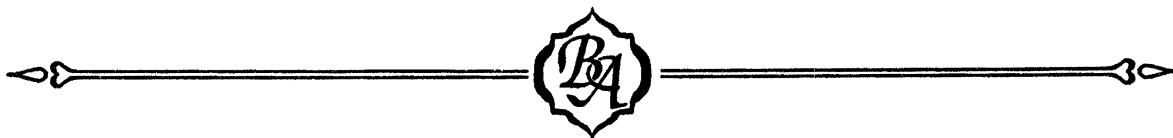
²⁰ Архив РАН. Ф. 697 (А.М. Панкратова). Оп. 1. Д. 274. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 1.

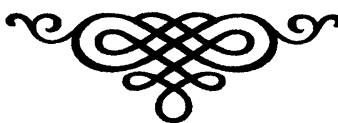
²² Там же. Л. 4.

²³ Завриев Д.С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947.

²⁴ Миллер А. Рецензия на книгу: Завриев Д.С. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947 // «Вопросы истории», 1948, № 1. С. 132–135.

- ²⁵ Гасанлы Д. Указ соч. С. 261–262.
- ²⁶ Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – политический деятель, председатель СНК СССР (1930–1941), 1-й заместитель председателя СНК (СМ) СССР (1941–1957), нарком (министр) иностранных дел (1939–1949 и 1953–1956), почётный член АН СССР (1946–1959).
- ²⁷ К советско-турецким отношениям // «Правда», 1953, 19 июля, № 200; Гасанлы Д. Указ соч. С. 617–618.
- ²⁸ СССР и Турция. 1917–1979. С. 195.
- ²⁹ История внешней политики СССР. С. 216.
- ³⁰ Черчилль Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) – премьер-министр Великобритании (1940–1945, 1951–1955).
- ³¹ Людендорф Эрих (1865–1937) – немецкий военачальник, генерал-полковник.
- ³² Гинденбург Пауль фон (1847–1934) – генерал-фельдмаршал, президент Германии (с 1925 г.).
- ³³ Денстервиль Лионель Чарльз (1865–1946) – британский военачальник, генерал-майор.
- ³⁴ *Кайзер Ж.* Европа и новая Турция. М., 1925.
- ³⁵ Рене Груссе (1885–1952) – французский историк-востоковед.
- ³⁶ Тойнби Арнолд Джозеф (1889–1975) – английский историк и социолог.
- ³⁷ Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938) – руководитель национально-освободительной революции в Турции (1918–1923), первый президент Турецкой республики (с 1923 г.).
- ³⁸ Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) – советский партийный и государственный деятель, первый секретарь Ленинградского губкома (обкома) ВКП(б) (с 1926 г.), член Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1930 г.).
- ³⁹ Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886–1937) – советский государственный и партийный деятель, председатель ВСНХ (с 1930 г.), нарком тяжёлой промышленности (с 1932 г.), член Политбюро ЦК ВКП(б) (с 1930 г.).
- ⁴⁰ Бакрадзе Дмитрий Захарович (1826–1890) – российский и грузинский историк, археолог и этнограф, чл.-корр. АН (с 1879 г.).
- ⁴¹ Казбек Георгий Николаевич (1840–?) – генерал-лейтенант, начальник Владивостокской крепости (с 1905 г.).
- ⁴² Джанашвили Моисей (Мосэ) Григорьевич (1855–1934) – грузинский историк, филолог, педагог, директор Церковного музея Тифлиса (1898–1926).
- ⁴³ Линч Генри Финис Блос (1862–1913) – британский географ и путешественник.
- ⁴⁴ Пальгрев Вильям Джиффорд (1826–1888) – консул Великобритании в Трабзоне.
- ⁴⁵ [Сталин И.В.] Беседа со студентами Университета имени Сун Ят-сена 13 мая 1927 г. // Сталин И.В. Сочинения. М., 1948, т. 9. С. 256.
- ⁴⁶ Карабекир Кязым Муса (1882–1948) – османский и турецкий военный и политический деятель, бригадный генерал, командующий 15-м армейским корпусом (1919 г.).
- ⁴⁷ Геворк VI (в миру Геворк Чорекчян) (1868–1954) – католикос всех армян, глава Армянской апостольской церкви (с 1945 г.).

В.В. Беляков

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ЕГИПТЕ

Российская диаспора появилась в Египте в конце XIX века. Однако по своей национальной принадлежности она была до 1920 года почти исключительно еврейской. Так, российский вице-консул в Каире Сергей Зуев писал в докладной в начале 1915 года, что 96% русско-подданных его консульского округа исповедуют иудаизм¹. Немногочисленные же православные россияне ходили в греческие церкви².

Первая русская православная церковь была устроена в Египте в конце 1914 года. После вступления Османской империи в Первую мировую войну из Палестины в Александрию были эвакуированы Русская духовная миссия во главе с ее начальником, архимандритом Леонидом. Вместе с ней прибыла и группа православных паломников – всего 95 человек³. Для них Российское консульство арендовало отдельный дом по адресу: бульвар Рамле (ныне – улица Саада Заглуля), 24, получивший затем название «Русский дом». В одной из квартир на втором этаже была устроена церковь во имя преподобного Александра Невского⁴.

В марте 1920 года в Египет прибыли 4 500 русских беженцев. Их разместили в специальных лагерях. Первоначально – в лагере-госпитале в Аббасии, на окраине Каира, в бараках и палатках. В одной из палаток устроили походную церковь. Необходимые церковные предметы дала греческая Александрийская патриархия, а в апреле прислала некоторые предметы и Русская духовная миссия в Палестине, оставшаяся до конца 1920 года в Александрии. Служил в церкви священник Поликарп Филатов⁵.

По мере выздоровления больных и раненых русских беженцев отправляли из Аббасии в более просторный палаточный лагерь в Телль аль-Кебире, между Каиром и Исмаилией. Этот лагерь был разбит на три части: мужскую, семейную и госпиталь. В

каждой из трех частей оборудовали по церкви. В церкви мужского лагеря служил протоиерей Петр Голубятников, в церкви семейного – протоиерей Александр Волковский, в госпитале – отец Николай Иконников. Церковную утварь частично привезли из закрытого в мае лагеря в Аббасии, частично получили от Русской духовной миссии⁶. Но для трех церквей этого было совершенно недостаточно, поэтому часть утвари изготовили из подручного материала сами беженцы.

В июне 1920 года появилась русская церковь и в Каире. Ее оборудовали в помещении Русской поликлиники, открытой сопровождавшими беженцев из России врачами. По воскресеньям там проводил службу митрофорный протоиерей отец Симеон Неделько, ведавший в поликлинике финансовыми вопросами. Иконы писали местные художники⁷.

В начале 1921 года обитателей Телль аль-Кебира перевели в другой лагерь, Сиди Бишр, в окрестностях Александрии. Он тоже был разделен на три части. Переехали в Сиди Бишр и церкви. В церквях семейного лагеря и госпиталя поочередно служил протоиерей Александр Волковский, в церкви мужского лагеря – отец Ипполит Шишлов. Примечательная деталь. Если церковью семейного лагеря управлял выборный приходский совет, то организовать подобный же совет в церкви мужского лагеря никак не удавалось. Ктитор этой церкви В.М. Добрецкий констатировал, что «к делам церкви заметно индифферентное отношение»⁸.

Лагерь в Сиди Бишр был закрыт в июне 1922 года, а оставшиеся в нем русские беженцы были вывезены в Болгарию и Сербию. Церковную утварь передали храму преподобного Александра Невского, который был основан эвакуированной в Александрию Русской духовной миссией. В тот

же «Русский дом», где находился храм, перебралось после революции российское консульство. Русские дипломаты отказались служить советской власти, но их до октября 1923 года признавало правительство Египта. Однако от роскошной виллы, где до революции размещалось императорское консульство, пришлось по недостатку средств отказаться.

В 1920–1922 годах в Египте существовал еще один русский лагерь, неподалеку от Исмаилии, рядом с Суэцким каналом. В нем размещался эвакуированный из Новороссийска Донской кадетский корпус. Там тоже была оборудована церковь, служил в ней отец Димитрий Троицкий. Регент Н.М. Верушкин, уральский казак, организовал великолепный хор. Он даже гастролировал в Палестине. Оттуда хористы привезли икону – благословение православного патриарха Иерусалимского Дамиана – и частицу Животворящего Креста⁹.

В том же 1922 году осевшие в Каире русские эмигранты сняли под церковь просторную квартиру в престижном районе Гелиополис. Туда из Русской поликлиники переехал храм свт. Николая¹⁰.

Словом, в местах сосредоточения значительного числа русских – будь то лагеря беженцев или крупнейшие города Египта – непременно устраивались православные церкви. В межвоенный период они были только в Каире и в Александрии. Русские эмигранты проживали также в Порт-Саиде, но число их было невелико, недостаточно для создания собственной церкви.

«Сплочению диаспоры способствуют конфессиональные различия между ней и принимающим обществом, – отмечает З.И. Левин. – Церкви, мечети, синагоги становятся не только центрами религиозной жизни, но и социальными институтами, выполняющими интеграционную функцию в диаспоре»¹¹. Этот вывод подтверждает и история российской диаспоры в Египте. Храмы в Каире и Александрии, функционировавшие под эгидой Русской православной церкви за границей, содействовали консолидации российской диаспоры. Однако в июне

1945 года судьба храма в Александрии стала причиной раскола в русской общине.

В ходе поездки по странам Ближнего Востока патриарх Московский и всея Руси Алексий нанес визит в Египет. В программе его пребывания было и посещение русского храма во имя св. Александра Невского в Александрии, «настоятель которого, иеромонах Алексей Дехтерев, принес покаяние и был принят вместе с причтом и паствой в общение с Московской патриархией»¹². Объясняя свой шаг, Дехтерев писал: «Оставаясь до конца русскими, мы нуждались и в Русской Церкви, в русском духовном возглавлении, а этого возглавления как раз и не было. Мы были духовно одиноки, и в этом сказывался весь трагизм нашего положения»¹³.

Вечером того же дня, 14 июня, патриарха Алексия посетила делегация прихожан. Она поднесла ему образ Вознесения Господня работы К.П. Никитина, который входил в состав делегации. А на следующий день настоятель храма получил патриаршую грамоту о приеме прихода «в церковное общение и в ведение Московского Патриархата»¹⁴. Александрийский храм превратился в подворье Русской православной церкви при греческом православном патриархе Александрийском и просуществовал в этом качестве до 2000 г.

Однако переход русского храма в Александрии из состава Русской православной церкви за рубежом в Московский патриархат поддерживали не все его прихожане. Несогласным греческий патриарх Александрийский Христофор поначалу предложил посещать греческую церковь св. Стефана в районе Зизиния. Прибывшая вскоре в Александрию великая княгиня Милица Николаевна¹⁵ с сыном князем Романом Петровичем получила разрешение на открытие прихода. В 1947 году в арендованной квартире оборудовали церковь, где служил выписанный из Италии духовник великой княгини иеромонах Зосима. К 1952 году, по свидетельству эмигранта А.Л. Маркова, были собраны средства на постройку русской церкви в Александрии¹⁶. Но этот проект так и не был осуществлен, возможно, из-за египетской революции 1952 го-

да. В 1954 году церковь просто перенесли из квартиры на арендованную с этой целью виллу. 24 сентября 1961 года храм был закрыт. По-видимому, дело было в нехватке прихожан: российская белоэмигрантская диаспора в результате естественных причин быстро сокращалась. Сказывалась, вероятно, и конкуренция со стороны храма Московской патриархии. Все имущество закрытого храма передали церкви свт. Николая в каирском районе Гелиополис¹⁷.

Небольшое здание этой церкви было построено вместе с «русской богадельней» в 1957 году на средства Русского благотворительного общества. Участок подарил русской общине Каира еще король Фарук в конце 1940-х годов. Расположены богадельня и храм на улице Абу Симбел, дом 12. Храм относился к Русской православной церкви за рубежом. После того, как к началу 1980-х годов русская белоэмигрантская община практически прекратила свое существование, он был передан вместе с богадельней грекам. Экзарх патриарха Московского и всея Руси предлагал последнему председателю русской общины О.В. Волкову взять богадельню и церковь под свою опеку, но тот отказался на том основании, что присланный из Москвы священник – большевик¹⁸.

Так прекратила свое существование единственная русская церковь в Каире. Но некоторые русские продолжали (и продолжают и сейчас) посещать ее, утверждая, что она «намолена нашими соотечественниками». Греки несколько расширили храм, там до сих пор много русских икон, некоторые – с дарственными надписями. Служба идет по пятницам (выходной день в Египте) и воскресеньям в 10.00 утра на арабском языке. В феврале 2010 года автор посетил этот храм, присутствовал на службе.

После развала СССР интерес к религии в России резко вырос. Это явление коснулось и наших соотечественников, работавших в Египте, – сотрудников посольства и торгпредства, учителей посольской школы и журналистов, русских жен египтян. Появились в Каире и приехавшие туда работать по контрактам из России и Украины музыкан-

ты, балерины, спортивные тренеры и другие специалисты. Но поскольку в Каире русской церкви не было, то верующим пришлось ходить в греческие церкви¹⁹, присутствовать на службах, проходивших на непонятном им языке. С другой стороны, в Александрии, где продолжала функционировать русская церковь во имя преподобного Александра Невского (в ней в 1988 году отмечалось тысячелетие крещения Руси), практически не осталось наших соотечественников. Располагавшиеся в «северной столице» Египта в советские времена филиал торгпредства и представительство Морфлота были закрыты, а общее число сотрудников генконсульства и Российского центра науки и культуры не превышало десяти человек. Кроме них в Александрии проживали еще 25–30 русских женщин, вышедших в свое время замуж за египтян. Так постепенно в Москве созревало принятое в начале 1999 года решение перенести подворье Русской православной церкви из Александрии в Каир. К этому подталкивало не только существование в Каире, в отличие от Александрии, большого числа потенциальных прихожан, но и чисто житейская проблема, возникшая с александрийским храмом. Дом, где он располагался, поменял хозяина, и за давностью лет доказать законность дешевой аренды квартиры не удалось. Хозяин потребовал квартиру вернуть.

О том, чтобы построить в Каире собственный храм, даже не думали. Денег на это у Московской патриархии не было, крупного российского бизнеса, который мог бы спонсировать строительство, тоже. Поначалу экзарх патриарха Московского протоиерей Димитрий (Нецветаев) собирался, как в Александрии, снять под храм квартиру. Но вскоре появилась другая идея. Греческая Александрийская патриархия предложила заброшенное церковное здание на окраине Каира при условии, что Московская патриархия предоставит в столице России церковное здание грекам. Идея была заманчивой: настоящий храм куда лучше домового. Проблема, однако, состояла в том, что предложенное греками здание, построенное в 1920-е годы, не использовалось

почти полвека. После революции 1952 года правительство Египта взяло курс на вытеснение иностранной рабочей силы. Многочисленные европейские общины, включая греческую, сильно сократились, а храмы остались. Предложенное здание требовало серьезного ремонта. Денег на него не было. После интенсивного обсуждения, в котором принял участие и автор (я тогда работал в Египте в качестве корреспондента газеты «Труд»), было принято решение здание взять, а деньги на ремонт собирать всем миром.

Ремонт затянулся бы на годы, если бы не сын русских эмигрантов Г.А. Денисенко, возглавлявший в то время представительство в Египте крупнейшей американской строительной корпорации «Бехтел». Его специалисты определили объем работ, составили смету, а сам он помог собрать деньги на ремонт. Освятил русский храм во имя св. Димитрия Солунского, расположенный по адресу: улица Мессиири, 45, в каирском районе Зейтун, в ноябре 2000 года греческий патриарх Александрийский и всея Африки Петр VII. На торжества приехали послы православных государств, делегация Московской патриархии²⁰. Александрийский же храм пришлось закрыть.

Служба в русской церкви в Каире проходит дважды в неделю, по пятницам и воскресеньям, а также в праздники, если они выпадают на другие дни недели. В храм приходят граждане не только России, но и Украины, Белоруссии, Сербии, Болгарии. Примечательно, что почти за век присутствия Русской православной церкви в Египте не было попыток привлечь в нее местных жителей. Русские храмы служили соотечественникам и представителям других православных стран.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 506. Л. 53.

² Подробнее об этом см.: *Беляков В.В.* «К берегам священным Нила...» Русские в Египте. М., 2003. С. 100–102.

³ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 657. Л. 129 об.

⁴ Там же.

⁵ АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/3. Д. 193. Л. 8, 51 об., 58.

⁶ Там же. Л. 38–39, 51–52, 58, 74; д. 194. Л. 30.

⁷ *Беллин В.В.* Жизнь русских в Египте // *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Париж, 1971. С. 320–321.

⁸ *Беляков В.В.* «Русский город» в Сиди Бишр. По страницам журнала «На чужбине» // *Восточный архив*, № 13, 2005. С. 96.

⁹ *Гончаров Юрий.* Донской кадетский корпус в Египте // *Африка глазами эмигрантов*. М., 2002. С. 20–21.

¹⁰ *Бовкало А.* Русские православные приходы в Африке // *Азия и Африка сегодня*, № 1, 2003. С. 73.

¹¹ *Левин З.И.* Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 39.

¹² *Журнал Московской патриархии*. № 9, 1945. С. 22.

¹³ *Дехтерев Алексей, иеромонах.* Необычайная радость // *Журнал Московской патриархии*, № 10, 1945. С. 13.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Милица Николаевна*, великая княгиня, принцесса Черногорская (26.7.1866, Цетинье – 5.9.1951, Александрия, похоронена в склепе русской церкви в Каннах) – жена великого князя Петра Николаевича, сестра великой княгини Анастасии Николаевны. После смерти мужа (1931 г.) переехала из Франции в Италию, а после Второй мировой войны – в Египет (Русское зарубежье во Франции. Т. 2. М., 2009).

¹⁶ Архив Дома русского зарубежья, Москва. Ф. 64. А.Л. Марков. Д. 11. Л. 8.

¹⁷ *Бовкало А.* Указ. соч. С. 73.

¹⁸ *Беляков В.В.* Русский Египет. М., 2008. С. 223.

¹⁹ Кроме упомянутой бывшей русской церкви при богадельне, в Каире находятся еще три греческие церкви. Это церковь свт. Николая на патриаршем подворье в Хамзауи, построенная в 1839 году наполовину на русские деньги и богато декорированная русскими иконами, и церковь св. Георгия в Старом Каире, основанная в 530 году и принявшая свой нынешний вид в 1909 году, после пожара. Кроме того, на греческом кладбище в Старом Каире есть церковь Успения Пресвятой Богородицы.

²⁰ Подробнее об этом см.: *Беляков Владимир.* Дорога к храму // *Труд*, 05.12.2000.

А.М. Хазанов

«ПОКОЛЕНИЕ КАБРАЛА»: ПУТЬ В РЕВОЛЮЦИЮ

Амилкар Кабрал – один из самых выдающихся деятелей национально-освободительного движения в Африке, лидер Антиколониального движения (МАК) в Гвинее-Бисау и на островах Кабо Верде, основатель партии ПАИГК, которая привела народы этих португальских колоний к независимости.

Амилкар Кабрал родился в 1924 г. в Бафата (Гвинея-Бисау). На его мировоззрение большое влияние оказал отец Жувенал Кабрал – уроженец островов Кабо Верде, получивший образование в Португалии и в 1911 г. переехавший в Гвинею-Бисау в поисках работы. Там он встретил Иву Пиньел Эвора – будущую мать Амилкара, родившуюся в Прая (о. Сантьягу). Жувенал служил сначала чиновником, а с 1913 г. работал учителем. Это был образованный человек, автор книги «Воспоминания и размышления» (Прая, 1947). Он назвал своего сына в честь знаменитого карфагенянина Гамилькара Барки – отца великого Ганнибала. По словам Ивы Пиньел, Амилкар «был сыном политики... Жувенал говорил ему о всех этих вещах»¹.

А. Кабрал учился в лицее на о. Сан-Висенти, затем в 1950 г. окончил Высший институт агрономии в Лиссабоне. Еще студентом в 1946 г. Кабрал написал поэму, в которой бросил «мятежный клич»: «Мой мятежный клич облетел дальние страны, пересек моря и океаны и заставил трепетать мое сердце»². В Лиссабоне Кабрал женился на португалке Анне-Марии, которая сама была убежденной революционеркой.

Знаток своего дела, в 1953 г. Кабрал провел первую сельскохозяйственную перепись в Гвинее-Бисау, получившую высокую оценку на международных конференциях специалистов. Во время переписи Кабрал имел возможность видеть те невыносимые условия, в которых жил его народ под колониальным игом. О том, как он пришел к

осознанию необходимости борьбы, А. Кабрал говорил следующее: «Возьмите, к примеру, мою жизнь. Я являюсь выходцем из среды той самой мелкой буржуазии, которая начала борьбу. Я был агрономом и работал под началом европейца, о котором каждому было известно, что он один из самых глупых людей в Гвинее. Я мог бы с закрытыми глазами научить его тому, как надо работать; но ОН был господином. Это незначительный факт, но он многому учит. Данный пример имеет первостепенное значение при определении того, как зародилась первоначальная идея борьбы»³. Другим обстоятельством, в огромной степени способствовавшим формированию революционных взглядов А. Кабрала, было его знакомство и дружба в период учебы в Португалии с будущими руководителями освободительных движений в Анголе и Мозамбике – Агостиньо Нето, Вириату да Круш, Мариу де Андради, Марселину душ Сантушем. Вместе с ними А. Кабрал принял участие в основании «Дома студентов португальской империи», а потом «Дома Африки» в Лиссабоне. По инициативе Кабрала, А. Нето, М. де Андради, а также поэта с острова Сан-Томе Ф.Ж. Тенрейру в Лиссабоне в 1951 г. был создан Центр африканских исследований, где молодые патриотически настроенные интеллектуалы из африканских колоний Португалии устраивали дискуссии по проблемам истории, культуры, будущего своих стран. Еще учась в институте, во время летних каникул 1949 г. А. Кабрал и группа его товарищей начали вести революционную пропаганду среди жителей островов Кабо Верде. Они организовали в городе Прая вечерние занятия для взрослых в центральной начальной школе, где под видом уроков истории разъясняли причины тяжелой жизни островитян и призывали их готовиться к борьбе против колонизаторов.

Кабрал и его друзья добились от губернатора колонии разрешения провести по местному радиовещанию несколько бесед об истории архипелага. Однако после первых же радиопередач, имевших явно антиколониальную направленность, они были запрещены. В Прая прошло несколько уличных манифестаций с требованием продолжить подготовленную африканскими студентами программу.

Вернувшись в Бисау, Кабрал и его друзья развернули активную революционную работу. «Мало-помалу, – вспоминал Кабрал, – мы собирали людей в подполье и организовывали их, проводили собрания, обсуждали проблемы и готовились совершить в будущем величайшее дело. На протяжении всей нашей политической работы в то время мы добились многих успехов. Мобилизованные нами группы людей, исполнявшие роль политических комиссаров, вели работу в самых густонаселенных кварталах столицы Бисау... То ли в 1954 году, то ли в конце 1953 года – не помню точно дату – мы предполагали физически уничтожить губернатора Горгулью, убившего тысячу жителей острова Сан-Томе... Наши товарищи начали работать в колониальных профсоюзах, торговых учреждениях, в промышленности, где нам удалось расширить сферу нашего влияния, а также среди матросов, занятых перевозкой сельскохозяйственной продукции, и мы уже тогда делали попытки организовать массовое движение»⁴.

Важная попытка распространить революционные идеи в народных массах была предпринята летом 1954 г., когда Кабрал создал в Бисау Африканскую ассоциацию спорта и культуры. В нее впервые в истории Гвинеи-Бисау получили доступ не только «ассимилированные» студенты и молодые служащие, но и «туземцы», рабочие промышленных предприятий и докеры⁵. Параллельно с этой легальной организацией действовала нелегальная организация (МИНГ).

Однако тайная полиция (ПИДЕ) вскоре узнала о том, что беседы Кабрала с членами Ассоциации носят политический, антиколониалистский характер. Он был вызван для

беседы к губернатору Диогу де Мелу. Между ними состоялся такой диалог:

Губернатор: Итак, вы и есть вождь местного May-May?⁶

А. Кабрал: Насколько мне известно, здесь нет May-May: это в Кении.

Губернатор: Послушайте, сеньор инженер. Идите в ногу с эпохой, будьте человеком своей эпохи, но не губите мою карьеру⁷.

Деятельность Ассоциации была запрещена, а Кабрал выслан из Гвинеи-Бисау с правом возвращаться туда один месяц в году. Он отправился в Лиссабон. Там ему предложили должность эксперта в сельскохозяйственной компании КАДА в Анголе, и Кабрал поехал работать на сахарный комплекс, принадлежавший компании. Ему было 23 года, и все, что с ним произошло, лишь укрепило в нем уверенность в правильности его убеждений.

В Анголе А. Кабрал через своих старых друзей А. Нето и М. де Андради установил тесные связи с патриотами и в декабре 1956 г. стал одним из основателей Партии борьбы африканцев Анголы (ПЛУА). Он поддерживал тесные связи с родиной. Воспользовавшись разрешением португальских властей один месяц в году проводить там, Кабрал в начале сентября 1956 г. приехал из Лиссабона в Бисау. 19 сентября 1956 г. в доме № 9 по улице № 12, расположенной в центре Бисау, собрались шесть человек: А. Кабрал, Луис Кабрал, Фернанду Фортиш, Аристидес Перейра, Инасиу Семеду, Элизе Тюрпан. В течение нескольких месяцев они готовились к этому совещанию. Фортиш, который был тогда начальником почтамта Бисау, помог за спиной осведомителей ПИДЕ осуществлять бесцензурную переписку между Кабралом и Перейрой. Последний, будучи начальником телеграфа, всегда был в курсе того, что замыслили и предпринимали колониальная администрация и ПИДЕ.

19 сентября на стадионе Сармемту Родригеш должен был состояться футбольный матч с командой из Лиссабона, а затем – демонстрация фильма. Толпы людей хлынули на стадион. Среди них были и Кабрал с

друзьями, но их путь лежал не на стадион, а в дом № 9. Побывавший в 1976 г. в Бисау немецкий журналист вспоминал: «Знаешь ли, – сказал мне Фортиш, указывая на этот дом, – только об этом совещании можно написать целую книгу. Мы, действительно, обсудили все возможности, прежде чем принять окончательное решение. Да, именно Амилкар предложил начать наконец организованную борьбу»⁸. На совещании была создана Африканская партия независимости и союз народов Гвинеи и островов Кабо Верде, сокращенно ПАИ (с сентября 1960 г. ПАИГК, Африканская партия независимости Гвинеи и островов Кабо Верде).

На совещании 19 сентября 1956 г. был принят устав партии. Целями организации провозглашались немедленное завоевание независимости Гвинеи и островов Кабо Верде, демократизация и освобождение населения этих стран от колониальной эксплуатации, достижение быстрого экономического прогресса и подлинного социального и культурного развития народов Гвинеи и островов Кабо Верде. В начале 1958 г. Кабрал принял участие в создании Антиколониального движения (МАК).

Особого внимания заслуживает вопрос о целях, организационной структуре и деятельности Антиколониального движения. В него вошло большое число студентов и моряков – выходцев из всех португальских колоний в Африке. Президентом МАК стал А. Нето. Как рассказал автору этих строк один из ветеранов ангольского освободительного движения Энрике (Ико) Каррейра, в те годы учившийся в Лиссабоне и участник МАК, организация была весьма неоднородной по своему составу. В нее входили африканские студенты самых разных политических направлений и взглядов. Организация состояла из групп, сохранявших известную автономию и выдвигавших специфические требования и условия вхождения в МАК. Была, например, группа молодых ангольских студентов, считавших, что организация должна заниматься террористической деятельностью⁹.

Активисты МАК, оценивая успехи освободительных движений других стран, искали

ответ на главный вопрос: каким должен быть кратчайший путь народов португальских колоний к независимости? Первоначально они предполагали использовать только конституционные методы борьбы, но позже пришли к убеждению, что мирными средствами невозможно заставить правительство Португалии отказаться от своих колоний.

Следует отметить, что в это время МАК не имело устава. Кабрал и его друзья старались выработать принципы и цели МАК, подготовиться к работе в глубоком подполье, сформировать группы из трех членов, наладить отношения с португальской оппозицией. Связи с Португальской компартией (ПКП) обеспечивали Эдмундо Роша и Вашку Кабрал. Л. Лара параллельно поддерживал контакты с членом ПКП профессором Гаспаром Тейшейра.

Собрания МАК проходили в различных местах – в домах А. Кабрала и Э. Роша и даже в автомобилях Э. душ Сантуша или А. Кабрала, циркулировавших по Лиссабону, чтобы избежать слежки со стороны ПИДЕ¹⁰.

Некоторые студенты (И. Каррейра, Ж. Виан) считали, что МАК должна состоять только из ангольцев. Настаивая на этой точке зрения, Ж. Виан даже вышел из МАК. В конечном счете задачами МАК были объявлены просвещение и привлечение на свою сторону студентов и трудящихся, информирование молодежи и интеллигенции в Португалии о ситуации в колониях, контакты с Луандой и Бисау через моряков.

Официальная португальская пресса была для членов МАК закрыта, и только подпольная газета ПКП «Аванте» публиковала статьи о колониальной эксплуатации и репрессиях в отношении африканских народов. Однако ПКП не оказывала МАК никакой финансовой поддержки.

Относительно состоятельные Армению Феррейра и Э. душ Сантуш, путешествуя по Европе, обеспечивали контакты МАК с группами националистов в Париже, Германии и Бельгии. Л. Лара обосновался в Париже, чтобы координировать антиколониальную деятельность этих групп¹¹.

Парижская группа и особенно М. де Андради (под псевдонимом Буанга Феле) публиковали антиколониальные статьи в бельгийской газете «Ля Гош» и французской «Демокраси Нувель».

Хотя руководители МАК пользовались определенным влиянием среди студентов, протестантской молодежи и у африканцев-интеллектуалов, все же в Лиссабоне они имели мало активных политических кадров. Подпольную работу приходилось вести крайне осторожно: нельзя было публиковать памфлеты, оставлять на виду документы, даже произносить вслух слово «МАК»! Поэтому сохранилось очень мало сведений о том, кто были члены МАК. Именно эта конспирация объясняет, почему ПИДЕ не захватила ни одного документа и не арестовала ни одного члена МАК за все время его существования с 1957 по 1959 г. В архивах ПИДЕ полностью отсутствуют документы, относящиеся к деятельности Антиколониального движения.

МАК превратилось в движение, объединившее националистов – выходцев из португальских колоний, проживавших за границей, в борьбе за независимость их отечеств. Именно через эту организацию о положении в португальских колониях стали узнавать во всем мире. МАК развернуло большую работу по разоблачению португальского колониализма через печать и радио, в частности, на территории Франции, Германии и Италии, направляла своих делегатов в разные страны для обмена опытом с представителями движений других колоний, а также для участия в международных конференциях¹².

Возвращение А. Нето в Луанду в конце 1959 г. и отъезд в Париж Л. Лара в марте 1959 г. и А. Кабрала и Э. душ Сантуша в начале 1960 г. ослабили МАК, которое фактически прекратило свою деятельность.

Еще в 1955 г. М. де Андради, М. душ Сантуш и М. Лима участвовали в I Конференции африканских писателей в Париже. В 1958 г. они вместе с В. да Крушем отправились в СССР, чтобы принять участие в Конференции афро-азиатских писателей в Ташкенте. Там китайская делегация пригласила

М. де Андради и В. да Круша посетить КНР. Их путешествие в Китай продолжалось около трех недель, они участвовали в Конференции писателей «третьего мира»¹³.

В 1959 г. В. да Круш, М. де Андради, М. душ Сантуш, Л. Лара и падре Жоакин Пинту де Андради активно участвовали во II Конгрессе чернокожих писателей и художников в Риме. Во время этого конгресса они встретились с одним из руководителей ФНО Алжира Францем Фаномом. Он предложил им прислать в Алжир для военной подготовки 11 молодых ангольцев с тем, чтобы «открыть новый фронт борьбы против колониализма». Это предложение не было проведено в жизнь ангольскими руководителями МАК, что заставило алжирцев считать эту ангольскую группу ни на что не способной «городской организацией». Они пришли к заключению, что УПА Х. Роберто «связана с массаами», и сделали ставку на эту организацию¹⁴.

Парижская группа в 1950-е годы приобрела значительный международный авторитет и пользовалась влиянием в левых кругах и среди африканских интеллектуалов. Без наработанных ею связей и дружеских симпатий в Париже, а позже в Бельгии (Ж.С. Орта), Германии (В. да Круш, Л. де Алмейда), Англии (У. де Менезиш), марксистское националистическое движение в португальских колониях никогда не добилось бы того широкого международного признания, которое оно получило в 1960–1961 гг.¹⁵

* * *

Первые так называемые протонационалистические организации стали возникать в португальских колониях (Анголе и Мозамбике) в 1920-х годах. В 1929 г. в Анголе была создана Национальная африканская лига (НАЛ). Хотя эта организация не ставила своей задачей борьбу за национальную независимость, она вела широкую пропагандистскую и культурно-просветительскую деятельность¹⁶. Ее целью было завоевание лучших условий для африканского населения легальными средствами¹⁷. Основателями НАЛ были реформистски настроенные *асси-*

миладуш – африканцы, получившие португальское гражданство, главным образом мульты. НАЛ насчитывала несколько тысяч членов. Ее программа включала следующие требования: увеличение зарплаты для африканских гражданских служащих; упразднение созданного губернатором Нортонем Матушем в 1921 г. отдельного административного аппарата для белых и африканцев; признание равных прав с белыми для метисов-африканок; улучшение положения африканцев в ангольской армии; африканское представительство в совещательном Совете; и наконец, «немного больше уважения к человеческому достоинству африканцев»¹⁸.

Лига издавала ежемесячный бюллетень, организовывала митинги, направляла властям петиции и резолюции. Так, например, в 1938 г. в связи с приездом в Анголу президента Португалии Кармона НАЛ направила ему петицию, озаглавленную «Нужды и чаяния туземного населения». Она включала требования о защите прав африканского населения, в том числе наличие африканского представительства в совещательном Совете при губернаторе. Лига проводила большую работу по организации просвещения и здравоохранения в стране, субсидировала школы, больницы и т.п.

Однако с самого начала деятельность Лиги ослаблялась внутренней борьбой между старыми реформистски настроенными лидерами во главе с падре Жоакином Пинту Андради и молодыми функционерами, получившими образование в Европе и выступавшими за превращение Лиги в революционную организацию (Илидиу Машаду, Вириату да Круш и др.). Эта молодежь, установившая в Европе связи с другими африканскими революционными организациями и испытывавшая на себе влияние передовых, в том числе и марксистских, идей, убедилась в невозможности вести борьбу в легальных рамках и не хотела ограничивать цели Лиги только реформами, выдвигая лозунг политической независимости.

Борьба реформистских элементов против революционного крыла в НАЛ привела к кризису в организации. Воспользовавшись

этим, португальские власти сумели заслат в нее агентов тайной полиции, а также с помощью подкупов и шантажа склонить на свою сторону некоторых неустойчивых лидеров. Вскоре власти добились замены выборного руководства НАЛ административными комиссиями, назначаемыми генерал-губернатором¹⁹.

Диктаторский режим Салазара начал широкую кампанию репрессий против передовой части африканской интеллигенции. Эти репрессии способствовали, с одной стороны, отходу от политической деятельности умеренных деятелей, а с другой – переходу революционно настроенных интеллектуалов более молодого поколения от легальной культурно-просветительской деятельности к нелегальным формам революционной политической борьбы.

Период 1919–1926 гг. был первым этапом ангольского национализма (точнее, протонационализма), в значительной степени подготовившим второй этап – политического и военного сопротивления колониализму, датирующийся 1946–1975 гг.²⁰ Между этапами, несомненно, существует преемственность, хотя их разделяет 20-летний период относительного спада освободительного движения, что явилось логическим следствием установления фашистского режима, обрушившего репрессии на ангольских националистов.

Существование двух этапов развития национализма не является уникальной особенностью португальских колоний. Например, во французских колониях так же четко прослеживаются два последовательных этапа, когда 1) национализм проявлялся в сфере культуры (негритюд) и 2) в сфере политики. Однако существенное различие состоит в том, что во французских колониях оба этапа связаны в основном с одной генерацией националистов. Те же люди, которые были центральными фигурами в движении негритюда, возглавили потом движения политические (Сенгор в Сенегале, Сезер на Мартинике и т.п.), а в португальских колониях «культурные националисты» были физически уничтожены фашистским режимом, и

политические движения возглавило новое поколение борцов, которое, однако, сформировалось под их идейным и нравственным влиянием.

Мариу де Андради назвал борцов за свободу первого этапа «протонационалистами», а второго – «поколением Амилкара Кабрала». В одном из интервью он отметил: «Можно утверждать, что между двумя мировыми войнами, особенно в активной фазе, приходящейся на 20-е годы, в политической панораме протонационалистических движений, существовавших в Португалии, по существу господствовали две федеративные структуры – Африканская лига и Африканская национальная партия... Идеологи протонационализма считали себя не только призванными отстаивать требования «туземцев» – и поэтому добивались соответствия между положениями конституции первой Португальской республики и практикой колониальной администрации, но также готовыми взять на себя в своих собственных интересах автономную или региональную власть... Как лузофонные, так и франкофонные протонационалисты были, впрочем, вовлечены в деятельность двух освободительных течений, действовавших в ту эпоху: panaфриканизма Дюбуа и движения Маркуса Гарви»²¹.

Другой нелегальной организацией в Луанде была Ассоциация уроженцев Анголы (АНАНГОЛА), созданная в то же время, что и НАЛ. В нее входили мулаты, состоятельные африканцы и даже белые. АНАНГОЛА занимала реформистские позиции и склонялась к компромиссу с колониальными властями даже в большей степени, чем НАЛ. Однако постепенно происходила радикализация антиколониальной борьбы. Причем если на раннем этапе ангольскому освободительному движению был присущ некоторый оттенок «элитарности», то к середине XX в. руководство борьбой переходит в руки средних и низших слоев интеллигенции, которые выступали за более решительные антиколониальные действия.

В 1948 г. патриотически настроенная молодежь создала при Региональной ассоциации туземцев Анголы полулегальную

литературную группу «Движение новых интеллигентов Анголы». Вскоре они начали издавать журнал «Менсажень». Его основатели – такие деятели АНАНГОЛА, как руководители Департамента культуры В. да Круш и М. Алкантара, А. Нето, А. Жасинту, У. Силван – обратились с призывом «открыть эру новой, подлинно ангольской культуры». На основе убедительных материалов, отражавших колониальную действительность, участники движения опровергали тезис о цивилизаторской миссии Португалии в Африке. Целью молодежной группы было формирование национального самосознания, воссоздание самобытной африканской культуры и ее ценностей. Творчество активистов «Менсажень» оказало непосредственное влияние на различные подпольные группы, которые возникли в тот период в Анголе. В конечном счете В. да Круш и М. Алкантара покинули ряды АНАНГОЛА, так как были не согласны с его реформистской политикой, и перенесли свою деятельность в подпольные националистические организации²².

В 1944 г. португальские власти открыли в Лиссабоне «Дом студентов империи» – ДСИ (Casa dos Estudantes do Império – CEI) как клуб для студентов из заморских колоний, приехавших учиться в Португалию²³. Этот клуб посещали студенты двух волн студенческой эмиграции из колоний. Представителями поколения так называемых «стариков», прибывших в метрополию в 1948–1950 гг., были такие знаменитые в будущем деятели, как Амилкар Кабрал, Мариу де Андради, Лусиу Лара, Марселину душ Сантуш, Франсиску Жозе Тернейру и другие. Для многих из них формирование политического сознания шло через участие в португальских оппозиционных движениях, особенно в молодежном крыле Демократического движения за единство (MUD-Juvenil).

Это движение было открыто для любых политических и религиозных взглядов. Организация ставила своей задачей проведение анализа проблем, связанных с молодежью, и на его основе – их решение или выработку

рекомендаций о путях достижения такового. Она также занималась укреплением дружбы с молодежью других стран и выступала за мир между народами.

MUD-Juvenil было легальным движением, поскольку не нарушало Конституцию 1933 г. и действовавшее законодательство. Тем не менее политическая полиция ПИДЕ видела в нем представителя Португальской компартии и арестовывала его членов в надежде добраться до руководства ПКП²⁴. Однако на деле некоторые представители MUD-Juvenil установили тесные контакты с ПКП лишь значительно позже. С одной стороны, это было связано с тем, что в колониях еще не существовало организованных и активных националистических движений, а с другой стороны, с тем, что, живя в Португалии, они не имели возможности проводить работу по политизации африканских масс. Кроме того, среди этих «стариков» была популярна идея, что освобождение колоний возможно только после краха фашизма в метрополии.

В силу этих причин в течение долгого периода, вплоть до 1957 г., «старики» активно участвовали в антифашистской борьбе в метрополии. При этом некоторые из них (А. Нето, И. Лойо, Г. Тавариш и др.) пострадали от длительного тюремного заключения и пыток в застенках ПИДЕ, а другие – от тягот эмиграции из Португалии (М. душ Сантуш, М. де Андраде в 1952–1954 гг, Л. Лара и Эдуардо душ Сантуш – в 1959–1960 гг.)²⁵.

Активно работая в MUD-Juvenil, А. Нето одновременно вступил в ПКП, оговорив свою позицию как ангольца, и занялся организацией антиколониального движения, отвергнув идею о том, что в него должны входить только негры и только ангольцы. Особенность развития революционного движения в португальских колониях состояла в том, что его руководящие кадры сформировались как революционеры не в Африке, а в Португалии. А. Нето, А. Кабрал, М. де Андради, М. душ Сантуш и другие начали активную политическую деятельность, будучи студентами и участниками антифашистского движения в Португа-

лии. То обстоятельство, что они почти не контактировали с неоколониалистски настроенными националистами английских и французских колоний, сыграло, видимо, значительную роль в идейно-политическом формировании руководства освободительных движений португальских колоний, поскольку такие контакты могли оказать сдерживающее влияние на процесс радикализации этих движений²⁶.

Но на первое место среди факторов, повлиявших на их идейно-политическое формирование, следует поставить тесные контакты будущих лидеров освободительных движений с ПКП, углубленное изучение ими произведений Маркса, Энгельса, Ленина, огромное воздействие на них опыта кубинской революции и героической вооруженной борьбы вьетнамского народа²⁷.

Будущие руководители МПЛА, ПАИГК, ФРЕЛИМО еще в студенческие годы, активно участвуя в антифашистском движении в Португалии, были связаны тесной дружбой и полным взаимным доверием на основе общих политических убеждений и сохранили эту дружбу на всю жизнь. Можно в определенном смысле согласиться с английским исследователем М. Ньюитом, который предполагал, «что националистические движения имели общее руководство»²⁸.

Чтобы составить полное представление о том, какими путями и под влиянием каких факторов шло формирование идейно-политических взглядов А. Нето, А. Кабрала, Л. Лара, М. душ Сантуша и других «стариков», важно выяснить, что они читали в период обучения в Португалии. В этом нам помогают воспоминания Антеру де Абреу, опубликованные в 1979 г. В них сообщается, что больше всего А. Нето и его друзья читали марксистскую политическую литературу, а также произведения М. Горького, И.Э. Эренбурга, М.А. Шолохова, Ж. Амаду и Г. Рамоса. В числе их любимых поэтов он упоминает П. Элюара, Л. Арагона и Ж. Превера. Запоем читали модных тогда американских писателей Э. Синклера, Дж. Дос Пассоса, С. Льюиса, Дж. Стейнбека, Э. Хемингуэя, Э. Колдуэлла, Г. Фаста.

Как пишет А. де Абреу, «учившиеся в Коимбре молодые литераторы из колоний с восторгом читали произведения португальских писателей и поэтов А. Нобре, Ж. Режиу, М. Торга, К. де Оливеры и особенно Ф. Песоа, “отца современной португальской поэзии”»²⁹.

По свидетельству А. де Абреу, в 1947–1948 гг. А. Нето и его друзья испытали сильное влияние Ленгстона Хьюза (американского поэта-мулата, писавшего о судьбе негров США), Гильена, Неруды, «поэтов негритюда»³⁰.

Эти свидетельства чрезвычайно важны, так как проливают свет на интеллектуальные интересы в период учебы будущих лидеров освободительных движений в португальских колониях. Они позволяют также сделать вывод, что формирование их общественно-политических взглядов шло сложными путями и претерпело определенную эволюцию.

Благодаря своему активному участию в антифашистском движении в метрополии эти африканские юноши в процессе взаимного обучения просветили португальских антифашистов относительно жестоких репрессивных методов, применяемых Португалией в колониях. Эта просветительская деятельность «стариков» повлияла на изменение позиций в ПКП в пользу самоопределения и независимости колоний на V съезде ПКП в октябре 1957 г.³¹, хотя до 1962 г. эта позиция не подкреплялась практическими шагами по поддержке антиколониалистских сил.

В Доме студентов Португальской империи жизнь была ключом. Студенты-африканцы до хрипоты спорили, обсуждая политические новости. В центре внимания – обстановка в колониях, нарастание недовольства широких масс населения Анголы и Мозамбика, политическая ситуация в Португалии. Много горячих споров вызывали известия о «первых ласточках» революционных бурь в португальских колониях – забастовке докеров в Лоренсу Маркише (Мозамбик) в 1949 г, забастовке мозамбикских рабочих в 1951 г., стачках железнодорожников Тете

(Мозамбик), пекарей Луанды (Ангола), рабочих сахарной плантации на о-вах Кабо Верде и матросов речных судов в Гвинее-Бисау в 1956 г.³²

В 1949 г. А. Нето, А. Кабрал, М. де Андради и М. душ Сантуш приняли активное участие в основании «Дома Африки» в Лиссабоне и были избраны в состав его руководства. По инициативе А. Нето, А. Кабрала, М. де Андради, а также поэта с о. Сан-Томе Ф.Ж. Тенрейру в Лиссабоне в 1951 г. был создан Центр африканских исследований, где молодые, патриотически настроенные интеллигенты африканских колоний Португалии устраивали дискуссии по проблемам истории, культуры, будущности своих стран. Дом на улице Актор Вале, 37 с октября 1951 по конец 1954 г. стал местом обмена идеями, бурных споров, представления того, что кто умел: картин, стихов, научных эссе, – что, по свидетельству одного из участников этих дискуссий, «облегчило сближение поколений и передачу того бульона культуры, который часто теряется в пути»³³.

Основопологающей идеей, которая воодушевляла А. Нето, А. Кабрала, Н. де Соуза, А. ду Эшпириту Санту, Эллара, У. Машаду и других молодых интеллектуалов, была идея возвращения к истокам, новое открытие африканского «я», реафриканизация, «ассимиляция» африканцев, получивших португальское гражданство³⁴.

В этой идее содержалось внутреннее противоречие, которое заключалось в том, что все поиски африканских корней осуществлялись с помощью языка колонизаторов. Само общение между африканскими интеллектуалами, все литературные произведения, ментальные процессы производились неизбежно на португальском языке. Таким образом, культурное отчуждение интеллектуалов от «корней» было тотальным и структурным.

Этот процесс открытия африканского «я», возвращения к истокам, реафриканизации, который Сенгор называл «негритюдом», был продолжением аналогичных поисков в начале XX в., осуществлявшихся также африканскими интеллектуалами в

Лиссабоне и получивших название «нativизм». Это культурное движение Центра африканских исследований в 1950-х годах развивалось одновременно с идентичным движением в Луанде «Давайте открывать Анголу!», сыгравшим важную роль в пробуждении национального сознания ангольцев. Оно совпало по времени с подобными движениями 1940–1950-х годов в различных европейских и американских столицах. Африканские интеллектуалы – франкоязычные (Сезар, Фанон, Сенгор), испаноязычные (Н. Гильен), англоязычные (П. Робсон и др.) выражали те же чувства и беспокойство о будущем своих негритянских народов. Эти идеи циркулировали повсюду, и чернокожие люди объединялись в похожие ассоциации в Париже, Лондоне, Гаване, Луанде, Лиссабоне, обсуждая похожие проблемы.

Участие молодых африканских интеллектуалов в антифашистском движении в Португалии неизбежно должно было навлечь на них репрессии ПИДЕ. В 1950 г. М. душ Сантуш и Г.Э. Санту были высланы из Португалии в Гренобль (Франция), где они объединили свои усилия с Акину де Браганса и Эдмунду Роша. Другие подверглись судебному преследованию и тюремному заключению, в частности, студенты из Гоа за антифашистскую агитацию³⁵.

В 1951 г. А. Нето принимал участие в сборе подписей под Стокгольмским воззванием в защиту мира. Однажды он постучался в один из особняков в пригороде Лиссабона, не зная, что там живет полицейский чин. Нето доставили в участок. Там его подвергли допросу, заполнили подробную анкету, сняли отпечатки пальцев. Он был отправлен в страшную салазаровскую тюрьму Кашиас³⁶.

Вскоре Нето избрали представителем молодежи колоний и членом ЦК MUD-Juvenil. Члены этой молодежной организации вели большую политико-пропагандистскую работу и распространяли листовки с текстами речей руководителя ПКП Алваро Куньяла. Работа в MUD-Juvenil стала для Нето хорошей школой политической и организационной деятельности. Она очень при-

ходила ему впоследствии. В 1952 г. А. Нето стал одним из основателей и руководителей Африканского морского клуба (АМК) в Лиссабоне. Вспоминая об этих событиях, Л. Лара сказал на похоронах А. Нето: «Он активно участвовал в различных молодежных и студенческих организациях и основал в 1952 г. вместе с ангольцами-матросами Африканский морской клуб – привидной ремень между ангольскими патриотами, находившимися в Португалии, и патриотами, заложившими основы освободительного движения, из которого родилось МПЛА в 1959 г.»³⁷

История Африканского морского клуба началась с того, что в 1952 г. несколько африканцев подали просьбу в Министерство образования разрешить открыть в Лиссабоне клуб с просветительскими, культурными и спортивными целями. Подписали документ Умберту Машаду и Раул Франшишку Катерса. Просьба была удовлетворена, и 13 декабря 1954 г. был одобрен Устав Африканского морского клуба. В нем, в частности, было записано:

«Статья 3. Задачей АМК является развитие физического воспитания и проведение спортивных соревнований между его членами, обеспечение их инвентарем.

§1. Запрещается проведение любых мероприятий или участие в демонстрациях, носящих политический или религиозный характер»³⁸.

На деле АМК не был чисто спортивной организацией. В нем объединилась группа африканских моряков и патриотически настроенные студенты. Таким образом, сложилась беспрецедентная для того времени ассоциация молодых интеллектуалов и африканских трудящихся, объединенных общностью языка, ценностей и стремлением содействовать освобождению родины от гнета португальского колониализма.

Штаб-квартирой АМК стал дом на Руа Лейти де Васконселуш, 82, где жил с женой студент-агроном Умберту Машаду – брат Илидиу Машаду. В этом доме часто останавливались ангольские моряки, совершавшие регулярные рейсы Лобиту – Луанда –

Бисау – Лиссабон³⁹. Этот дом также служил местом частых встреч между ангольскими моряками и студентами, в том числе А. Нето, Л. Лара, И. Машаду и другими.

8 июля 1954 г. ПИДЕ провела обыск в этом доме, изъяв значительное число документов, «компрометировавших» владельца дома У. Машадо. Об этом обыске был составлен подробный протокол, подписанный агентом ПИДЕ и историческим свидетелем, присутствовавшим при обыске – Агостиньо Нето. Была, в частности, изъята записная книжка со следующими именами: Америку Боавида, Оскар Ассунсан Менезиш, Иво Лойо, Фернанду Кошта Кампуш, Клаудиу Гальяну, Игину Айреш, Синклетика Торреш, Серафина Ассиш и Эма Роша. Умберту Машаду, видимо, был активным членом ПКП, он участвовал в республиканском конгрессе в Авейру в октябре 1957 г., разрешенном властями. Активистами АМК были моряки Франсишку Джек, Жуан Антониу Ван-Дунень (Зиту), Флорентину Силва, Франсишку Зара, Жуан Патака да Кошта, Мариу Ван-Дунень и др. Среди студентов выделялись А. Нето, Л. Лара, А. Кабрал, Антонио Эспириту Санту, Фернанду Кошта, Луиз Баррету и др.⁴⁰

Эта группа моряков и студентов, преодолевая финансовые и другие трудности, развернула энергичную просветительскую, культурную и политико-пропагандистскую деятельность, которая позволила значительно поднять уровень национального сознания многочисленных членов африканской диаспоры в Португалии. Кроме того, только благодаря морякам-членам АМК в течение ряда лет сохранялись каналы коммуникации с различными националистическими группами в Луанде, в том числе с группой И. Машаду и В. Круша (ПЛУА, а потом МИА). Этим группам был переправлен ксерокс – в то время особенно ценный аппарат для любой революционной группы. Моряки привозили также в Лобиту и Бисау книги и документы из Португалии и Бразилии.

Но АМК, хотя и имел совершенно легальный статус, находился под неусыпным и жестким контролем ПИДЕ, поскольку она

обнаружила связи, которые руководители АМК поддерживали с членами НАЛ в Луанде. Не случайно У. Машаду подробнейшим образом допрашивали о его переписке с И. Машаду⁴¹.

Присутствие в ПКП и MUD-Juvenil нескольких активных членов АМК, таких как А. Нето, Л. Лара, А. Кабрал, У. Машаду, Иво Лойо, заставило ПИДЕ быть настороже, и не без оснований. Что касается связей АМК с ПКП, то высказывались всевозможные предположения и гипотезы, но нет конкретных доказательств. Не подлежит сомнению, что ПКП с симпатией относилась к АМК. Но огромные финансовые трудности, с которыми постоянно сталкивался АМК, показывают, что его члены не получали материальной поддержки от ПКП.

Здесь уместно подчеркнуть контраст между той финансовой поддержкой, которую оказывало фашистское государство Дому студентов империи в Лиссабоне и Национальной африканской лиге в Луанде, позволяя им успешно действовать, и явным отсутствием материальной поддержки с его стороны для АМК.

Однако АМК отнюдь не жил в изолированном пространстве. Некоторые из его наиболее политически активных и сознательных членов сохраняли тесные связи с ДСИ. И наоборот, некоторые африканские студенты часто посещали АМК и предоставляли ему свою поддержку⁴². Африканская протестантская община также имела тесные связи с АМК через Педру Сабринью. В 1959 г., когда «старики» покинули Лиссабон, эмигрировав в Париж и Конакри, а Нето – в Луанду, АМК в Движении ангольских студентов представлял Грасо Тавареш⁴³. Именно он вместе с Э. Роша выехал в Германию в апреле 1961 г. и, в ответ на призыв МПЛА, организовал так называемое «бегство сотни студентов» из Португалии в июне 1961 г.

Таким образом, АМК, имея легальный культурно-спортивный фасад, прикрывавший его активную политическую деятельность, пропагандируя и распространяя националистические идеи, шедшие из Луанды и Парижа, был, как и ДСИ, одним из тех те-

чений в освободительном движении, которым предстояло опрокинуть прогнившее здание португальского колониализма.

(Окончание в следующем номере)

Примечания

¹ *Andrade V. de. Amilcar Cabral. Essai de biographie politique.* Paris, 1980. P. 11.

² *Ibid.* P. 11–20.

³ *Кабрал А.* Революция в Гвинее (Избранные статьи и речи). М., 1973. С. 36–37.

⁴ *Cabral A.* Evolução e perspectivas da Luta. – PAIGC. Seminário de quadros 19–24.XI.1969. P. 8.

⁵ См.: *Капский Э.В.* Борьба Африканской партии независимости Гвиней и Островов Зеленого Мыса (ПАИГК) за консолидацию патриотических сил // *Борьба за освобождение португальских колоний в Африке (1961–1973).* М., 1975. С. 98–99.

⁶ Подпольное движение в Кении, организовавшее в конце 1953–1955 гг. восстание против британских колонизаторов.

⁷ *Andrade M. de.* *Op. cit.* P. 49.

⁸ *Norddeutsche Neueeste Nachrichten.* Rostock, 19.I.1976.

⁹ *Хазанов А.М.* Агостиньо Нето. М., 1985. С. 28.

¹⁰ *Rocha E.* Angola. Contribuição Estado do Nacionalismo Moderno Angolano. V. I. Luanda, 2002. P. 140.

¹¹ *Archivo Nacional Torre do Tombo. Policia Internacional e de Defesa do Estado (AN/TT – PIDE).* Dgs. Proc. MAC 1120 A. Doc. 19.

¹² Агуштиньо Нето. Биографический очерк. М., 2001. С. 208.

¹³ *Andrade M. P. de.* Uma entrevista dada a Michel Laban. Lisboa, 1997. P. 141.

¹⁴ *Lara L.* Um amplo movimento. Itinerario do MPLA através de documentos e anotações de Lucio Lara. V. I. Luanda, 1997. P. 239.

¹⁵ *Rocha E.* *Op. Cit.* P. 137.

¹⁶ *Оганисян Ю.С.* Национальная революция в Анголе (1961–1965 гг.) М., 1968. С. 63.

¹⁷ *Andrade M. de.* Et les colonies de Salazar? // *Démocratie nouvelle*, P., 1960, Septembre.

¹⁸ *Wheeler D.L., Pelissier R.* Angola. New York, 1971. P. 149.

¹⁹ *Esboço da historia de Angola.* Luanda, s.d. P. 56, 22; *Historia de Angola.* Luanda, s.d. P. 172; *Dilolwa C.R.* Contribuição a historia economica de Angola. Luanda, 1978. P. 44.

²⁰ *Wheeler D.* Origins of African Nationalism in Angola // *Protest and Resistance in Angola and Brazil. Comparative Studies.* Berkeley etc., 1972. P. 67.

²¹ *Andrade M. de.* E urgente recuperar a nossa «memoria historica» // *Africa Journal* (Lisboa), 1984, №11. P. 28.

²² *Arquivo Nacional da Torre do Tombo, Lisboa. (AN/tt) – PIDE – Dgs. Proc. Clube Maritimo Africano. Liga Nacional Africana,* 2668/54.

²³ *Хазанов А.М.* Указ. соч. С. 13.

²⁴ Агуштиньо Нето. Биографический очерк. С. 62.

²⁵ Там же, с. 126.

²⁶ *Хазанов А.М.* Крушение последней колониальной империи. М. 1986. С. 50.

²⁷ Там же. С. 50, 208.

²⁸ *Newitt M.* Portugal in Africa. The Last Hundred Years. London, 1981. P. 166.

²⁹ *Abreu A.* Recordacoes de Neto // *Lavra e Oficina.* Luanda, № 11–12. Ag-Set de 1979. P. 94–95.

³⁰ *Ibidem.*

³¹ *Partido Comunista Portugues. Programma.* Lisboa, 1957.

³² *Хазанов А.М.* Агостиньо Нето. С. 16.

³³ *Mourão F.* Memoria dos anos cinquenta // *Mensagem, Numero especial do quinquentenário do CEI, 1944–1994.* Lisboa, 1994.

³⁴ *Andrade M. de Amilcar Cabral e a reafricanização dos espiritos* // *No Pintcha*, II, Setembro de 1975. P. 225.

³⁵ *Rocha E.* *Op. cit.* P. 92–93.

³⁶ Подробнее см.: *Хазанов А.М.* Агостиньо Нето. С. 23–24.

³⁷ Предисловие к кн.: *Neto A.* *Sagrada Esperanca.* Luanda, 1979. P. 10–11.

³⁸ *Diario do Governo* (Lisboa), III, № 296, 20.XII.1954.

³⁹ *AN/TT – PIDE – Dgs. – Proc. Clube Maritimo Africano (Liga Nacional Africana),* 2668/54.

⁴⁰ *Ibidem.*

⁴¹ *Ibidem.* Doc. 595.

⁴² *Rocha E.* ACEI nos anos do fogo // *Mensagem. Numero especial.* Lisboa, 1997. P. 103–114.

⁴³ *Ibidem.*

В.М. Виноградов

ТЕГЕРАН. 27 ДЕКАБРЯ 1979 года

Из воспоминаний советского посла

От редакции. Автор публикуемого материала, известный советский дипломат Владимир Михайлович Виноградов (2.8.1921, Винница – 21.6.1997, Москва), в 1977–1982 годах занимал пост Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Иране. Рукопись любезно предоставлена сыном В.М. Виноградова, Александром Владимировичем, бережно сохраняющим архив отца.

* * *

Посольство СССР. Канун Нового года. В уходящем 1979 году пережито необычное, раз в жизни встречающееся. Все мы оказались внутри бурлящего котла. Давление нарастало, и – лопнул котел: в феврале произошла революция, покончившая с монархией, которая правила в этой древней, всему миру известной стране более двух с половиной тысячелетий... <...>

Проглядел шах и его заморские советчики беспокойствие в стране. За ослепительными огнями реклам – чем не Париж на Востоке, в древней стране, – блеском золота во дворцах, сверкании драгоценных камней и жемчуга, не видно накапливающейся ненависти миллионов безграмотных бедняков, ютящихся в средневековых лачугах. В Бендер-Аббасе – одном из портов на юге – мы не смогли прогуляться ночью по парку. На земле, скрючившись то там, то здесь, спали измотанные тяжелым днем портовые рабочие. Для сопровождавших нас высоких чиновников губернатора это – обычное, не вызывающее никаких эмоций, кроме безразличия, зрелище.

Проглядел шах и затаенную злобу новых, трансконтинентальных толстосумов – не дает им политической власти в стране. Ведь нужно многое менять, а вместо этого приходится угождать, делать шаху и его многочисленной семье миллионные подношения.

Революционные выступления студентов? Мальчишеское баловство, ребячество. Выпороть, в тюрьму, вон из университета: ведь знает шах, как ценится здесь возможность учиться.

И уж совсем непростительный просмотр: кто такие муллы? Еще его отец, шах Реза, поставил их на свое место, демонстративно показываясь с шахиной без чадры! Строптивного Хомейни, вздумавшего обосновывать неизбежность и законность исламского правления, протестовавшего против дипломатической неприкосновенности всех американцев, находящихся в Иране, сам Мохаммед Реза Пехлеви сослал в Ирак – в Кербелу, на святые шиитские могилы: сиди там и бурчи, что хочешь, себе в бороду.

Марксистскую партию Тудэ нечего принимать и во внимание: она физически разбита – кое-кто еще остался в подполье да в эмиграции: за границей. Да и там, как и во всей стране, работают осведомители. Опасности здесь нет. Революционность показная.

Народ должен радоваться: в стране бум, она движется к «великой цивилизации». Так назвал свою цель шах, не видя, что творится вокруг.

И вдруг... За несколько месяцев монархии не стало. Мощный народный поток смел ее.

Сколько было противоречивых сведений, мыслей, информации. Как разобраться, что правда – что ложь, что произойдет дальше, а чего не будет. Это после революции можно хладнокровно анализировать: вот если бы эти поступили так, а те эдак, то... А в гуще событий, в круглосуточной обстановке стрельбы, демонстраций, взрывов массовых эмоций, появления и исчезновения крикливых «деятей» как определить – куда идет дело?

Определились мы, к счастью, правильно. И своевременно. Поняли, что к чему. Не зря учили столько времени марксизм-ленинизм, законы исторического развития.

11 февраля 1979 г. революция победила окончательно. Ровно через 150 лет – день в день – после злодейского убийства в Тегеране А.С. Грибоедова, посланника России в Персии, и разгрома всей русской миссии. Странное совпадение.

Нелегко пришлось разбираться и в хаосе первых послереволюционных месяцев. Во всяком случае, первым послом, с которым на следующий день после победы революции встретился глава временного революционного правительства Базарган, был советский посол. И первым из немногих послов, которого принял уже через неделю новый вождь Ирана Хомейни, был также советский посол. Ведь мы – соседи. «Смотри на север» – не такой уж плохой совет, только с другим значением.

И еще несколько встреч с Хомейни, которые вызывали раздражение у его реакционного окружения.

Сложные события ноября 1979 г. – захват персонала американского посольства в Тегеране в качестве заложников. Это обращение к США: выдайте шаха, верните иранские богатства, спрятанные в сейфах американских банков. Впрочем, «захват» со странностями. Совершен именно в тот момент, когда временный поверенный в делах США, т.е. глава посольства, Лэнгман находился в Министерстве иностранных дел Ирана! И... остался там жить, ему была приготовлена «квартира» прямо в здании Министерства – с телефонами, непрерывной связью с Вашингтоном, а дипломатическую почту из США ему регулярно приносил посол Швейцарии...

И вот подходит Новый год. Все более или менее встало на свои места. Можно немного расслабиться. Пригласили на 26 декабря к себе послов Чехословакии, Германской Демократической Республики, Болгарии, Венгрии, Польши и Румынии вместе с сотрудниками посольств. Все тревожные месяцы работали рука об руку, делились ин-

формацией, совместно анализировали события, собирались по нескольку раз в неделю, помогали друг другу материально, при угрозе налетов прятали друг у друга детей и женщин. Одним словом – товарищи.

Залы в посольстве большие, гостей и своих было много, «интернациональный» концерт, игры, танцы. Ну и, конечно, хороший стол – кто ж справляет Новый год не за столом? Раскованность, веселье, радость – будто гора с плеч свалилась. Такого отдыха мы не знали более двух лет.

...Заметил, как в одной из дверей, ведущих в зал, открылась темная щель. Там появился один из наших товарищей и делал мне знаки. Извинившись перед послами, с которыми я сидел за одним из столов, подошел к двери.

– Вам срочное поручение.

Подозвал советника-посланника Евгения Дмитриевича Островенко: «Пошли наверх».

...Швырнул в сердцах бумагу на стол, стало не по себе. Зачем это? Ведь бессмысленно же, разве никто в Москве не знает Востока, обычаев его народов? Позорного поражения англичан в Афганистане всего каких-либо 60 лет назад! Евгений Дмитриевич также покрутил в недоумении головой – уж на что осторожный товарищ. Н-да, ну дела. Но указание послу есть указание. Его надо исполнить.

Поручение: немедленно информировать Хомейни о том, что по просьбе афганского правительства советское правительство 27 декабря направляет в Афганистан «ограниченный контингент» советских войск для оказания помощи в отражении внешней агрессии против Афганистана. Выразить надежду, что Иран с пониманием отнесется к этому временному и вынужденному шагу.

Глянул на часы: около десяти вечера. До 27-го всего-то... два часа. Хомейни уже давно заявил, что больше не будет принимать иностранных послов, на это есть правительство, он не государственный деятель, а духовный глава общины, и уехал жить в город Кум – традиционную резиденцию

высших духовных наставников в Иране. Это 150 км от Тегерана.

Что делать? Поручение представляется невыполнимым. Но ясно одно – и я очень хорошо это понимаю: обязательно надо сделать так, чтобы эту новость, хотя она наверняка будет неприятной для Хомейни, он узнал бы от меня, а не по докладам своих советчиков, которые узнают об этом из завтрашних зарубежных радиопередач. Собственно говоря, именно в этом смысл посещения Хомейни – ведь убедить его в правоте нашего необычного шага не удастся, как бы я ни старался, ведь и сам я страшно раздосадован.

Дал указания товарищам попытаться немедленно связаться с канцелярией Хомейни, настойчиво попросить немедленной встречи, намекнуть, что вопрос необычайный; связаться параллельно с МИД Ирана, попросить оказать содействие, во всяком случае, получить разрешение на немедленную поездку в Кум. Сам спустился к гостям. Извинился: очень срочное дело, вынужден уйти, но приглашаю послов завтра в 16 часов – все объясню и проинформирую. Послы – люди тертые, понимают мое положение. Ведь мы уже давно доверяем друг другу. Попросил жену занимать гостей, сам поспешил в кабинет, где медленно, но неуклонно движется на больших часах минутная стрелка.

Увы, все безрезультатно: из канцелярии Хомейни ответили, что послу должно быть известно решение Хомейни не участвовать в государственных делах, надо обращаться к правительству. Да, имам хорошо знает советского посла, но он сейчас уже спит – разве не известен его распорядок всему Ирану? В МИДе только заспанный дежурный, больше никого – говорит: «Ждите до утра». Министром иностранных дел тогда был Готбзаде (расстрелян в 1983 году как американский агент). Уже тогда мы чувствовали неестественность его поведения и инстинктивно не хотелось звонить ему, ведь неизвестно, как он все преподнесет имаму. Да и не поручено передавать информацию кому-либо другому. Что делать?

Попросил снова позвонить в МИД, узнать домашний телефон одного из заместителей министра – Хагу, который как будто с вниманием всегда относился к нам. Телефон дали, но дома слуга (!) промямлил, что Хагу нет дома, а номер телефона, где он находится, сообщить не может (ясно – кутит где-то). После некоторого напора (как хорошо, что мои сотрудники – Женя Островенко и Николай Козырев так хорошо говорят по-персидски!) слуга выдал номер. Позвонили, попросили... Хагу. Трубку для разговора я взял сам (говорили на английском языке). Объяснил, что имею исключительно важное и срочное поручение для передачи именно сегодня в личной беседе с Хомейни. Понимаю, что время близится к полуночи и имам в Куме, но в жизни бывают неожиданные и чрезвычайные ситуации. Как быть?

Хагу, немного подумав, сказал, что встречу с Хомейни он, конечно, не может устроить – поздно, а официальное разрешение на поездку в Кум даст. Это было уже что-то. Я горячо поблагодарил Хагу и обратился с дополнительной просьбой: прислать несколько вооруженных охранников (пасдаров – «стражей исламской революции»), ведь ночь, кругом патрули, ехать долго. Сказал, что мы поедем на двух машинах. Заместитель министра обещал выполнить просьбу.

Минут через двадцать прибыли трое бородачей с автоматами. К этому времени мы уже собрались в дорогу. Был третий час ночи.

На улицах полная темнота, никакого движения. Мертвый город. Фары иногда высвечивают патрули. Пришлось поставить советский флажок, как всегда. Очень тревожно: нет-нет и где-то затрещат выстрелы. Едем с включенными фарами и освещенным салоном – так посоветовали пасдары.

Выбрались на шоссе, та же мрачноватая картина. Пытаюсь по автомобильному радио поймать какую-нибудь иностранную радиостанцию. Ловятся, но новостей об Афганистане нет. Пока едем, обдумываю план кажущейся невозможной беседы с Хомейни, представляю себе его вопрос – свои ответы. Конечно, не может быть и речи прочитать

ту сухомятину, которую закавыченной прислали из Москвы, там не учитывается ни характер собеседника, ни обстановка, ни условия, в которых приходится выполнять поручение. Все это посол должен будет взять на себя. На то он и посол.

А отношение к Афганистану в Иране сложное. Особой дружбы исторически не было. Были войны: то побеждали иранцы, то афганцы. Есть спорные вопросы, например, о ресурсах реки Гильменд. В Иране прививалась нелюбовь к афганцам. Многие иранцы всегда считали себя во всех отношениях выше афганцев – это низшая раса. Тому способствовало и то обстоятельство, что в шахские времена до 900 тысяч безработных афганцев искали себе заработка в Иране на самых черных работах. А у каждого афганца по национальной традиции за голенищем сапога нож. Часто грабежи и убийства сваливали на афганцев. Во время моей работы в Иране было несколько случаев самосуда толпы над афганцами – их вешали на столбах как разбойников.

Шах в разговорах со мной всегда с легкой иронией говорил об Афганистане. Когда в 1978 году произошла в Кабуле Апрельская революция, шах встревожился. В беседе допытывался у меня: что за люди пришли к власти, что правительство Дауда прогнившее и должно пасть, он в этом не сомневался и, видимо, желал. Но кто эти новые люди? Говорят, они левые, марксисты.

Я спросил шаха, почему он волнуется, если пришли к власти левые, ему-то что?

«Как что, – чуть не вскричал шах, – ведь вам тогда до теплых морей остается каких-то 400 километров, и завещание Петра Великого будет выполнено. А это ведь Пакистан, я его в обиду не дам!»

Пришлось рассказывать шаху историю о фальшивом «завещании Петра I», заодно заметил: «Не надо волноваться, ведь Вы всегда говорили, что всегда спокойны за северные границы Ирана – там коммунистический Советский Союз. Теперь не надо будет заботиться и о восточных границах – там, как Вы говорите, “левый” Афганистан». Шах криво улыбнулся шутке...

...Уже рассветало, когда показались золотые купола мечетей Кума. Далеко при подъезде к городу дорога перегорожена металлическими бочками с песком – первый контрольный пункт. Выбегают из будки бородачи с автоматами, удивленно смотрят на красный флаг. «Наши» бородачи предъявляют свои документы, объясняют: советский посол едет по срочному делу к имаму.

Нас не торопят пропустить. Куда-то бегут гонцы, возвращаются. Нам разрешают ехать. Через километр та же история. Так через 5 или 6 кордонов, передавая нас один другому («советский посол едет к имаму»!). Мы подъехали довольно близко к улочке на окраине, где небольшой домик Хомейни. Дорогу туда мы знали хорошо: бывали несколько раз. Здесь нас плотно окружили стражники, подбежавшие от костров, где они грелись всю ночь. Дальше ни за что не хотели пропускать. И слышать об этом не хотели. Их командир спросил меня: разве я не знаю, что имам спит. Я посмотрел на часы – была половина седьмого утра. Нет, сказал я, имам уже встал полчаса назад и готовится к молитве (распорядок дня Хомейни мы хорошо знали). Командир опешил от нашей осведомленности. Тогда, не теряя времени, я попросил пропустить в канцелярию имама – в домик напротив резиденции – Островенко: он там все объяснит заведующему канцелярией, а мы будем ждать здесь. Нехотя, командир согласился. Женя ушел вместе с охранниками.

Ждали мы его минут сорок. Наконец он вернулся, сказал, что начальник канцелярии страшно удивился, сказал, что имам не принимает, но после долгих переговоров согласился на то, чтобы посол пришел в канцелярию. Возвращаясь к нам, Женя заметил, что начальник канцелярии, поддерживая руками свое длинное черное одеяние, побежал, шлепая босоножками, через улицу в дом Хомейни.

Мы пришли в «канцелярию». На полу на расстеленных красных паласах сидели вооруженные охранники, пили чай. Они очень вежливо пригласили нас присесть, угощая чаем в маленьких пузатеньких ста-

канчиках. Отказываться было нельзя – уж очень большой добросердечностью веяло от них. Сквозь широкие стекла окон был виден домик Хомейни – прямо напротив через узкую улочку.

Через полчаса вошел явно недовольный начальник канцелярии, сказал, что имам примет. И ушел. Прибежал через десять минут, делая руками знаки – скорей, мол.

Мы вошли в дом Хомейни. Сняли, как водится, ботинки перед входом в приемную комнату. Вошли в нее, здесь все, как обычно: никакой мебели. У одной из стен на полу белое в голубую клеточку байковое одеяло, сложенное вдвое. Это место, где сидеть имаму и мне.

Минуты через две появился Хомейни. Мы поздоровались легким поклоном, руки он никому не подает, только при первой моей встрече с ним было рукопожатие. Жестом руки пригласил сесть. Глаза настороженные, мохнатые брови угрюмо сдвинуты, и как-то не вяжется с настороженным видом черная чалма, немного сбитая на затылок – в спешке, видно, надевал.

Начал я, конечно, с больших извинений по поводу внезапного, без его разрешения приезда, но в жизни и на службе бывают очень редкие случаи, когда приходится во имя дела действовать не по правилам. Поэтому мы очень благодарны имаму за то, что он принял нас так рано.

Длинное и вежливое, в лучшем персидском стиле вступительное разъяснение хорошо подействовало на имама. Я отметил, что он немного расслабился, даже кивнул слегка головой в знак согласия, да, дескать, бывают в жизни и неожиданности. В комнате никого, кроме имама и нас – Островенко, Марьясова и меня – не было. И это была хорошая обстановка для неторопливого, с постепенным раскручиванием мысли, разговора в восточном стиле. С паузами, интонациями раздумья, легкой жестикуляцией, как бы помогающей изложить мысль. Конечно, никакой бумажки у меня в руках не было, иначе дело было бы испорчено.

Существо вопроса я начал с того, что прибыл по поручению самого высшего ру-

ководства страны и информация, которую мне поручили передать, предназначена лично для имама, оттого и моя непозволительная при других обстоятельствах настойчивость о встрече.

Далее я рассказал об истории наших отношений с Афганистаном с момента завоевания им в 1919 году независимости. Эти моменты я знал неплохо, так как, будучи в свое время заместителем министра иностранных дел СССР, я курировал наши отношения с Афганистаном, был там два раза, редактировал сборник интереснейших документов о советско-афганских отношениях в связи с 50-летием их установления. Действительно, в истории наших отношений с Афганистаном было много интересного, по-настоящему волнующего. Имам слушал, я заметил, с явным интересом.

Перейдя к нынешнему моменту, я объяснил чисто афганский характер Апрельской революции, как мы понимаем цели нового правительства, подчеркнул, что они имеют много общего с провозглашенной имамом программой преобразований в Иране, с одинаковой целью создания справедливого общества. Рассказал о противниках революции, их непрекращающихся попытках вернуть старое, о военной помощи им со стороны США. О многочисленных попытках остановить иностранное вмешательство. О неоднократных обращениях афганского правительства к Советскому Союзу за военной помощью. Да, действительно, к кому же обращаться, как не к соседней стране, с которой уже 60 лет самые дружественные отношения, независимо от правителей, стоявших у власти в Кабуле? О нашем трудном положении в связи с этими просьбами и, наконец, мучительном решении выполнить просьбу правительства Афганистана. Сегодня в Афганистан войдет ограниченный контингент советских войск, войдет временно. Мы хотели бы, чтобы имам знал об этом заранее и получил разъяснения из первых рук о причинах, побудивших нас пойти на этот необычный и тяжелый шаг. Заметил, что военное вмешательство извне в Афганистан затрагивает и интересы безопасности

Советского Союза, ведь Афганистан – наш сосед.

Сделал паузу. Имам молчал, выжидая, все ли я сказал. «Вот что мне поручено передать с надеждой, что этот шаг вызовет понимание у имама и в Иране», – заключил я свое сообщение.

Имам поднял бровь: «Кто такой Бабрак Кармаль?»

Я ответил, что, честно говоря, не знаю, но лишь слышал хорошие отзывы о нем.

Имам просил передать благодарность советскому руководству за то, что сочло необходимым его заранее информировать, это – знак дружбы и доверия, которые он ценит.

Говорил имам, как всегда, монотонно, но медленно, как бы собираясь с мыслями – ведь ему нужно ответственно отреагировать на эту необычную информацию. Он отметил, что право каждого народа самому решать свои дела без вмешательства извне. В Афганистане, как ему сообщают, притесняют священнослужителей, закрывают мечети. Это – антинародный акт, так поступать нельзя, ислам непобедим, его нельзя запретить. Если это правда, то надо, чтобы советские люди оказали свое влияние на афганское руководство. Афганистан – мусульманская страна, часть мусульманского мира, Ирану небезразлично поэтому, что там делается. Если там у руководства умные люди, то они не будут притеснять ислам. «Ввод советских войск в мусульманскую страну, конечно, дело неприятное и необычное для такой страны, как Советский Союз, который мы уважаем, но одобрить эти действия Иран, естественно, не может. Но раз уж войска вводятся, то передайте в Москву мой совет, – сказал Хомейни, – пусть они выполнят поскорее свое дело и уходят. И вообще, – продолжил он после небольшой паузы, – прошу советское руководство внимательно отнестись к мусульманским странам, иначе советская внешняя политика в отношении этих стран не будет иметь успеха». Имам замолчал, ушел в себя.

Я поблагодарил Хомейни за изложение им своих мыслей, отметив правильность его слов о необходимости учитывать такие фак-

торы, как религиозность населения, национальные особенности. Это – один из принципов нашей внешней политики.

Поскольку реакция Хомейни на мое сообщение не была жесткой, я рискнул выразить надежду на то, что и средства массовой информации Ирана, и проповедники в мечетях не будут разжигать страстей вокруг обсуждаемого сегодня вопроса с тем, чтобы отрицательно не повлиять на советско-иранские отношения.

У Хомейни мелькнула искорка в глазах. «Могу я обратиться к Вам с двумя просьбами? – спросил он вместо ответа. – На днях Совет Безопасности ООН будет рассматривать вопрос о применении санкций к Ирану в связи с захватом персонала американского посольства. Мне непонятно, почему американцы не хотят договориться с нами относительно освобождения наших средств в США. Будет ли Советский Союз поддерживать требование о применении санкций к Ирану? Даже если резолюция о санкциях не будет принята, мы знаем, что американцы собираются устроить блокаду всех иранских портов в Персидском заливе. Не мог ли бы в этом случае Иран воспользоваться возможностями транзита через Советский Союз в Европу?»

Конечно, у меня конкретных указаний по этим вопросам не было, но и ответить Хомейни, что, дескать, передам его просьбы в Москву, было негоже. Если бы я так поступил, то создал бы впечатление, что мы относимся к Ирану с каким-то резервом, как любят говорить некоторые дипломаты, «дистанцируемся». А этого в тот день, когда нужна была спокойная реакция Ирана на наш глубоко необдуманный шаг в отношении Афганистана, нельзя было позволить. Да и так было ясно, что в истории с американскими заложниками не все чисто и с американской стороны – нежелание иметь Иран в качестве равного партнера в переговорах об иранской собственности, хотя сам захват иранцами с благословения Хомейни персонала американского посольства был, конечно, вопиющим нарушением международного права. Что же касается иранского транзи-

та через Советский Союз, то он уже давно традиционно осуществлялся, и мы были в нем заинтересованы.

Поэтому я, не колеблясь, ответил Хомейни, что он может быть уверен, что анти-иранская резолюция о санкциях в Совете Безопасности не будет принята; что касается транзита через Советский Союз, то мы также готовы выполнить просьбу имама.

Я, конечно, не могу воспроизвести буквально всю беседу с Хомейни. Это – воспоминания более чем десятилетней давности. Поэтому то, что описано, это впечатление от беседы, но точное, накрепко осевшее в памяти. Такие вещи не забываются.

Хомейни был явно удовлетворен беседой. Помня, что излишне долгий разговор оставляет плохое впечатление, мы поблагодарили имама и распрощались. Он остался стоять и даже высунул руку из под своего одеяния, поднял ее, прощаясь, как бы благословляя нас.

Выйдя на улицу, мы столкнулись... с Готбзаде, смотревшего на нас неодобрительно и даже с какой-то завистью. Когда же он успел примчаться? На часах было всего 8 утра. Мы поздоровались, он предложил поискать место в канцелярии, где бы сесть и поговорить. Нас поразило, что служащие канцелярии с ним обращались весьма-таки пренебрежительно. Найти местечко удалось. Ничего не говорить о разговоре с Хомейни я, естественно, не мог: все же Готбзаде – министр иностранных дел (я тем более не знал, что через 3 года его расстреляют как американского агента) и портить отношения с ним ни к чему.

Я кратко рассказал Готбзаде, что информировал Хомейни о вводе сегодня в Афганистан ограниченного контингента советских войск, объяснил причины. О реакции Хомейни и его просьбах я нарочно умолчал. Готбзаде сделал вид, что мое сообщение его не удивило, сделал безразличный вид, мы распрощались...

Домой ехали уже солнечным утром. Обсуждали реакцию Хомейни, пришли к заключению, что она была мудрой. Подъезжая к Тегерану, включили иранское радио. Оно

уже передавало сообщение о нашей беседе с Хомейни. Но что удивительно: наша информация имаму была изложена сверхкратко – сам факт о вводе войск в Афганистан, а затем уж сочиненный кем-то ответ, якобы данный нам Хомейни, – суровый, негативный, острый. Для нас было ясно: факт посещения и наша информация известны, о них Хомейни должен сообщить, а позицию имама надо изложить покрепче, постараться относительно резких формулировок, чтобы народ знал о твердости Хомейни. И, конечно, ни слова о просьбах Хомейни.

Резолюция в Совете Безопасности ООН о санкциях против Ирана не прошла, транзит через Советский Союз расширился, блокада Ирана была сорвана. Несмотря на первое резкое сообщение о нашей беседе, затем ни в печати, ни в выступлениях Хомейни и других политико-религиозных деятелей Советский Союз за ввод войск в Афганистан не подвергался острой критике в течение примерно трех месяцев. Шумел с негодованием Пакистан, США, Англия, другие страны, соседний нам Иран практически не реагировал. Имам сдержал свое слово. Дело есть дело.

Потом, увидя, что трех месяцев советским войскам, видимо, не хватило, чтобы «сделать свое дело и уйти», как он рекомендовал, Хомейни начал выступать с резкой критикой Советского Союза.

В заключение любопытная деталь: нам говорили, что после нашей беседы Хомейни созвал высшее руководство страны. Как он информировал о беседе – неизвестно, но нам говорили, что присутствовавший там Готбзаде внес предложение: захватить персонал советского посольства в Тегеране и держать заложниками до тех пор, пока Советский Союз не выведет свои войска из Афганистана. Имам отмахнулся: «Мы уже и так в ссоре с одной из великих держав, зачем быть в такой же ссоре с другой?»

Готбзаде свои намерения попытаться нанести ущерб советско-иранским отношениям все-таки осуществил. Был предпринят налет на посольство, учинен большой разгром, и если бы не вмешательство Хомейни,

к которому пришлось срочно обратиться напрямую из осажденного посольства под звон разбиваемых окон и рев толпы, то дело могло бы кончиться плохо.

Но это уже совсем другая история.

Машинописный оригинал с рукописной авторской правкой. Подпись – автограф.

Послесловие

На первый взгляд акция, предпринятая посольством СССР в Тегеране в ночь на 28 декабря 1979 г., представляется просто невероятной, если не сказать мифической, учитывая ситуацию тех дней в Иране и регионе и отношения двух соседних стран. Даже человек, хорошо знакомый с той ситуацией, может с полным основанием сказать: «Такого просто не могло быть!»

Действительно, в тот период отношения между двумя странами были крайне напряженными: не прошло еще и года с момента революции в Иране, одним из лозунгов которой был «Смерть “малому сатане”!» (СССР)¹. Тем не менее в условиях враждебного окружения советское посольство было вынуждено выполнить столь неожиданное и непростое задание Кремля и успешно с этим справилось. Такая акция должна была быть серьезно политически мотивированной. И именно отсутствие в воспоминаниях посла В.М. Виноградова какого-либо объяснения такого шага Москвы вызывает главный вопрос, на который нет ответа: какую цель преследовал этот беспрецедентный и не имевший видимых последствий ни для советско-иранских отношений, ни для последующего отношения аятоллы Хомейни и самого Ирана к афганской революции дипломатический ход?

Были ли продуманы послом и его советниками последствия такого шага? Впрочем, это вопрос скорее к кремлевским стратегам, замыслившим афганскую авантюру. А они, эти последствия, могли быть крайне негативными для дальнейших отношений двух стран. Исторически отношения между Ираном и Афганистаном действительно никогда

не были близкими и теплыми. Но вторжение советских войск в соседнюю страну не только предполагало ее оккупацию «неверными» и, соответственно, ущемление ислама и связанных с ним законов и обычаев, но и могло создать потенциальную угрозу самому Ирану, что отчетливо должен был понимать аятолла.

В этой связи удивляет спокойствие и отсутствие каких-либо эмоций со стороны Хомейни, выслушивавшего явно неприятную для него новость, которая через несколько дней взорвала мировое общественное мнение: все последующие годы вплоть до вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. подавляющее большинство стран-членов ООН требовали немедленного удаления иностранных войск из Афганистана. Кроме советских, других там не было. Предвидели советский посол такого рода реакцию иранского духовного лидера? Вопрос остается без ответа, как и многие другие. А ведь он изложил иранцу официальную версию надвигавшегося вторжения в Афганистан, которая даже в те дни выглядела надуманно, фальшиво и, конечно же, явно неубедительно. В ответ на обвинения в адрес противников афганской революции, которым оказывают помощь США, Хомейни отметил, что «право каждого народа самому решать свои дела без вмешательства извне». При этом он сетовал на то, что в Афганистане новые власти «притесняют священнослужителей, закрывают мечети», и расценивал это как «антинародный акт». Поэтому в контексте общего разговора мнение имама можно было трактовать как двусмысленное: не имел ли он в виду вмешательство именно со стороны Советского Союза, направлявшего войска в мусульманскую страну для поддержки антиисламского режима. Маловероятно, но не исключено.

Конечно, учитывая обстоятельства принятия решения Кремлем о вводе войск в Афганистан, можно было бы поставить под сомнение достоверность этой акции советской дипломатии и просто отмахнуться от нее. Для этого, казалось, были серьезные основания. Теперь уже известно, что решение о во-

енной кампании в Афганистане было принято в узком кругу верхушки Политбюро ЦК КПСС в составе шести его членов, втайне от остальных партийных и государственных лидеров, от самого ЦК, Верховного Совета СССР и всего народа. Как при такой конспирации и тотальном недоверии сугубо секретная информация была передана далеко не дружественному лидеру соседней страны?

Остается лишь гадать о том, чего хотели кремлевские лидеры от Хомейни. Вряд ли они искали у него поддержки. Или это была попытка как-то упредить возможные враждебные акты со стороны Ирана, нейтрализовать его? Хотя бы на какое-то время. Действительно ли в Кремле рассчитывали на краткосрочность развязанной военной кампании, которая не дала бы возможности далеко не дружественному нам Ирану предотвратить или хотя бы остановить советскую экспансию? К счастью, Тегеран не смог, а, может, и не планировал активное военное противодействие советской акции, хотя сразу же занял позицию жесткой конфронтации по отношению к афганской революции.

И все-таки при всех неясностях, безответных вопросах и разного рода предположениях, если не назвать их гаданиями, мы не вправе сомневаться в правдивости крупного и уважаемого дипломата, в своих воспоминаниях раскрывшего уникальный,

на первый взгляд, исторический факт, высветивший малоизвестные страницы истории советской дипломатии, советско-иранских и ирано-афганских отношений. Тем более, что недавно эта история нашла подтверждение в фундаментальном историческом труде известного афганского писателя и журналиста Вахида Можда «Политические отношения между Ираном и Афганистаном в XX веке», изданном в Кабуле в 2010 г.² К сожалению, он предельно коротко констатировал факт встречи аятоллы Хомейни с советским послом, информировавшим иранского духовного лидера о предстоящей военной акции в Афганистане. При этом, правда, афганский автор привел слова Хомейни в адрес СССР: «Если вам удастся захватить Афганистан, то все равно вы не сможете удержать его»³. Это были пророческие слова...

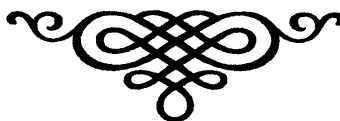
В.Г. Коргун

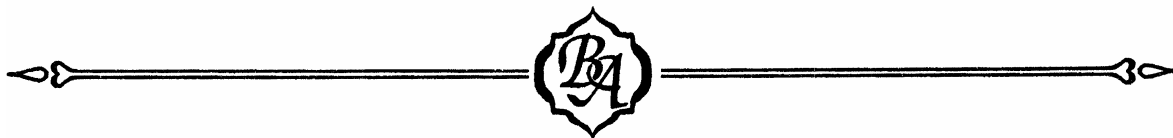
Примечания

¹ «Большим сатаной» и главным объектом ненависти иранцев были, разумеется, США.

² Вахид Можда. Равабет-е сияси-йе Иран ва Афганистан дар карн-е бистом. (Ирано-афганские политические отношения в XX веке). Кабул, 2010 (на языке дари).

³ Там же, с. 209.

НАШИ АВТОРЫ

АНТОШИН Алексей Валерьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета (Екатеринбург). E-mail: alex_antoshin@mail.ru

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru; www.belyakovv.com

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива Российской академии наук. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

ГОРЯЧКИН Геннадий Васильевич – доктор исторических наук, профессор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: 26562@starnet.ru

ЗАЙЦЕВ Илья Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: ilyaaugust@yandex.ru.

КИЗИЛОВ Михаил Борисович – стипендиат Гумбольтовской стипендии Университета Тюбингена (Германия). E-mail: Mikhail.Kizilov@gmail.com

КОРГУН Виктор Григорьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: vkorgun@mail.ru

КУНКОВА Вероника Ильинична – соискатель Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: veronikakunkova@yandex.ru

МАЛЕВИНСКАЯ Марина Евгеньевна – кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива Военно-Морского Флота. E-mail: malemarina@yandex.ru

МАРАХОНОВА Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: si-marakh@yahoo.com

ХАЗАНОВ Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Сектором региональных проблем и международных отношений Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru